

1. Рапунцель (Урок 1)

<http://hobbitaniya.ru/grimm/grimm12.php>

Однажды жили на свете муж и жена; им давно уже хотелось иметь ребенка, но его все не было; и вот, наконец, явилась у жены надежда, что милостивый господь исполнит ее желание.

А было у них в горенке маленькое окошко, оттуда был виден великолепный сад, где росло много прекраснейших цветов и всякой зелени. Но сад был обнесен высокой оградой, и никто не осмеливался в него входить, так как сад этот принадлежал одной колдунье; она обладала большим могуществом, и все на свете ее боялись.

Стояла раз жена у окошка, заглянула в сад и увидела грядку, а рос на ней прекраснейший рапунцель; был он на вид такой свежий и такой зеленый, что ей страсть как захотелось отведать этого рапунцеля. Это желание у нее все с каждым днем возрастало, но так как она знала, что его достать ей никак невозможно, то она вся исхудала, побледнела и выглядела несчастной. Испугался муж и спрашивает:

— Чего тебе, моя женушка, недостает?

— Ах, — говорит она, — если не добыть мне из того сада, что за нашим домом, зеленого рапунцеля и его не отведать, то останется мне одно — помереть.

Муж очень ее любил и подумал: «Уж если жене моей от этого помирать приходится, то я достану для нее рапунцеля, чего бы это мне ни стоило».

И вот перелез он в сумерках через каменную ограду в сад колдуньи, нарвал второпях целую пригоршню зеленого рапунцеля и принес его жене.

Она тут же приготовила себе из него салат и с жадностью его поела. И салат ей этот так понравился, показался ей таким вкусным, что на другой день появилось у нее желанье втрое большее, чем прежде. И она не могла найти себе покоя, пока муж не согласился полезть в сад еще раз.

Он пробрался туда в сумерках, пролез через каменную ограду, но сильно перепугался, увидав перед собой колдунью.

— Как ты смеешь лазить в мой сад, — сказала она, гневно на него поглядев, — и красть у меня, как вор, мой зеленый рапунцель? Тебе плохо за это придется.

— Ах, — ответил он, — вы уж меня простите, ведь я решился на это по нужде: моя жена увидала из окошка ваш зеленый рапунцель и почувствовала к нему такую страсть, что, пожалуй, умерла бы, если бы его не отведала.

Гнев у колдуньи немного прошел, и она сказала ему:

— Если это правда, что ты говоришь, то я позволю тебе набрать рапунцеля столько, сколько ты пожелаешь, но при одном условии: ты должен будешь отдать мне ребенка, который родится у твоей жены. Ему будет у меня хорошо, я буду о нем заботиться, как мать родная.

И он со страху согласился на все. Когда жене пришло время рожать и она родила дочку, явилась тотчас колдунья, назвала дитя Рапунцель и забрала его с собой.

Стала Рапунцель самой красивой девочкой на свете. Когда ей исполнилось двенадцать лет, колдунья заперла ее в башню, что находилась в лесу; в той башне не было ни дверей, ни лестницы, только на самом ее верху было маленькое оконце. Когда колдунье хотелось забраться на башню, она становилась внизу и кричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,

Спусти свои косоньки вниз.

А были у Рапунцель длинные прекрасные волосы, тонкие, словно из пряжи золотой. Услышит она голос колдуньи, распустит свои косы, подвяжет их вверх к оконному крючку, и упадут волосы на целых двадцать аршин вниз, — и взбирается тогда колдунья, уцепившись за них, наверх.

Прошло несколько лет, и случилось королевскому сыну проезжать на коне через лес, где стояла башня. Вдруг он услышал пение, а было оно такое приятное, что он остановился и стал прислушиваться. Это пела Рапунцель своим чудесным голосом песню, коротая в одиночестве время. Захотелось королевичу взобраться наверх, и он стал искать вход в башню, но найти его было невозможно. Он поехал домой, но пение так запало ему в душу, что он каждый день выезжал в лес и слушал его.

Вот стоял он раз за деревом и увидел, как явилась колдунья, и услышал, как она закричала:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,

Спусти свои косоньки вниз!

Спустила Рапунцель свои косы вниз, и взобралась колдунья к ней наверх.

«Если это и есть та лесенка, по которой взбираются наверх, то и мне хотелось бы однажды попытаться счастья», — и на другой день, когда начало уже смеркаться, подъехал королевич к башне и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,

Спусти свои косоньки вниз!

И упали тотчас волосы вниз, и королевич взобрался наверх.

Рапунцель, увидя, что к ней вошел человек, какого она никогда не видела, сначала сильно испугалась. Но королевич ласково с ней заговорил и рассказал, что сердце его было так тронато ее пением и не было ему нигде покоя, и вот он решил ее непременно увидеть.

Тогда Рапунцель перестала бояться, и когда он спросил у нее, согласна ли она выйти за него замуж, — а был он молодой и красивый, — она подумала: «Он будет любить меня больше, чем старуха фрау Готель», — и дала свое согласие и протянула ему руку. Она сказала:

— Я охотно пойду вместе с тобой, но не знаю, как мне спуститься вниз. Когда ты будешь ко мне приходить, бери всякий раз с собой кусок шелка; я буду плести из него лесенку, и когда она будет готова, я спущусь вниз, и ты увезешь меня на своем коне.

Они условились, что он будет приходить к ней по вечерам, так как днем приходила старуха. Колдунья ничего не замечала до тех пор, пока однажды Рапунцель не заговорила с ней и не сказала:

— Скажи мне, фрау Готель, почему мне тебя тащить наверх тяжелей, чем молодого королевича? Он подымается ко мне в один миг.

— Ах ты, мерзкая девчонка! — крикнула колдунья. — Что я слышу? Я считала, что скрыла тебя ото всех, а ты меня все-таки обманула! — И она вцепилась в ярости в прекрасные волосы Рапунцель, обмотала их несколько раз вокруг левой руки, а правой схватила ножницы и — чик-чик! — отрезала их, и чудесные косы лежали на земле.

И была колдунья такою безжалостной, что завела бедную Рапунцель в глухую чащу; и пришлось ей там жить в большой нищете и горе.

И в тот же самый день, как она прогнала Рапунцель, она привязала вечером отрезанные косы к оконному крючку и, когда явился королевич и крикнул:

Рапунцель, Рапунцель, проснись,

Спусти свои косоньки вниз! —

то спустила колдунья волосы вниз.

И взобрался королевич наверх, но не нашел там своей любимой Рапунцель, а увидел колдунью. Она глянула на него своим злобным, язвительным взглядом.

— Ага! — крикнула она насмешливо. — Ты хочешь увезти свою возлюбленную, но красавицы-птички нет больше в гнезде, и она уже не поет. Ее унесла кошка, а тебе она выцарапает к тому же глаза. Ты потерял Рапунцель навек, не видать ее тебе больше никогда!

Королевич был вне себя от горя и в отчаянье выпрыгнул из башни; ему удалось сохранить жизнь, но колючие шипы кустарника, на которые он упал, выкололи ему глаза. И он бродил слепой по лесу, питаясь лишь одними кореньями да ягодами, и все время горевал и плакал по потерянной им любимой жене.

Так блуждал он несколько лет в горе и печали и зашел наконец в густую чащу, где жила, бедствуя, Рапунцель вместе со своими детьми-близнецами, которых она родила, с мальчиком и девочкою.

Вдруг услышал королевич чей-то голос; он показался ему таким знакомым, и он пошел навстречу ему; и когда подошел он ближе, то Рапунцель его узнала, бросилась к нему на шею и горько заплакала. Но упали две слезинки к нему на глаза, и он снова прозрел и стал видеть, как прежде. И он привел ее в свое королевство, где встретили его с радостью, и они жили долгие-долгие годы в счастье и довольстве.

2. Три ворона (Урок 2)

(Краткое содержание)

Однажды жила мать и у нее было трое маленьких сыновей. Как-то в воскресенье они в церкви играли в карты. Когда проповедь закончилась, мать пришла домой и прокляла своих безбожных детей. Они превратились в три черных ворона и улетели.

У этих трех братьев, однако, была сестра, которая их очень любила. Она была настолько поражена их изгнанием, что не находила себе покоя и,

наконец, отправилась на их поиски. Ничего не взяла она с собой, кроме стульчика, на который она садилась, когда уставала. И не ела она ничего, кроме диких яблок и груш. Однако, братьев-воронов не могла она найти. Только однажды, когда они пролетали над ее головой, один из них уронил колечко, и когда она подняла его, она узнала подаренное ею когда-то младшему брату кольцо.

Сестра продолжала искать братьев и шла далеко далеко, пока не подошла она близко к солнцу, которое было слишком жарким и поглощало маленьких детей. Затем подошла она к луне, которая оказалась слишком холодной и даже злой, и, как только девочка приблизилась к ней, она произнесла: «О, я чувствую запах, запах человеческой плоти!». Затем она подошла к звездам, которые были добры к ней и все сидели на маленьких стульчиках. А Утренняя Звезда встала и дала ей кусочик куриной ножки, сказав: «Если у тебя нет такой ножки, ты не можешь войти в стеклянную гору, а братья твои сидят в стеклянной горе!»

Сестра взяла ножку, завернула ее в тряпочку и шла так далеко, пока не подошла к стеклянной горе. Но ворота были закрыты. И когда она стала искать куриную ножку, она обнаружила, что потеряла ее по дороге. Тут она не знала, что ей делать, поэтому она отрезала себе маленький польчик и тогда смогла им отпереть ворота. Тут подошел к ней гномик и спросил, что она здесь делает. «Я ищу своих пропавших братьев-воронов». «Господа-вороны скоро вернуться», - сказал гномик. Он принес три тарелочки и три стаканчика, и из каждой тарелочки и каждого стаканчика сестричка съела и отпила немножко, а в последний стаканчик она бросила свое колечко.

Вдруг раздался в воздухе трепет и дрожь, и гномик сказал: «Господа-вороны возвращаются домой». И каждый из воронов спрашивал: «Кто ел из моей тарелочки? И кто пил из моего стаканчика?» Но когда младший брат увидел на дне своего стаканчика колечко, он понял, что это его сестричка пришла. Братья очень обрадовались этому, так как сразу были расколдованы, и все счастливо вернулись домой.

3. Дворовый петух и флюгерный (Урок 4)

http://andersen.com.ua/ru_dvorovyj_petuh_i_flyugernyj.html

Стояли два петуха — один на навозной куче, другой на крыше, но спесивы были оба одинаково. Кто же из них лучше, как потвоему? Скажи, а мы... останемся при своем мнении.

Птичий двор был отделен от соседнего деревянным забором, а на том дворе была навозная куча, и на ней рос большой огурец, сознававший, что он растение парниковое.

"А парниковым нужно родиться! — рассуждал он сам с собой. — Но не всем же родиться огурцами, надо существовать и другим породам. Куры, утки и все население птичьего двора тоже ведь живые твари. Вот стоит на заборе дворовый петух. Он почище флюгерного будет! Тот хоть и высоко сидит, а даже крыльями хлопать не может, не то что петь! Нет у него ни кур, ни цыплят, он занят только самим собою да знай потеет жарю-медянкой! Нет, дворовый петух — вот это петух! Как выступает! Словно танцует! А как поет — музыка! Послушать его, так узнаешь, что значит настоящий трубач! Да, приди он сюда, проглоти меня целиком со стеблем и листьями — вот была бы блаженная смерть!"

Ночью разыгралась непогода. Куры, цыплята и сам петух — все попрятались. Забор повалило ветром — шум, треск. С крыши падали черепицы, но флюгерный петух усидел. Он даже с места не сошел и уже не вертелся — не мог, хоть и был молод, недавно отлит. Флюгерный петух был очень разумен и степенен, он и родился стариком и не имел ничего общего с птицами небесными, воробьями и ласточками, которых презирал как "ничтожных вульгарных пискуней". Голуби-то побольше, и перья у них отливают перламутром, так что они даже смахивают на флюгерных петухов, вот только толсты они и глупы, думают лишь о том, как бы набить себе зоб, а потому и водиться с ними скучно.

Навещали флюгерного петуха и перелетные птицы. Они рассказывали ему о чужездальных странах, о воздушных караванах и страшные разбойничьи истории про нападения хищных птиц. Это было ново и интересно для первого раза, но затем шли повторения одного и того же, а это уже тоска смертная! Надоели ему они, надоело ему все. Не стоило ни с кем и водиться, все такие нудные, пошлые!

— Свет никуда не годится! — говорил он. — Все сплошная ерунда!

Флюгерный петух был, что называется, петухом разочарованным и, конечно, очень заинтересовал бы собою огурца, знай тот об этом. Но огурец был занят одним только дворовым петухом, и вот этот взял да пожаловал к нему в гости.

Забор был повален ветром, но грома и молнии давно уже не было.

— А что вы скажете об этом вот моем крике? — спросил у кур и цыплят дворовый петух. Малость грубоват он был, без изящества.

И куры с цыплятами вступили вслед за петухом на навозную кучу. Петух шагал вразвалку, словно кавалерист.

— Садовое растение! — сказал он огурцу, и тот сразу уразумел, как всесторонне образован петух, и даже не заметил, что его клюнули.

"Блаженная смерть!"

Подбежали куры и цыплята, у кур ведь всегда так: куда одна, туда и другая. Они кудахтали, пищали, любовались на петуха и гордились, что он из их породы.

— Ку-ка-ре-ку! — закричал он. — Цыплята сейчас же сделаются взрослыми, стоит мне прокукарекать об этом навесь мировой курятник.

Куры и цыплята закудахтали, запищали, а петух объявил великую новость:

— Петух может снести яйцо! И знаете, что в нем? Василиск! Никто не может выдержать его взгляда! Люди это знают, а теперь и все вы знаете, что есть во мне, знаете, что я всем петухам петух.

И дворовый петух захлопал крыльями, встопорщил гребешок и опять закукарекал. Кур и цыплят даже озноб прошиб, так им было лестно, что один из их семейства — петух из петухов. Они кудахтали и пищали так, что даже флюгерному петуху было слышно, но он и не пошевелился.

"Все ерундя! — говорил он сам себе. — Никогда дворовому петуху не снести яйца, а что до меня, то я просто не хочу! А захотел бы, то снес бы яйцо ветряное! Но мир не стоит ветряного яйца! Все ерунда! Я и сидеть-то здесь больше не хочу!"

И флюгерный петух надломился и слетел вниз, но дворового петуха все-таки не убил, хоть и норовил, как уверяли куры.

Мораль?

"Лучше петь петухом, чем разочароваться в жизни и надломиться!"

4. Лисица и аист (Урок 5)

https://pritchi.ru/id_5750

Лиса, скупая от природы,
Вдруг хлебосолкою затеяла прослыть.

Да только как тут быть,
Чтоб не вовлечь себя в излишние расходы?
Вопрос мудрён — решит его не всяк,
Но для Лисы такой вопрос пустяк:
Плутовка каши жидкой наварила,
Её на блюдо тонко наложила,
И Аиста зовёт преважно на обед.
На зов является сосед,
И оба принялись за поданное блюдо.
Ну, кашка, хоть куда! Одно лишь худо,
Что Аист есть так не привык:
Он в блюдо носом тык да тык,
Но в клюв ему ни крошки не попало;
А Лисонька меж тем в единый миг
Всю кашу языком слизала.
Вот Аист в свой черёд,
Чтоб наказать Лису, а частью для забавы,
Её на завтра ужинать зовёт.
Нажарил мяса он, сварил к нему приправы,
На мелкие кусочки накрошил
И в узенький кувшин сложил.
Меж тем Лиса, почуяв запах мяса,
Пришла голодная, едва дождавшись часа,
И ну, что было сил,
Давай вокруг стола юлить и увиваться
И щедрости сосуда удивляться.
Но лесть ей тут не помогла:
По клюву Аисту кувшин пришёлся впору,
У гостыи ж мордочка чресчур была кругла...
И жадная Кума ни с чем, как и пришла,
Поджавши хвост, к себе убралась в нору.

5. Камбала-рыба (Урок 6)

https://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/kambala_ryba

Рыбы давно уже были недовольны тем, что нет у них в царстве никакого порядка. Ни одна рыба не обращала вниманья на других рыб; все плавали кто куда - одна налево, другая направо, как вздумается; проплывали между другими рыбами, которым хотелось быть вместе, или загораживали дорогу; а те, кто посильней, били хвостом более слабых, чтоб те убирались

подальше, или попросту их враз проглатывали.

- Как было бы хорошо, если был бы у нас король, который следил бы за порядком и справедливостью, - говорили они. И вот они собрались однажды, чтоб выбрать себе владыкой того, кто мог бы быстрее всех рассекать волны и помогать слабым.

Стали рыбы у берега в ряды, и подала щука хвостом знак, по которому они должны были все разом тронуться с места. Как стрела ринулась вперед щука, а с ней вместе сельдь, голец, окунь, карпы и все прочие рыбы. Камбала тоже плыла с ними вместе, надеясь достигнуть цели.

Вдруг послышался крик:

- Сельдь впереди всех! Сельдь впереди всех!

- Кто впереди?! - закричала, скривившись от злости, плоская, завистливая камбала, сильно отставшая от остальных. - Кто впереди?

- Сельдь, сельдь! - был ответ.

- Голая сельдь, - крикнула завистница, - голая сельдь!

И с той поры стала камбала в наказание криворотой.

6. Стойкий оловянный солдатик (Урок 7)

<https://azku.ru/andersen-gans-hristian-skazki/stojkij-olovyannyj-soldatik.html>

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков, все братья, потому что родились от старой оловянной ложки. Ружье на плече, смотрят прямо перед собой, а мундир-то какой великолепный - красный с синим! Лежали они в коробке, и когда крышку сняли, первое, что они слышали, было:

- Ой, оловянные солдатики! Это закричал маленький мальчик и захлопал в ладоши. Их подарили ему на день рождения, и он сейчас же расставил их на столе. Все солдатики оказались совершенно одинаковые, и только один-единственный был немножко не такой, как все: у него была только одна нога, потому что отливали его последним, и олова не хватило. Но и на одной ноге он стоял так же твердо, как остальные на двух, и вот с ним-то и

На столе, где очутились солдатики, стояло много других игрушек, но самым приметным был красивый дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было заглянуть прямо в залы. Перед дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали восковые лебеди и гляделись в него.

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

- Оловянный солдатик, - сказал тролль, - не смотри куда не надо! Но оловянный солдатик сделал вид, будто не слышит.

И наступило утро; встали дети, и оловянного солдатика поставили на подоконник. Вдруг, по милости ли тролля, или от сквозняка, окно как распахнется, и солдатик как полетит вниз головой с третьего этажа! Это был ужасный полет. Солдатик взбросил негу в воздух, воткнулся каской и штыком между камнями мостовой, да так и застрял вниз головой. Мальчик и служанка сейчас же выбежали искать его, но никак не могли увидеть, хотя чуть не наступали на него ногами. Крикну он им: "Я тут!" - они, наверное, и нашли бы его, да только не пристало солдату кричать во

все горло - ведь на нем был мундир. Начал накрапывать дождь, капли падали все чаще, и наконец хлынул настоящий ливень. Когда он кончился, пришли двое уличных мальчишек. - Гляди-ка! - сказал один. - Вон оловянный солдатик! Давай отправим его в плавание!

И они сделали из газетной бумаги кораблик, посадили в него оловянного солдатика, и он поплыл по водосточной канаве. Мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Батюшки, какие волны ходили по канаве, какое стремительное было течение! Еще бы, после такого ливня! Кораблик бросало то вверх, то вниз и вертело так, что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко - ружье на плече, голова прямо, грудь вперед.

Вдруг кораблик нырнул под длинные мостки через канаву. Стало так темно, будто солдатик опять попал в коробку. "Куда меня несет? - думал он. - Да, да, все это проделки тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та барышня, тогда будь хоть вдвое темнее, и то ничего!"

Тут появилась большая водяная крыса, жившая под мостками. - Паспорт есть? - Спросила она. - Предъяви паспорт! Но оловянный солдатик как воды в рот набрал и только еще крепче сжимал ружье. Кораблик несло все вперед и вперед, а крыса плыла за ним вдогонку. У! Как скрежетала она зубами, как кричала плывущим навстречу щепкам и соломинам:

- Держите его! Держите! Он не уплатил пошлины! Он беспаспортный! Но течение становилось все сильнее и сильнее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг раздался такой шум, что испугался бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика водосточная канава впадала в большой канал. Для солдатика это было так же опасно, как для нас нестись в лодке к большому водопаду. Вот канал уже совсем близко, остановиться невозможно. Кораблик вынесло из-под мостка, бедняга держался, как только мог, и даже глазом не моргнул. Кораблик развернуло три, четыре раза, залило водой до краев, и он стал тонуть.

Солдатик оказался по шею в воде, а кораблик погружался все глубже и глубже, бумага размокала. Вот вода покрыла солдатика с головой, и тут он подумал о прелестной маленькой танцовщице - не видать ему ее больше. В ушах у него зазвучало:
Вперед стремись, воитель,
Тебя настигнет смерть!
Тут бумага окончательно расползлась, и солдатик пошел ко дну, но в ту же минуту его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было внутри, еще хуже, чем под мостком через водосточную канаву, да еще и тесно в придачу! Но оловянный солдатик не потерял мужества и лежал растянувшись во весь рост, не выпуская из рук ружья... Рыба заходила кругами, стала выделять самые диковинные скачки. Вдруг она замерла, в нее точно молния ударила. Блеснул свет, и кто-то крикнул: "Оловянный солдатик!" Оказывается, рыбу поймали, привезли на рынок, продали, принесли на кухню, и кухарка распоролла ей брюхо большим ножом. Затем кухарка взяла солдатика двумя пальцами за поясицу и принесла в комнату. Всем хотелось посмотреть на такого замечательного человечка - еще бы, он проделал путешествие в брюхе рыбы! Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и - каких только чудес не бывает на свете! - он оказался в той же самой комнате, увидел тех же детей, на столе стояли те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей. Она по-прежнему стояла на одной ноге, высоко вскинув другую, - она тоже была стойкая. Солдатик был тронут и чуть не заплакал оловянными слезами, но это было бы не пригоже. Он смотрел на нее, она на него, но они не сказали друг другу ни слова. Вдруг один из малышей схватил оловянного солдатика и швырнул в печку, хотя солдатик ничем не провинился. Это, конечно, подстроил тролль, что сидел в табакерке. Оловянный солдатик стоял в пламени, его охватил ужасный жар, но был ли то огонь или любовь - он не знал. Краска с него совсем сошла, никто не мог бы сказать, отчего - от путешествия или от горя. Он смотрел на маленькую танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но по-прежнему держался стойко, не выпуская из рук ружья. Вдруг дверь в комнату распахнулась, танцовщицу подхватило ветром, и она, как сильфида, порхнула прямо в печку к оловянному солдатiku, вспыхнула разом - и нет ее. А оловянный солдатик стоял в комочек, и наутро горничная, выгребая золу, нашла вместо солдатика оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась одна только блеска, и была она обгорелая и черная, словно уголь.

7. Старый дом (Урок 8)

<https://deti-online.com/skazki/skazki-andersena/staryy-dom/>

В одной улице стоял старинный-старинный дом, выстроенный ещё около трёхсот лет тому назад, — год был вырезан на одном из оконных карнизов, по которым вилась затейливая резьба: тюльпаны и побеги хмеля; тут же было вырезано старинными буквами, и с соблюдением старинной

орфографии целое стихотворение. На других карнизах красовались уморительные рожи, корчившие гримасы. Верхний этаж дома образовывал над нижним большой выступ; под самой крышей шла водосточная труба, оканчивавшаяся драконовою головой. Дождевая вода должна была вытекать у дракона из пасти, но текла из живота, — труба была дырявая.

Все остальные дома в улице были такие новенькие, чистенькие, с большими окнами и прямыми ровными стенами; по всему видно было, что они не желали иметь со старым домом ничего общего и даже думали: «Долго ли он будет торчать тут на позор всей улице? Из-за этого выступа нам не видно, что делается на улице по ту сторону его! А лестница-то, лестница-то! Широкая, будто во дворце, и высокая, словно ведёт на колокольню! Железные перила напоминают вход в могильный склеп, а на дверях блестят большие медные бляхи! Просто неприлично!»

Против старого дома, на другой стороне улицы, стояли такие же новенькие, чистенькие домики и думали то же, что их собратья; но в одном из них сидел у окна маленький краснощёкий мальчик, с ясными сияющими глазками; ему старый дом и при солнечном, и при лунном свете нравился куда больше всех остальных домов. Глядя на стену старого дома с истрескавшейся и местами пообвалившейся штукатуркой, он рисовал себе самые причудливые картины прошлого, воображал всю улицу застроенной такими же домами с широкими лестницами, выступами и остроконечными крышами, видел перед собою солдат с алебардами и водосточные трубы в виде драконов и змеев... Да, можно таки было заглядеться на старый дом! Жил в нём один старичок, носивший короткие панталоны до колен, кафтан с большими металлическими пуговицами и парик, про который сразу можно было сказать: вот это настоящий парик! По утрам к старику приходил старый слуга, который прибирал всё в доме и исполнял поручения старичка-хозяина; остальное время дня старик оставался в доме один-одинёшенек. Иногда он подходил к окну взглянуть на улицу и на соседние дома; мальчик, сидевший у окна, кивал старику головой и получал в ответ такой же дружеский кивок. Так они познакомились и подружились, хоть и ни разу не говорили друг с другом, — это ничуть им не помешало!

Раз мальчик услышал, как родители его говорили:

— Старику живётся вообще недурно, но он так одинок, бедный!

В следующее же воскресенье мальчик завернул что-то в бумажку, вышел за ворота и остановил проходившего мимо слугу старика.

— Послушай! Снеси-ка это от меня старому господину! У меня два оловянных солдатика, так вот ему один! Старый господин, ведь, так одинок, бедный!

Слуга, видимо, обрадовался, кивнул головой и отнёс солдатику в старый дом. Потом тот же слуга явился к мальчику спросить, не пожелает ли он сам навестить старого господина. Родители позволили, и мальчик отправился в гости.

Медные бляхи на перилах лестницы блестели ярче обыкновенного, точно их вычистили в ожидании гостя, а резные трубачи — на дверях были, ведь, вырезаны трубачи, выглядывавшие из тюльпанов, — казалось, трубили изо всех сил, и щёки их раздувались сильнее, чем всегда. Они трубили: «Тра-та-та-та! Мальчик идёт! Тра-та-та-та!» — Двери отворились, и мальчик вошёл в коридор. Все стены были увешаны старыми портретами рыцарей в латах и дам в шёлковых платьях; рыцарские доспехи бряцали, а платья шуршали... Потом мальчик прошёл лестницу, которая сначала шла высоко вверх, а потом опять вниз, и очутился на довольно-таки ветхой террасе с большими дырами и широкими щелями в полу, из которых выглядывала зелёная трава и листья. Вся терраса, весь двор и даже вся стена дома были увиты зеленью, так что терраса смотрела настоящим садом, а на самом-то деле это была только терраса! Тут стояли старинные цветочные горшки в виде голов с ослиными ушами; цветы росли в них как хотели. В одном горшке так и лезла через край гвоздика: зелёные побеги её разбегались во все стороны, и гвоздика как будто говорила: «Ветерок ласкает меня, солнышко целует и обещает подарить мне в воскресенье ещё цветочек!»

С террасы мальчика провели в комнату, обитую свиной кожей с золотым тиснением.

[illegible]

ГОВОРИЛИ СТЕНЫ.

В той же комнате стояли разукрашенные резьбою кресла с высокими спинками.

— Садись! Садись! — приглашали они, а потом жалобно скрипели. — Ох, какой лом в костях! И мы схватили ревматизм, как старый шкаф. Ревматизм в спине! Ох!

Затем мальчик вошёл в комнату с большим выступом на улицу. Тут сидел сам старичок-хозяин.

— Спасибо за оловянного солдатика, дружок! — сказал он мальчику. — И спасибо, что сам зашёл ко мне!

«Так, так» или, скорее, «кхак, кхак!» — закричала и зашуршала комнатная мебель. Стулья, столы и кресла просто лезли друг на друга, чтобы взглянуть на мальчика, но их было так много, что они только мешали один другому.

На стене висел портрет прелестной молодой дамы с живым весёлым лицом, но причёсанной и одетой по старинной моде: волосы её были напудрены, а платье стояло колом. Она не сказала ни «так», ни «кхак», но ласково смотрела на мальчика, и он сейчас же спросил старика:

— Где ты её достал?

— В лавке старьевщика! — отвечал тот. — Там много таких портретов, но никому до них нет и дела: никто не знает, с кого они писаны, — все эти лица давным-давно умерли и похоронены. Вот и этой дамы нет на свете лет пятьдесят, но я знал её в старину.

Под картиной висел за стеклом букетик сушёных цветов; им, верно, тоже было лет под пятьдесят, — такие они были старые! Маятник больших старинных часов качался взад и вперёд, стрелка двигалась и всё в комнате старело с каждою минутой, само того не замечая.

— У нас дома говорят, что ты ужасно одинок! — сказал мальчик.

— О! меня постоянно навещают воспоминания прошлого... Они приводят с собой столько знакомых лиц и образов!.. А теперь вот и ты навестил меня! Нет, мне хорошо!

И старичок снял с полки книгу с картинками. Тут были целые процессии, диковинные кареты, которых теперь уж не увидишь, солдаты, похожие на трефовых валетов, городские ремесленники с развевающимися знамёнами. У портных на знамёнах красовались ножницы, поддерживаемые двумя львами, у сапожников же не сапоги, а орёл с двух головах; сапожники, ведь, делают всё парные вещи. Да, вот так картинки были!

Старичок-хозяин пошёл в другую комнату за вареньем, яблоками и орехами. Нет, в старом доме, право, было прелесть как хорошо!

— А мне просто невмочь оставаться здесь! — сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке. — Тут так пусто и печально. Нет, кто привык к семейной жизни, тому здесь не житьё. Сил моих больше нет! День тянется здесь без конца, а вечер и того дольше! Тут не услышишь ни приятных бесед по душе, какие вели, бывало, между собою твои папаша с мамашей, ни весёлой возни ребятишек, как у вас! Старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто-нибудь целует? Глядит на него кто-нибудь ласково?

Бывает у него ёлка? Получает он подарки? Ничего! Вот разве гроб он получит!.. Нет, право, я не выдержу такого житья!

— Ну, ну, полно! — сказал мальчик. — По-моему, здесь чудесно; сюда, ведь, заглядывают воспоминания и приводят с собою столько знакомых лиц!

— Что-то не видал их, да они мне и незнакомы! — отвечал оловянный солдатик. — Нет, мне просто не под силу оставаться здесь!

— А надо! — сказал мальчик.

В эту минуту в комнату вошёл с весёлою улыбкой на лице старичок, и чего-чего он только ни принёс! И варенья, и яблок, и орехов! Мальчик перестал и думать об оловянном солдатике.

Весёлый и довольный вернулся он домой. Дни шли за днями; в старый дом по-прежнему посылались, а оттуда получались поклоны, и вот, мальчик опять отправился туда в гости.

Резные трубачи опять затрубили: «Тра-та-та! Мальчик пришёл! Тра-та-та!» Рыцари и дамы на портретах бряцали доспехами и шуршали шёлковыми платьями, свиная кожа говорила, а старые кресла скрипели и кряхтели от ревматизма в спине: «Ох!» Словом, всё было как и в первый раз, — в старом доме часы и дни шли один как другой, без всякой перемены.

— Нет, я не выдержу! — сказал оловянный солдатик. — Я уж плакал оловом! Тут слишком печально! Пусть лучше пошлют меня на войну, отрубят там руку или ногу! Всё-таки хоть перемена будет! Сил моих больше нет!.. Теперь и я знаю, что это за воспоминания, которые приводят с собою знакомых лиц! Меня они тоже посетили, и поверь, им не обрадуешься! По крайней мере ненадолго. Под конец я готов был спрыгнуть с сундука!.. Я видел тебя и всех твоих!.. Вы все стояли передо мною, как живые!.. Это было утром в воскресенье... Все вы, ребятишки, стояли в столовой, такие серьёзные, набожно сложив руки, и пели утренний псалом... Папа и мама стояли тут же. Вдруг дверь отворилась, и вошла незваная двухгодовалая сестрёнка ваша Маня. А ей стоит только услышать музыку или пение — всё равно какое — сейчас начинает плясать. Вот она и принялась приплясывать, но никак не могла попасть в такт, — вы пели так протяжно... Она поднимала то одну ножку, то другую и вытягивала шейку, но дело не ладилось. Никто из вас даже не улыбнулся, хоть и трудно было удержаться. Я таки и не удержался, засмеялся про себя, да и слетел со стола! На лбу у меня вскочила большая шишка — она и теперь ещё не прошла — и поделом мне было!.. Много и ещё чего вспоминается мне... Всё, что я видел, слышал и пережил в вашей семье так и всплывает у меня перед глазами! Вот каковы они, эти

воспоминания, и вот что они приводят с собой!.. Скажи, вы и теперь ещё поёте по утрам? Расскажи мне что-нибудь про малютку Маню! А товарищ мой, оловянный солдатик, как поживает? Вот счастливец!.. Нет, нет, я просто не выдержу!..

— Ты подарен! — сказал мальчик. — И должен оставаться тут! Разве ты не понимаешь этого?

Старичок-хозяин явился с ящиком, в котором было много разных диковинок: какие-то шкатулочки, флакончики и колоды старинных карт; таких больших, расписанных золотом, теперь уж не увидишь! Старичок отпёр для гостя и большие ящики старинного бюро и даже клавикорды, на крышке которых был нарисован ландшафт. Инструмент издавал под рукой хозяина тихие дребезжащие звуки, а сам старичок напевал при этом какую-то заунывную песенку.

— Эту песню певала когда-то она! — сказал он, кивая на портрет, купленный у старьёвщика, и глаза его заблестели.

— Я хочу на войну! Хочу на войну! — завопил вдруг оловянный солдатик и бросился с сундука.

Куда же он девался? Искал его и сам старичок-хозяин, искал и мальчик — нет нигде, да и только.

— Ну, я найду его после! — сказал старичок, но так и не нашёл. Пол весь был в щелях, солдатик упал в одну из них и лежал там, как в открытой могиле.

Вечером мальчик вернулся домой. Время шло; наступила зима; окна замёрзли, и мальчику приходилось дышать на них, чтобы оттаяло хоть маленькое отверстие, в которое бы можно было взглянуть на улицу. Снег запорошил все завитушки и надпись на карнизах старого дома и завалил лестницу, — дом стоял словно нежилой. Да так оно и было: старичок, хозяин его, умер.

Вечером к старому дому подъехала колесница, на неё поставили гроб и повезли старичка за город в фамильный склеп. Никто не шёл за гробом, — все друзья старика давным-давно умерли. Мальчик послал вслед гробу воздушный поцелуй.

Несколько дней спустя в старом доме назначен был аукцион. Мальчик видел из окошка, как уносили старинные портреты рыцарей и дам, цветочные горшки с длинными ушами, старые стулья и шкафы. Одно пошло сюда, другое туда; портрет дамы, купленный в лавке старьёвщика, вернулся туда

же, да так там и остался: никто, ведь, не знал этой дамы, никому и не нужен был её портрет.

Весною приступили к сломке старого дома — этот жалкий сарай давно уже мозолил всем глаза — и с улицы можно было заглянуть в самые комнаты с обоями из свиной кожи, висевшей клочьями; зелень на террасе разрослась ещё пышнее и густо обвивала упавшие балки. Наконец, место очистили совсем.

— Вот и отлично! — сказали соседние дома.

Вместо старого дома на улице появился новый, с большими окнами и белыми, ровными стенами. Перед ним, то есть собственно на том самом месте, где стоял прежде старый дом, разбили садик, и виноградные лозы потянулись оттуда к стене соседнего дома. Садик был обнесён железною решёткой, и вела в него железная же калитка. Всё это выглядело так нарядно, что прохожие останавливались и глядели сквозь решётку. Виноградные лозы были усеяны десятками воробьёв, которые чирикали наперебой, но не о старом доме, — они, ведь, не могли его помнить; с тех пор прошло столько лет, что мальчик успел сделаться мужчиною. Из него вышел дельный человек на радость своим родителям. Он только что женился и переехал с своею молодою женой как раз в этот новый дом с садом. Оба они были в саду; муж смотрел, как жена сажала в клумбу какой-то приглянувшийся ей полевой цветок. Вдруг молодая женщина вскрикнула:

— Ай! Что это?

Она укололась, — из мягкой рыхлой земли торчало что-то острое. Это был — да, подумайте! — оловянный солдатик, тот самый, что пропал у старика, валялся в мусоре и, наконец, много-много лет пролежал в земле.

Молодая женщина обтёрла солдатика сначала зелёным листком, а затем своим тонким носовым платком. Как чудесно пахло от него духами! Оловянный солдатик словно очнулся от обморока.

— Дай-ка мне посмотреть! — сказал молодой человек, засмеялся и покачал головой. — Ну, это, конечно, не тот самый, но он напоминает мне одну историю из моего детства!

И он рассказал жене о старом доме, о хозяине его и об оловянном солдатике, которого послал бедному одинокому старичку. Словом, он рассказал всё, как было в действительности, и молодая женщина даже прослезилась, слушая его.

— А, может быть, это и тот самый оловянный солдатик! — сказала она. — Я спрячу его на память. Но ты непременно покажи мне могилу старика!

— Я и сам не знаю, где она! — отвечал он. — Да и никто не знает! Все его друзья умерли раньше его, никому не было и дела до его могилы, я же в те времена был ещё совсем маленьким мальчуганом.

— Как ужасно быть таким одиноким! — сказала она.

— Ужасно быть одиноким! — сказал оловянный солдатик. — Но какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

— Счастье! — повторил чей-то голос возле, но никто не расслышал его, кроме оловянного солдатика.

Оказалось, что это говорил лоскуток свиной кожи, которою когда-то были обиты комнаты старого дома. Позолота с него вся сошла, и он был похож скорее на грязный комок земли, но у него был свой взгляд, и он высказал его:

Да,	позолота-то	сотрётся,
Свиная ж кожа остаётся!		

Оловянный солдатик, однако, с этим не согласился.

8. Белоснежка и семь гномов (Уроки 9 и 36)

<https://deti-online.com/skazki/skazki-bratev-grimm/belosnezhka-i-sem-gnomov/>

Было то в середине зимы, падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окошка, — рама его была из черного дерева, — и шила королева. Шила она, загляделась на снег и уколола иглою палец, и упало три капли крови на снег. А красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя:

«Если бы родился у меня ребенок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела, как снег, как кровь, румяна, и такая черноволосая, как черное дерево, — и прозвали ее потому Белоснежкой. А когда ребенок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. То была красивая женщина, но гордая и надменная, и она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил ее красотой. Было у нее волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и гляделась в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И зеркало отвечало:

Вы всех, королева, красивей в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду. Белоснежка за это время подросла и становилась все красивей, и когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивее самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

Оно ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,

Все же Белоснежка в тысячу крат выше красой!

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. С того часа увидит она Белоснежку — и сердце у нее разрывается, так стала она ненавидеть девочку. И зависть, и высокомерие росли, точно сорные травы, в ее сердце все выше и выше, и не было у нее отныне покоя ни днем, ни ночью. Тогда подозвала она одного из своих егерей и сказала:

—Отнеси ребенка в лес, я больше видеть ее не могу. Ты должен ее убить и принести мне в знак доказательства ее легкие и печень.

Егерь повиновался и завел девочку в лес, но когда вытащил он свой охотничий нож и, хотел было уже пронзить ни в чем не повинное сердце Белоснежки, стала та плакать и просить:

—Ах, милый егерь, оставь ты меня в живых, я убегу далеко в дремучий лес и никогда не вернусь домой.

И оттого что была она прекрасна, сжалился над нею егерь и сказал:

—Так и быть, беги, бедная девочка!

И точно камень свалился у него с сердца, когда не пришлось ему убивать Белоснежку. На ту пору как раз подбежал молодой олень, и заколол его егерь, вынул у него легкие и печень и принес их королеве в знак того, что приказание ее исполнено. Повару было велено сварить их в соленой воде, и злая женщина их съела, думая, что это легкие и печень Белоснежки.

И осталась бедная девочка в большом лесу одна-одинешенька, и стало ей так страшно, что все листочки на деревьях оглядела она, не зная, как быть ей дальше, как горю помочь. Пустилась она бежать, и бежала по острым камням, через колючие заросли, и прыгали около нее дикие звери, но ее не трогали. Бежала она, сколько сил хватило, и вот стало уже вечереть, увидела она маленькую избушку и вошла в нее отдохнуть. А в избушке той все было таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нем семь маленьких тарелочек, у каждой тарелочки по ложечке, а еще семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены семь маленьких кроваток, одна возле другой, и покрыты они были белоснежными покрывалами. Захотелось Белоснежке поесть и попить, и взяла она из каждой тарелочки понемногу овощей да хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина, — ей не хотелось выпить все из одного. А так как она очень устала, то попробовала лечь в постельку, но ни одна из них для нее не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой, но седьмая оказалась ей впору, легла она в нее и, отдавшись на милость Господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки, а были то семеро гномов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не все оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый гном:

—Кто это на моем стуле сидел?

Второй:

—Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

—Кто взял кусок моего хлеба?

Четвертый:

—Кто ел мои овощи?

Пятый:

—Кто моей вилочкой брал?

Шестой:

—Кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

—Кто это пил из моего маленького кубка?

И оглянулся первый и увидел, что на его постельке маленькая складочка, и спросил:

—Кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались и остальные и стали говорить:

—И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой гном на свою постель, видит — лежит в ней Белоснежка и спит. Позвал он тогда остальных, прибежали они, стали кричать от удивления, принесли семь своих лампочек и осветили Белоснежку.

—Ах, Боже ты мой! Ох, Боже ты мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребенок! — Они так обрадовались, что не стали ее будить и оставили ее спать в постельке. А седьмой гном проспал у каждого из своих товарищей по часу, — так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Белоснежка, увидела семь гномов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили:

—Как тебя зовут?

—Зовут меня Белоснежка, — ответила она.

—Как ты попала в нашу избушку?

И рассказала она им о том, что мачеха хотела ее убить, но егерь сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока, наконец, не нашла их избушку. Гномы спросили:

—Хочешь вести наше хозяйство, стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, все содержать в чистоте да порядке, — если согласна на это, можешь у нас остаться, и всего у тебя будет вдоволь.

—Хорошо, — сказала Белоснежка, — с большой охотой.

И осталась у них. Она содержала избушку в порядке, утром гномы уходили в горы искать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу приготовить им еду. Целый день девочка оставалась одна, и потому добрые гномы ее предостерегали и говорили:

—Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь, смотри, никого не впускай в дом.

А королева, съев легкие и печень Белоснежки, стала снова считать, что она самая первая и самая красивая из всех женщин в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,

Но Белоснежка там, за горами,

У гномов семи за стенами

В тысячу крат еще выше красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркало говорит правду, и поняла, что егерь ее обманул и что Белоснежка еще жива. И стала она снова думать да придумывать, как бы ее извести; не было ей от зависти покою, оттого что не она самая первая красавица в стране. И вот, наконец, она что-то надумала: наредила себе лицо, переделалась старой торговкой, так что и узнать ее было нельзя. Направилась она через семь гор к семи гномам, постучала в дверь и говорит:

—Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Белоснежка в окошко и говорит:

—Здравствуй, добрая женщина, что же ты продаешь?

—Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные. — И достала королева один из шнурков, показала, и был он сплетен из пестрого шелка.

«Эту честную женщину можно и в дом пустить», — подумала Белоснежка, открыла дверной засов и купила себе красивый шнурок.

—Как тебе идет, девочка, — молвила старуха, — дай-ка я зашнурую тебя как следует.

Белоснежна, не ожидая ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки, и начала старуха шнуровать, да так быстро и так крепко, что Белоснежка задохнулась и упала мертвая наземь.

—Была ты самой красивой, — сказала королева и быстро исчезла.

Вскоре после того, к вечеру, вернулись семь гномов домой, и как испугались они, когда увидели, что их милая Белоснежка лежит на земле, не двинется, не шелохнется, точно мертвая! Подняли они ее и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована, тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя. Когда гномы услышали о том, что случилось, они сказали:

—Старая-то торговка была на самом деле злая королева, берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась домой, подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,

Но Белоснежка там, за горами,

У гномов семи за стенами

В тысячу крат еще выше красой!

Когда услышала она такой ответ, вся кровь прилила у ней к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Белоснежка ожила снова.

—Ну, уж теперь, — сказала она, — я придумаю такое, что погубит тебя наверняка. — Зная ведьмино колдовство, приготовила она ядовитый гребень. Затем переоделась она и обернулась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи гномам, постучалась в дверь и говорит:

—Продаю товары хорошие! Продаю!

Белоснежка выглянула в окошко и говорит:

—Проходи, проходи дальше, в дом пускать никого не велено!

—Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Белоснежке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала: «Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу».

Бедная Белоснежка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать, но только та прикоснулась гребешком к волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

—Ты, писаная красавица, — молвила злая женщина, — теперь-то уж пришел тебе конец. — Сказав это, она ушла.

Но, к счастью, дело было под вечер, и семь гномов вскоре вернулись домой. Заметив, что Белоснежка лежит на земле мертвая, они тотчас заподозрили в том мачеху, стали доискиваться, в чем дело, и нашли ядовитый гребень; и как только они его вытащили, Белоснежка снова пришла в себя и рассказала им обо всем, что случилось. И еще раз гномы ей сказали, чтоб была она настороже и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,

Но Белоснежка там, за горами,

У гномов семи за стенами

В тысячу крат еще выше красой!

Услыхала она, что говорит зеркало, и вся задрожала-затрепетала от гнева.

—Белоснежка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко. Было оно снаружи очень красивое, белое и румяное, и всякому, кто б увидел его, захотелось бы его съесть, но кто съел хотя бы кусочек его, тот непременно бы умер. Когда яблоко было готово, накрасила она себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу, — за семь гор к семи гномам. Она постучалась, Белоснежка высунула голову в окошко и говорит:

—Пускать никого не ведено, семь гномов мне это запретили.

—Да, это хорошо, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я подарю тебе одно из них?

—Нет, — сказала Белоснежка, — мне ничего не велено брать.

—Ты что ж это, яду боишься? — спросила старуха. — Погляди, я разрежу яблоко на две половинки, румяную съешь ты, а белую съем я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Белоснежке отведать прекрасного яблока, и когда увидела она, что крестьянка его ест, то и она не удержалась, высунула из окошка руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, как тотчас упала замертво наземь. Посмотрела на нее своими злыми глазами королева и, громко захохотав, сказала:

—Бела, как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как черное дерево! Теперь твои гномы уж не разбудят тебя никогда.

Вернулась она домой и счала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей во всей стране.

И успокоилось тогда ее завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Гномы, возвратясь вечером домой, нашли Белоснежку лежащей на земле, бездыханной и мертвой. Они подняли ее и стали искать яд: они расшнуровали ее, причесали ей волосы, обмыли ее водой и вином, но ничего не помогло, — милая девочка как была мертвой, так мертвой и осталась. Положили они ее в гроб, сели все семеро вокруг нее и стали ее оплакивать, и проплакали они так целых три дня. Затем решили они ее похоронить, но она выглядела точно живая — щеки у нее были красивые и румяные.

И сказали они:

—Как можно ее такую в сырую землю закопать?

И велели они сделать для нее стеклянный гроб, чтоб можно было ее видеть со всех сторон, и положили ее в тот гроб, и написали на нем золотыми буквами ее имя, и что была она королевской дочерью. И отнесли они гроб тот на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И пришли также и птицы оплакивать Белоснежку: сначала сова, затем ворон и, наконец, голубок.

И вот долго-долго лежала в своем гробу Белоснежка, и казалось, что она спит, — была она бела, как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как черное дерево. Но случилось, что заехал однажды королевич в тот лес, и попал он в дом гномов, чтобы в нем переночевать. Увидел он на горе гроб, а в нем прекрасную Белоснежку, и прочел, что было написано на нем золотыми буквами. И сказал он тогда гномам:

—Отдайте вы мне этот гроб, а я дам вам за него все, что вы пожелаете.

Но ответили гномы:

—Мы не отдадим его даже за все золото в мире.

Тогда он сказал:

—Так подарите мне его. Я жить не могу, не видя Белоснежки.

Когда он это сказал, сжалились над ним добрые гномы и отдали ему гроб.

И велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что споткнулись они о какой-то куст, и от сотрясения выпал кусок ядовитого яблока из горла Белоснежки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба, а затем встала и сама.

—Ах, Господи, где же это я? — воскликнула она.

Королевич, исполненный радости, ответил:

—Ты у меня, — и поведал ей все, что произошло, и молвил:

—Ты мне милее всего на свете, пойдем вместе со мною в замок к моему отцу, и будешь ты моею женой.

Согласилась Белоснежка, и отпраздновали они пышную и великолепную свадьбу.

Но на праздник была приглашена и королева, мачеха Белоснежки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,

Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,

Но королева младая в тысячу крат еще выше красой!

И вымолвила тогда злая женщина свое проклятье, и стало ей так страшно, так страшно, что не знала она, как ей с собой справиться. Сначала она решила совсем не идти на свадьбу, но не было ей покоя — хотелось ей пойти и посмотреть на молодую королеву. И вошла она во дворец, и узнала Белоснежку, и от страха и ужаса как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для нее на горящие угли железные туфли, и принесли их, держа щипцами, и поставили перед нею. И должна была она ступить ногами в докрасна раскаленные туфли и плясать в них до тех пор, пока, наконец, не упала она мертвая наземь.

9. Золушка (Уроки 10 и 39)

<http://dlya-detey.com/skazki/sharlya-perro/122-zolushka.html#read>

Один человек, овдовев, женился снова. У него была дочка — молодая девушка. Вместе с мачехой в доме поселились и две ее дочери — злые и вздорные, как и их мать. Мачеха невзлюбила падчерицу и взвалила на нее самую грязную работу. После работы бедная девушка садилась в уголок

возле камина прямо на золу. Вот и прозвали ее сестры в насмешку Золушкой. Сами они жили в неге и довольстве.

Однажды в королевском дворце решили устроить бал. Приглашены на него были все знатные и богатые люди. Приглашение получили и золушкины сестры. Они бросились примерять нарядные бальные платья, а Золушка должна была их одевать и причесывать, да еще терпеть нескончаемые капризы. В конце концов, приготовления закончились, и сестры с матерью отправились на бал. Золушка же осталась дома и плакала в уголке. Очень уж ей хотелось тоже поехать на бал, да куда там — в таком рваном, испачканном золой платье.

Наступил вечер, и в сумерках в комнату вошла старая фея. Она спросила плачущую Золушку:

— Ты очень хочешь попасть на королевский бал? Не плачь, помоги мне. Есть у вас большая тыква?

Тыква нашлась в кладовке. Фея прикоснулась к ней своей волшебной палочкой, и тыква превратилась в золоченую карету. Потом фея заглянула в мышеловку. Взмах волшебной палочкой — и сидевшие там мыши оборотились шестеркой породистых лошадей. Пригодилась и крысоловка, и толстая усатая крыса превратилась в важного кучера на передке кареты.

— А теперь, — сказала Золушке фея, — ступай в сад. Там за лейкой сидят шесть ящериц. Принеси их мне.

Золушка принесла ящериц, и фея тут же превратила их в шестерых слуг, одетых в расшитые золотом ливреи.

— Ну вот, — сказала фея, — теперь ты можешь отправиться на бал.

— А платье, — залилась слезами Золушка, — платья-то нет.

Взмах волшебной палочки — и старое, испачканное золой платье, превратилось в роскошный бальный наряд. На ногах у девушки засверкали чудесные хрустальные туфельки. Не помня себя от радости, Золушка села в карету, кучер щелкнул кнутом, лошади заржали.

— Запомни, — произнесла фея, — волшебство продлится только до полуночи. После того, как часы пробьют двенадцать, карета снова станет тыквой, лошади оборотятся мышами, а кучер — толстой крысой. Наряд же твой снова превратится в старое платье. Прощай!

Карета тронулась. Бал был в самом разгаре, когда принцу доложили, что приехала прекрасная неизвестная принцесса. Он сам выбежал встречать ее и повел в зал. Музыка стихла, все замерли, изумленные ее красотой. Молодой принц тут же пригласил гостью на танец. Музыка заиграла опять. Золушка танцевала так легко, что все снова залюбовалась ею. Принц не отпускал ее от себя весь вечер, не прикасался к угощению и не сводил глаз со своей дамы. Но время шло, и вдруг Золушка услышала, что часы пробили три четверти двенадцатого. Она встала, распрощалась со всеми и убежала так быстро, что никто не смог ее догнать.

Вернувшись домой, Золушка поблагодарила фею и спросила, нельзя ли и завтра ей поехать во дворец, ведь принц так просил...

В это время раздался стук в дверь — приехали сестры. У них только и разговоров было, что о неизвестной принцессе.

На другой день они снова отправились во дворец. Золушка приехала тоже — и была еще наряднее и красивее. Принц не отходил от нее, говорил такие приятные вещи, что она забыла обо всем. И вдруг часы стали бить полночь. Золушка вспомнила предупреждение феи.

Опрометью бросилась она из зала. На лестнице, ведущей в сад, она оступилась и потеряла свою хрустальную туфельку. Темнота скрыла девушку. Скрыла и то, как бальный наряд превратился в старое запачканное платье, а карета с лошадьми и кучером вновь стали тыквой, мышами и крысой. Бросившемуся вдогонку принцу досталась лишь подобранная им на лестнице хрустальная туфелька.

Вернувшиеся с бала мачеха с дочками опять на все лады обсуждали появление на балу неизвестной Красавицы, а также ее поспешное бегство. Они не узнали в ней свою Золушку. Принц же не мог позабыть незнакомку и приказал разыскать ее.

По всему королевству разъезжали его придворные и примеряли хрустальную туфельку подряд всем девушкам. Наконец они приехали и в дом Золушки. Как ни старались ее сестры втиснуть свои ножищи в хрустальную туфельку — все напрасно. Придворные собрались было уже уходить, да спросили:

— Нет ли у вас еще какой-либо девицы в доме?

— Есть, — отвечали сестры, — да она у нас такая замарашка.

Все же позвали и Золушку. Примерили туфельку и — о, чудо! туфелька

пришлась впору. Тогда Золушка достала из кармана вторую и надела ее, не говоря ни слова.

В это время дверь тихонько приоткрылась. В комнату вошла старая фея, дотронулась своей волшебной палочкой до бедного платья Золушки, и оно сразу же превратилось в пышный наряд, еще более прекрасный, чем накануне. Все ахнули!

Тут сестры и мачеха поняли, кто была та неизвестная красавица на балу. Они бросились к ней просить прощения. Золушка была не только хороша собой, но и добра: она простила их от всего сердца. Придворные подхватили Золушку и повезли во дворец. В тот же день сыграли свадьбу — принц женился на Золушке.

10. Волк и лиса (Урок 11)

https://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/volk_i_lisa

Жила лиса у волка в услуженье, и что волк ее заставлял, то лисе и приходилось делать, - оттого, что была она его слабее; и захотелось лисе от хозяина такого избавиться. Случилось раз идти им вместе по лесу, а волк и говорит:

- Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем!

И ответила лиса:

- Я знаю один крестьянский двор, есть там двое молодых ягнят; если хочешь, давай одного утащим.

Это волку понравилось, пошли они туда; и украла лиса ягненка, притащила его волку, а сама убежала. Съел волк ягненка, но этого показалось ему мало, захотелось ему добыть другого, и пошел он, чтоб его утащить. Но волк был такой неловкий, - заметила волка мать ягненок и принялась так сильно кричать и блеять, что сбежались крестьяне. Нашли они волка и так его избили, что он, прихрамывая и воя, явился к лисе.

- Ты меня, однако, здорово подвела, - сказал он, - хотел я было утащить другого ягненка, но поймали меня крестьяне и сильно мне бока намяли.

А лиса говорит:

- А зачем ты такой ненасытный?

На третий день пошли они снова на поле, и говорит волк опять:

- Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

И ответила лиса:

- Я знаю один крестьянский двор, нынче вечером там хозяйка блины печет,

- давай их утащим.

Пошли они туда, а лиса весь дом кругом обшарила, все разглядывала да принюхивалась, пока не узнала, где горшки стоят, стащила потом шесть блинов и принесла их волку.

- На тебе, ешь, - сказала она ему, а сама пошла своей дорогой.

Проглотил волк блины вмиг и говорит:

- Они такие вкусные, что мне еще хочется, - пошел и свалил всю миску на пол, - одни только черепки остались.

Раздался грохот, и явилась хозяйка, заметила волка, стала людей звать на помощь. Сбежались люди, стали бить его кто чем попало, и убежал он, на обе ноги прихрамывая и громко воя, к лисе в лес.

- Что это ты меня так сильно подвела? - воскликнул волк. - Поймали меня крестьяне и начесали мне спину!

Отвечает лиса:

- А зачем ты такой ненасытный?

На третий день вышли они вместе на поле. Волк, прихрамывая, еле поспевал за лисой, и говорит ей:

- Лиса рыжая, достань-ка мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

Отвечает лиса:

- Я знаю одного крестьянина, он зарезал корову, и засоленное мясо лежит у него в погребе, в бочонке, - давай его утащим!

Сказал

волк:

- Так давай пойдем поскорее вместе, а ты мне поможешь, если я сам выбраться не смогу.

- Что ж, пойдем, пожалуй, - сказала лиса и показала ему все пути и лазейки.

И вот добрались они, наконец, до погреба. А было там мяса вдосталь, и волк тотчас принялся за него и подумал: "Всё съем - времени хватит." Лиса тоже как следует полакомилась, но все кругом поглядывала и частенько подбегала к дыре, через которую они в погреб забрались, да все пробовала, достаточно ли дыра широка, чтоб в нее пролезть. А волк говорит:

- Лиса милая, скажи мне, отчего ты все взад да вперед бегаешь и все куда-то выскакиваешь?

- Да надо ведь поглядеть, не идет ли кто, - отвечала хитрая лиса, - не ешь только слишком много.

Волк

говорит:

- Я уйду не раньше, чем весь бочонок съем.

А между тем приходит в погреб крестьянин, услышал он шорох лисьих лап. Как увидела его лиса, одним махом выскочила в дыру; хотел было и волк следом за ней, но он так набил себе брюхо, что пролезть не смог и застрял в дыре. Взял крестьянин дубину и убил его. А лиса в лес убежала и рада была, что от такого обжоры избавилась.

11. Красная шапочка (Урок 14)

<https://deti-online.com/skazki/skazki-sharlja-perro/krasnaja-shapochka/>

Жила-была в одной деревне девочка красоты невиданной: мать любила её без памяти, а бабушка и того больше.

Сшила как-то раз бабушка любимой внучке шапочку красного цвета и так сильно она девочке понравилась, что и снимать не хотелось. Всюду ходила она в своей шапочке, потому и стали называть её Красной Шапочкой.

Раз испекла мама пирожки и говорит своей дочке:

- Сходи-ка ты навести бабушку, ей нездоровится. Да отнеси ей пирожки и горшочек масла. Смотри только в лесу не останавливайся и ни с кем не разговаривай.

Красная Шапочка была послушной девочкой, она сейчас же собралась и отправилась к бабушке, которая жила в другой деревне.

Идёт она по лесной тропинке и тут навстречу ей волк. Волк хотел было её съесть, да побоялся, потому что поблизости был слышен стук дровосеков. Вот он и спрашивает:

- Куда ты идёшь, Красная Шапочка?

Бедная девочка забыла, что опасно в лесу останавливаться и разговаривать с волками, и отвечает ему:

- Иду к бабушке; несу ей пирожки да горшочек масла.

- А далеко живёт твоя бабушка? - спрашивает волк.

- Очень далеко! - отвечает Красная Шапочка: - вон за той мельницей, что виднеется на опушке леса; а там будет первый дом как войдёшь в деревню.

- Знаешь, - говорит ей волк: - пойду-ка и я навещу твою бабушку. - Я пойду этой дорогой, а ты ступай по той: посмотрим, кто из нас быстрее дойдёт.

И волк бросился изо всех сил бежать по самой короткой дороге, а девочка побрела неспеша по самой длинной. По пути она собирала букеты и напевала песенки.

Прибежал волк первым к бабушкину дому. Постучался:

- Тук, тук.

- Кто там?

- Это я, внучка ваша, Красная Шапочка, - отвечал волк тоненьким голоском:
- принесла вам пирожки да горшочек масла.

Бабушка лежала в постели, потому что ей немного нездоровилось, и крикнула оттуда:

- Дёрни за верёвочку, дверь сама и откроется.

Волк дёрнул за верёвочку, дверь открылась. Он бросился на старушку и разом проглотил её, потому что уже больше трёх дней ничего не кушал.

Потом он запер дверь, улегся в бабушкину постель и стал поджидать Красную Шапочку, которая через некоторое время добрела до бабушкиного домика и постучалась:

- Тук, тук.

- Кто там?

Услышав грубый голос, Красная Шапочка сперва было испугалась, но подумав, что видимо у бабушки голос осип из-за болезни, отвечала:

- Это я, внучка ваша, Красная Шапочка, принесла вам пирожки да горшочек масла.

Волк крикнул как-только мог тонким голосом:

- Дёрни за верёвочку, дверь сама и откроется.

Красная Шапочка дёрнула за верёвочку, дверь открылась. Когда девочка вошла, волк закутался хорошенько в одеяло, чтоб она его не узнала, и говорит:

- Положи куда-нибудь пирожок да горшочек масла, и иди приляг со мною, отдохни с дороги.

Красная Шапочка прилегла рядом и спрашивает:

- Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие руки?

- Это, внучка, чтобы покрепче тебя обнимать.

- Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие уши?

- Это, внучка, чтобы получше тебя слышать.

- Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие глаза?

- Это, внучка, чтобы получше тебя видеть.

- Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие зубы?

- А это, чтобы тебя съесть!

И с этими словами злой волк бросился на Красную Шапочку и проглотил её. Хорошо, что в ту пору в лесу работали дровосеки. Они услышали шум и вбежали в дом, где сразу кинулись к волку и убили его. Освободили Красную Шапочку и бабушку. Обе были целые и невредимые.

12. Гензель и Гретель (Урок 15)

https://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/genzel_i_gretel

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку - Гретель. Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание.

И вот, под вечер, лежа в постели, стал он раздумывать, и всё одолевали его разные мысли и заботы; вздыхал он и говорит жене:

- Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

- А знаешь что, - отвечала жена, - давай-ка пораньше утром, только начнет светать, заведем детей в лес, в самую глухую чащу; разведем им костер, дадим каждому по куску хлеба, а сами уйдем на работу и оставим их одних. Дороги домой они не найдут, вот мы от них и избавимся.

- Нет, жена, - говорит дровосек, - этого я не сделаю; ведь сердце-то у меня не камень, я детей одних бросить в лесу не могу, там нападут на них дикие звери и их разорвут.

- Эх ты, простофиля! - говорит жена. - Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадем, и останется только одно, - гробы сколачивать. - И она донимала его до тех пор, пока он с ней согласился.

- А все-таки жалко мне моих бедных детей! - сказал дровосек.

Дети от голода не могли уснуть и слышали всё, что говорила мачеха отцу. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

- Видно, нам теперь пропадать придется.

- Тише, Гретель, - сказал Гензель, - не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

- Утешься, милая сестрица, спи себе теперь спокойно, господь нас не оставит. - И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

- Эй вы, лежебоки, пора подыматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому из них по кусочку хлеба и говорит:

- Вот это будет вам на обед; да смотрите, не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник, - ведь у Гензеля карман был полон камней. И они собрались идти вместе в лес. Прошли они немного, вдруг Гензель остановился, оглянулся назад, посмотрел на избушку, - так он все время оглядывался назад и останавливался. А отец ему и говорит:

- Гензель, чего это ты все оглядываешься да отстаешь? Смотри не зевай, иди побыстрей.

- Ах, батюшка, - ответил ему Гензель, - я все гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне "прощай."

А мачеха и говорит:

- Эх, дурень ты, это вовсе не твоя кошечка, это утреннее солнце блестит на трубе.

А Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на

дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

- Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костер. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

- Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдем в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернемся назад и возьмем вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба. Они все время слышали стук топора и думали, что их отец где-то поблизости. Но то был совсем не стук топора, а чурбана, который привязал дровосек к сухому дереву, и он, раскачиваясь под ветром, стучал о ствол.

Долго сидели они так у костра, от усталости стали у них глаза закрываться, и они крепко-крепко уснули. А когда проснулись, была уже глухая ночь. Заплакала Гретель и говорит:

- Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель ее утешать.

- Погоди маленько, скоро взойдет луна, и мы уж найдем дорогу.

Когда взошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошел от камешка к камешку, - а сверкали они, словно новые серебряные денежки, и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролет и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

- Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей, - было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

- У нас опять все уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придет. Надо бы нам от детей избавиться: давай заведем их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад, - другого выхода у нас нету.

Тяжко стало на сердце у дровосека, и он подумал: "Уж лучше бы мне последним куском с детьми поделиться." Но жена и слышать о том не хотела, стала его бранить и попрекать. И вот - плохое начало не к доброму концу, - уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, поднялся Гензель опять и хотел было выйти из дому, чтобы собрать камешки, как и в прошлый раз, но мачеха заперла дверь, и Гензель выбраться из хижины не смог. Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

- Не плачь, Гретель, спи спокойно, уж бог нам как-нибудь да поможет.

Ранним утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Дала им кусок хлеба, он был еще меньше, чем в первый раз. По дороге в лес Гензель крошил хлеб в кармане, все останавливался и бросал хлебные крошки на дорогу.

- Что это ты, Гензель, все останавливаешься да оглядываешься, - сказал отец, - ступай своей дорогой.

- Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается, - ответил Гензель.

- Дурень ты, - сказала мачеха, - это вовсе не голубь твой, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель все бросал и бросал по дороге хлебные крошки. Вот завела мачеха детей еще глубже в лес, где они ни разу еще не бывали. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

- Детки, садитесь вот тут, а устанете, так поспите маленько; а мы пойдем в лес дрова рубить, а к вечеру, как кончим работу, вернемся сюда и возьмем вас домой.

Когда наступил полдень, поделилась Гретель своим куском хлеба с Гензелем, - ведь он весь свой хлеб раскрошил по дороге. Потом они уснули. Но вот уж и вечер прошел, и никто за бедными детьми не приходил. Проснулись они темной ночью, и стал Гензель утешать сестрицу:

- Погоди, Гретель, вот скоро луна взойдет, и станут видны хлебные крошки, что я разбросал по дороге, они укажут нам дорогу домой.

Вот вошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли, - тысячи птиц, что летают в лесу и в поле, все их поклевали. Тогда Гензель и говорит Гретель:

- Мы уж как-нибудь да найдем дорогу.

Но они ее не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Дети сильно проголодались, ведь они ничего не ели, кроме ягод, которые собирали по пути. Они так устали, что еле-еле передвигали ноги, и вот прилегли они под деревом и уснули.

Наступило уже третье утро с той поры, как покинули они отцовскую избушку. Пошли они дальше. Идут и идут, а лес все глубже и темней, и если бы вскоре не подоспела помощь, они выбились бы из сил.

Вот наступил полдень, и они заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они остановились и заслушались ее пеньем. Но вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли за ней следом, и шли, пока, наконец, не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят - сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

- Вот мы за нее и примемся, - сказал Гензель, - и то-то будет у нас славное угощение! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возмись за окошко, - оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть.

Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум все под окном,

Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,

Ветер

поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали обедать домик.

Гензель, которому очень понравилась крыша, оторвал от нее большой кусок и сбросил вниз, а Гретель выломала целое круглое стекло из леденца и, усевшись около избушки, стала им лакомиться.

Вдруг открывается дверь, и выходит оттуда, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Гензель и Гретель так ее испугались, что выронили из рук лакомство. Покачала старуха головой и говорит:

- Э, милые детки, кто это вас сюда привел? Ну, милости просим, входите в избушку, худо вам тут не будет.

Она взяла их обоих за руки и ввела в свою избушку. Принесла им вкусной еды - молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом она постелила две красивые постельки и накрыла их белыми одеялами. Улеглись Гензель и Гретель и подумали, что попали, должно быть, в рай.

Но старуха только притворилась такою доброй, а была она на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Если кто попадал к ней в руки, она того убивала, потом варила и съедала, и было это для нее праздником. У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чувствуют близость человека.

Когда Гензель и Гретель подходили к ее избушке, она злобно захохотала и сказала с усмешкой:

- Вот они и попались! Ну, уж теперь им от меня не уйти!

Рано поутру, когда дети еще спали, она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щечки, и пробормотала про себя: "То-то приготовлю я себе лакомое блюдо."

Она схватила Гензеля своею костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там за решетчатой дверью - пусть кричит себе сколько вздумается, ничего ему не поможет. Потом пошла она к Гретель, растолкала ее, разбудила и говорит:

- Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, - вон сидит он в хлеву, пускай хорошенько откармливается. А когда

разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но - что делать? - пришлось ей исполнить приказание злой ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к маленькому хлеву и говорила:

- Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал ей косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, не могла разглядеть, что это такое, и думала, что то пальцы Гензеля, и удивлялась, отчего это он все не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель все еще оставался худым, - тут старуха потеряла всякое терпенье и ждать больше не захотела.

- Эй, Гретель, - крикнула она девочке, - пошевеливайся живей, принеси-ка воды: все равно - жирен ли Гензель, или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слезы ручьями по щекам!

- Господи, да помоги же ты нам! - воскликнула она. - Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда хотя бы погибли мы вместе.

- Ну, нечего хныкать! - крикнула старуха. - Теперь тебе ничего не поможет.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котел с водой и развести огонь.

- Сначала мы испечем хлеб, - сказала старуха, - я уже истопила печь и замесила опару. - Она толкнула бедную Гретель к самой печи, откуда так и полыхало большое пламя.

- Ну, полезай в печь, - сказала ведьма, - да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

Только полезла было Гретель в печь, а старуха в это время хотела закрыть ее заслонкой, чтобы Гретель зажарить, а потом и съесть. Но Гретель

догадалась, что затевает старуха, и говорит:

- Да я не знаю, как это сделать, как мне туда пролезть-то?

- Вот глупая гусыня, - сказала старуха, - смотри, какое большое устье, я и то могла бы туда залезть, - и она взобралась на шесток и просунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнет ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! А Гретель убежала; и сгорела проклятая ведьма в страшных мученьях.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла хлев и крикнула:

- Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Выскочил Гензель из хлева, словно птица из клетки, когда откроют ей дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали они от радости, как крепко они целовались! И так как теперь им нечего уже было бояться, то вошли они в ведьмину избушку, а стояли там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

- Эти, пожалуй, будут получше наших камешков, - сказал Гензель и набил ими полные карманы. А Гретель говорит:

- Мне тоже хочется что-нибудь принести домой, - и насыпала их полный передник.

- Ну, а теперь бежим поскорей отсюда, - сказал Гензель, - ведь нам надо еще выбраться из ведьминога леса.

Вот прошли они так часа два и набрали, наконец, на большое озеро.

- Не перебраться нам через него, - говорит Гензель, - нигде не видать ни тропинки, ни моста.

- Да и лодочки не видно, - ответила Гретель, - а вон плывет белая уточка; если я ее попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И кликнула Гретель:

Утя, моя уточка,

Подплыли к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на нее Гензель и позвал сестрицу, чтоб и она села вместе с ним.

- Нет, - ответила Гретель, - уточке будет слишком тяжело; пускай перевезет она сначала тебя, а потом и меня.

Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и пошли дальше, то стал лес им все знакомей и знакомей, и они заметили, наконец, издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, вскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры как отец бросил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде и горю, и зажили они счастливо все вместе.

Тут и сказке конец идет,
А вон мышка бежит вперед;
Кто поймает ее, тот
Сошьет себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

13. Разумный Ганс (Смышленный Ганс) (Урок 16)

<https://www.grimmstories.com/language.php?grimm=032&l=de&r=r>
u

Мать Ганса спрашивает: "Куда собрался, сынок?" Ганс отвечает: "К Гретель." - "Смотри же, не оплошай!" - "Небось, не оплошаю! Прощай,

матушка!" - "Прощай, Ганс."

Пришел Ганс к Гретель.

"Здравствуй, Гретель!" - "Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?" - "Ничего не принес, от тебя взять хочу."

Гретель дарит Гансу иголку.

Ганс говорит: "Прощай, Гретель." - "Прощай, Ганс."

Ганс берет иголку, втыкает ее в воз с сеном и идет за тем возом до дому.

"Добрый вечер, матушка." - "Добрый вечер, Ганс. Где побывал?" - "У Гретель побывал." - "Что ты ей снес?" - "Ничего не снес - от нее получил." - "Что тебе Гретель дала?" - "Иголку дала." - "А где у тебя иголка, Ганс?" - "В воз сена ее воткнул." - "Ну, это ты глупо сделал, Ганс, тебе бы иголку-то на рукав приколоть." - "Ну, ничего - другой раз лучше сделаю."

"Куда собрался, Ганс?" - "К Гретель, матушка." - "Смотри же, не оплошай, Ганс!" - "Небось, не оплошаю. Прощай, матушка." - "Прощай, Ганс."

Приходит Ганс к Гретель.

"Здравствуй, Гретель." - "Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?" - "Ничего не принес, от тебя получить хочу."

Гретель подарила Гансу ножик.

"Прощай, Гретель." - "Прощай, Ганс."

Ганс берет ножик, втыкает его в рукав и идет домой.

"Добрый вечер, матушка." - "Добрый вечер, Ганс. Где побывал?" - "У Гретель побывал." - "Что ты ей снес?" - "Ничего не снес - от нее получил." - "Что тебе Гретель дала?" - "Ножик дала." - "А где же у тебя ножик, Ганс?" - "В рукав заткнул." - "Глупо ты это сделал, Ганс; тебе бы нож-то в карман было сунуть." - "Ну, ничего; в другой раз лучше сделаю."

"Добрый вечер, матушка." - "Добрый вечер, Ганс. Где побывал?" - "У

Гретель побывал." - "Что ей снес?" - "Ничего не снес - от нее получил." - "А что тебе Гретель дала?" - "Кусок сала дала." - "А где же у тебя сало, Ганс?" - "Привязал на веревку, домой поволок, собаки и съели." - "Глупо ты это сделал, Ганс; тебе бы сало-то на голове принести." - "Ну, ничего, другой раз лучше сделаю."

"Куда, Ганс?" - "К Гретель, матушка." - "Смотри, не оплошай, Ганс." - "Небось, не оплошаю. Прощай, матушка." - "Прощай, Ганс."

Приходит Ганс к Гретель.

"Здравствуй, Гретель." - "Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?" - "Ничего не принес - от тебя получить хочу."

Гретель дарит Гансу телянка.

"Прощай, Гретель." - "Прощай, Ганс."

Взял Ганс телянка, положил его себе на голову - и телянок, брыкаясь, все лицо ему помял.

"Добрый вечер, матушка." - "Добрый вечер, Ганс. Где побывал?" - "У Гретель побывал." - "Что же ты ей снес?" - "Ничего не снес - от нее получил." - "А что она тебе дала?" - "Телянка дала." - "А где же у тебя телянок?" - "Да вот, на голове его нес, он мне ногами все лицо помял." - "Ну, ты это глупо сделал, Ганс. Тебе бы телянка пригнать да к колу привязать." - "Ну, ничего, другой раз лучше сделаю."

"Куда, Ганс?" - "К Гретель, матушка." - "Смотри, не оплошай, Ганс." - "Небось, не оплошаю. Прощай, матушка." - "Прощай, Ганс."

Ганс приходит к Гретель.

"Здравствуй, Гретель." - "Здравствуй, Ганс. Что принес хорошенького?" - "Ничего не принес - от тебя получить хочу."

Гретель сказала Гансу: "Я с тобой сама пойду."

Ганс берет с собой Гретель, привязывает ее на веревку и гонит впереди себя;

приводит ее к колу и накрепко к нему привязывает. Затем идет Ганс к своей матери.

"Добрый вечер, матушка." - "Добрый вечер, Ганс. Где побывал?" - "У Гретель побывал." - "Что ей снес?" - "Ничего не снес - саму ее с собою привел." - "Да где же ты Гретель подевал?" - "На веревке пригнал, к колу привязал, травки ей бросил." - "Глупо ты это сделал, Ганс; ты должен на ее лицо ласковые взгляды глазами бросать." - "Ну, ничего, в другой раз лучше сделаю."

Ганс идет в стойло, вырезает у всех телят и баранов глаза и вскидывает их в лицо Гретель.

Ну, тогда уж Гретель на него не на шутку озлилась, с привязи сорвалась и убежала... А была Гансу невестой!

14. Али-Баба и сорок разбойников (Урок 17)

<http://dlya-detey.com/skazki/arabskie-skazki/124-ali-baba-i-sorok-razboynikov.html>

Когда-то, очень давно, в одном персидском городе жили два брата - Касим и Али-Баба. Когда умер их отец, они поделили деньги, которые после него остались, и Касим стал торговать на рынке дорогими тканями и шелковыми халатами. Он умел расхваливать свой товар и зазывать покупателей, и в его лавке всегда толпилось много народу. Касим все больше и больше богател и, когда накопил много денег, женился на дочери главного судьи, которую звали Фатима.

А Али-Баба не умел торговать и наживать деньги, и женат он был на бедной девушке по имени Зейнаб. Они быстро истратили почти все, что у них было, и однажды Зейнаб сказала:

- Слушай, Али-Баба, нам скоро будет нечего есть. Надо тебе что-нибудь придумать, а то мы умрем с голоду.

- Хорошо, - ответил Али-Баба, - я подумаю, что нам делать.

Он вышел в сад, сел под дерево и стал думать. Долго думал Али-Баба и наконец придумал. Он взял оставшиеся у него деньги, пошел на рынок и купил двух ослов, топор и веревку.

А на следующее утро он отправился за город, на высокую гору, поросшую густым лесом, и целый день рубил дрова. Вечером Али-Баба связал дрова в вязанки, нагрузил ими своих ослов и вернулся в город. Он продал дрова на рынке и купил хлеба, мяса и зелени.

С тех пор Али-Баба каждое утро уезжал на гору и до самого вечера рубил дрова, а потом продавал их на рынке и покупал хлеб и мясо для себя и для Зейнаб. И вот однажды он стоял под высоким деревом, собираясь его срубить, и вдруг заметил, что на дороге поднялась пыль до самого неба. А когда пыль рассеялась, Али-Баба увидел, что прямо на него мчится отряд всадников, одетых в панцири и кольчуги; к седлам были привязаны копыя, а на поясах сверкали длинные острые мечи. Впереди скакал на высокой белой лошади одноглазый человек с черной бородой.

Али-Баба очень испугался. Он быстро влез на вершину дерева и спрятался в его ветвях. А всадники подъехали к тому месту, где он только что стоял, и сошли на землю. Каждый из них снял с седла тяжелый мешок и взвалил его себе на плечи; потом они стали в ряд, ожидая, что прикажет одноглазый - их атаман.

"Что это за люди и что у них в мешках? - подумал Али-Баба. - Наверное, это воры и разбойники".

Он пересчитал людей, и оказалось, что их ровно сорок человек, кроме атамана. Атаман встал впереди своих людей и повел их к высокой скале, в которой была маленькая дверь из стали; она так заросла травой и колючками, что ее почти не было видно.

Атаман остановился перед дверью и громко крикнул:

- Симсим, открой дверь!

И вдруг дверь в скале распахнулась, атаман вошел, а за ним вошли его люди, и дверь опять захлопнулась за ними.

"Вот чудо! - подумал Али-Баба. - Ведь симсим-то - это маленькое растение. Я знаю, что из него выжимают масло, но я не знал, что оно может открывать двери!"

Али-Бабе очень хотелось посмотреть поближе на волшебную дверь, но он так боялся разбойников, что не осмелился слезть с дерева.

Прошло немного времени, и вдруг дверь снова распахнулась, и сорок

разбойников вышли с пустыми мешками. Как и прежде, одноглазый атаман шел впереди. Разбойники привязали к седлам пустые мешки, вскочили на коней и ускакали.

Тогда Али-Баба, который уже устал сидеть скорчившись на дереве, быстро спустился на землю и подбежал к скале.

"А что будет, если я тоже скажу: "Симсим, открой дверь?" - подумал он. - Откроется дверь или нет? Попробую!"

Он набрался храбрости, вдохнул побольше воздуха и во весь голос крикнул:

- Симсим, открой дверь!

И тотчас же дверь распахнулась перед ним, и открылся вход в большую пещеру.

Али-Баба вошел в пещеру, и, как только он переступил порог, дверь снова захлопнулась за ним. Али-Бабе стало немного страшно: а вдруг дверь больше не откроется и ему нельзя будет выйти? Но он все же пошел вперед, с удивлением осматриваясь по сторонам.

Он увидел, что находится в большой комнате и у стен стоит множество столиков, уставленных золотыми блюдами под серебряными крышками. Али-Баба почувствовал вкусный запах кушаний и вспомнил, что с утра ничего не ел. Он подошел к одному столику, снял крышки с блюд, и у него потекли слюнки, - на блюдах лежали все кушанья, каких только можно пожелать: жареные куры, рисовый пилав, блинчики с вареньем, халва, яблоки и еще много других вкусных вещей.

Али-Баба схватил курицу и мигом обглодал ее. Потом принялся за пилав, а покончив с ним, запустил руки в халву, но уже не мог съесть ни кусочка - до того он был сыт. Отдохнув немного, он осмотрелся и увидел вход в другую комнату. Али-Баба вошел туда - и зажмурил глаза. Комната вся сверкала и блестела - так много было в ней золота и драгоценностей. Золотые динары и серебряные дирхемы грудami лежали прямо на земле, словно камни на морском берегу. Драгоценная посуда - кубки, подносы, блюда, украшенные дорогими камнями, - стояла по всем углам. Кипы шелка и тканей - китайских, индийских, сирийских, египетских - лежали посреди комнаты; по стенам висели острые мечи и длинные копья, которых хватило бы на целое войско.

У Али-Бабы разбежались глаза, и он не знал, за что ему взяться: то примерит красный шелковый халат, то схватит золотой поднос и смотрит в него, как

в зеркало, то наберет в пригоршню золотых монет и пересыпает их.

Наконец он немного успокоился и сказал себе:

- Эти деньги и драгоценности, наверное, награблены, и сложили их сюда разбойники, которые только что здесь были. Эти богатства не принадлежат им, и если я возьму себе немножко золота, в этом не будет ничего дурного. Ведь его здесь столько, что нельзя сосчитать.

Али-Баба подоткнул полы халата и, встав на колени, стал подбирать золото. Он нашел в пещере два пустых мешка, наполнил их динарами, притащил к двери и крикнул:

- Симсим, открой дверь!

Дверь тотчас же распахнулась.

Али-Баба вышел из пещеры, и дверь захлопнулась за ним. Колючие кусты и ветки переплелись и скрыли ее от глаз. Ослы Али-Бабы паслись на лужайке. Али-Баба взвалил на них мешки с золотом, прикрыл их сверху дровами и поехал домой.

Когда он вернулся, уже была ночь и встревоженная Зейнаб ждала его у ворот.

- Что ты делал в лесу так долго? - спросила она. - Я думала, что тебя растерзали волки или гиены. Отчего ты привез дрова домой, а не продал их?

- Сейчас все узнаешь, Зейнаб, - сказал Али-Баба. - Помоги-ка мне внести в дом эти мешки и не шуми, чтобы нас не услышали соседи.

Зейнаб молча взвалила один из мешков себе на спину, и они с Али-Бабой вошли в дом. Зейнаб плотно прикрыла за собой дверь, зажгла светильник и развязала мешок. Увидев золото, она побледнела от страха и крикнула:

- Что ты наделал, Али-Баба? Кого ты ограбил?

- Не тревожься, Зейнаб, - сказал Али-Баба. - Я никого не ограбил и сейчас расскажу тебе, что со мною сегодня случилось.

Он рассказал ей про разбойников и пещеру и, окончив свой рассказ, сказал:

- Смотри, Зейнаб, спрячь это золото и не говори о нем никому. Люди подумают, что мы и вправду кого-нибудь ограбили, и донесут на нас

султану, и тогда он отнимет у нас все золото и посадит нас в подземелье.
Давай выкопаем яму и спрячем туда золото.

Они вышли в сад, выкопали при свете луны яму, сложили туда все золото, а
потом опять забросали яму землей.

Покончив с этим делом, Али-Баба лег спать. Зейнаб тоже легла, но она еще
долго ворочалась с боку на бок и думала:

"Сколько же золота привез Али-Баба? Как только рассветет, я пересчитаю
все монетки до последней!"

На следующее утро, когда Али-Баба, как всегда, уехал на гору, Зейнаб
побежала к яме, раскопала ее и принялась пересчитывать динары.

Но их было так много, что Зейнаб не могла сосчитать. Она не очень хорошо
считала и все время сбивалась. Наконец это ей надоело, и она сказала себе:

- Лучше я возьму меру и перемеряю золото. Вот только меры у меня нет.
Придется попросить у Фатимы.

А Касим с Фатимой жили в соседнем доме. Зейнаб сейчас же побежала к
ним. Вошла в сени и сказала Фатиме:

- Сделай милость, одолжи мне ненадолго меру. Я сегодня же верну ее тебе.

- Хорошо, - ответила Фатима, - но моя мера у соседки. Сейчас я схожу за
ней и дам ее тебе. Подожди здесь в сенях, у тебя ноги грязные, а я только
что постлала чистые циновки.

Все это Фатима выдумала. И мерка, которой мерили крупу, висела на своем
месте - в кухне, над очагом, и циновок она не меняла уже дней десять. На
самом деле ей просто очень хотелось узнать, для чего Зейнаб вдруг
понадобилась мерка, - ведь Фатима хорошо знала, что в доме у Али-Бабы
давно уже нет никакой крупы. А спрашивать Зейнаб она не желала: пусть
Зейнаб не воображает, что Фатима интересуется ее делами. И она придумала
способ узнать, не спрашивая. Она вымазала дно мерки медом, а потом
вынесла ее Зейнаб и сказала:

- На, возьми. Только смотри, не забудь возвратить ее в целости и не позже
чем к закату солнца. Мне самой нужно мерить чечевицу.

- Спасибо тебе, Фатима, - сказала Зейнаб и побежала домой. Она выгребла
из ямы все золото и начала торопливо его мерить, все время оглядываясь по

Касим осмотрел его со всех сторон и сказал:

- Пусть меня не зовут Касимом, если я не допытаюсь, откуда у Али-Бабы взялись деньги. Хитростью или силой, но я отберу их у него!

И он сейчас же отправился к своему брату. Али-Баба только что вернулся с горы и отдыхал на каменной скамье перед домом. Он очень обрадовался Касиму и сказал:

- Добро пожаловать тебе, Касим! Ты не часто бываешь у меня. Что привело тебя ко мне сегодня, да еще в такой поздний час?

- Добрый вечер, брат мой, - важно сказал Касим. - Меня привела к тебе большая обида.

Обида? - удивился Али-Баба. - Чем же мог я, бедный дровосек, обидеть старшину рынка?

- Ты теперь богаче меня, - сказал Касим. - Ты меряешь золото мерами. Вот что моя жена нашла на дне мерки, которую она одолжила твоей жене Зейнаб. Не обманывай меня: я все знаю! Почему ты скрыл от меня, что разбогател? Наверное, ты кого-нибудь ограбил?

Али-Баба понял, что Касим проведал его тайну, и решил во всем признаться.

- О брат мой, - сказал он, - я вовсе не хотел тебя обманывать. Я только потому ничего тебе не рассказал, что боялся воров и разбойников, которые могут тебя убить.

И он рассказал Касиму про пещеру и про разбойников. Потом протянул брату руку и сказал:

- О брат мой, мы с тобой оба - сыновья одного отца и одной матери. Давай же делить пополам все, что я привезу из пещеры. Я знаю, как туда войти и как уберечься от разбойников. Возьми себе половину денег и сокровищ - этого хватит тебе на всю жизнь.

- Не хочу половину, хочу все деньги! - закричал Касим и оттолкнул руку Али-Бабы. - Говори скорее, как войти в пещеру, а если не скажешь, я донесу на тебя султану, и он велит отрубить тебе голову.

- Зачем ты грозишь мне султаном? - сказал Али-Баба. - Поезжай, если хочешь, в пещеру, но только тебе все равно не увезти всех денег и сокровищ. Даже если бы ты целый год возил из пещеры золото и серебро, не отдыхая ни днем, ни ночью, - и тогда ты не увез бы и половины того, что там есть!

Он рассказал Касиму, как найти пещеру, и велел ему хорошо запомнить слова: "Симсим, открой дверь!"

- Не забуду, - сказал Касим. - Симсим... симсим... Это, кажется, растение, вроде конопли. Буду помнить.

На следующее утро Касим оседлал десять мулов, положил на каждого мула по два больших сундука и отправился в лес. Он пустил своих мулов пастись на опушке леса, отыскал дверь в скале и, встав перед нею, закричал изо всех сил:

- Эй, Симсим, открой дверь!

Дверь распахнулась. Касим вошел, и дверь снова захлопнулась за ним. Касим увидел пещеру, полную сокровищ, и совсем потерял голову от радости. Он заплясал на месте, потом бросился вперед и стал хватать все, что попадалось под руку, - охапки дорогих тканей, куски золота, кувшины и блюда, потом бросал их и срывал со стен золотые мечи и щиты, хватал пригоршнями деньги и совал их за пазуху. Так он метался по пещере целый час, но никак не мог забрать всего, что там было. Наконец он подумал:

"У меня времени много. Буду выносить отсюда мешок за мешком, пока не нагрузу всех мулов, а потом приеду еще раз. Я буду ездить сюда каждый день, пока не заберу все, до последней монетки!"

Он схватил мешок с деньгами и поволок его к двери. Дверь была заперта. Касим хотел произнести волшебные слова, которые открывали дверь, но вдруг оказалось, что он позабыл их. Он помнил только, что надо сказать название какого-то растения. И он крикнул:

- Горох, открой дверь!

Но дверь не открылась. Касим немного испугался. Он подумал и крикнул опять:

- Пшеница, открой дверь!

Дверь и не шевельнулась. Касим от страха уже ничего не мог вспомнить и кричал названия всех растений, какие знал:

- Овес, открой дверь!

- Конопля, открой дверь!

- Ячмень, открой дверь!

Но дверь не открывалась. Касим понял, что ему никогда больше не выбраться из пещеры. Он сел на мешок с золотом и заплакал.

В это время разбойники ограбили богатых купцов, отобрали у них много золота и дорогих товаров. Они решили все это спрятать в пещере. Подъезжая к лесу, атаман заметил на опушке мулов, которые мирно щипали траву.

- Что это за мулы? - сказал атаман. - К их седлам привязаны сундуки. Наверно, кто-нибудь разузнал про нашу пещеру и хочет нас ограбить!

Он приказал разбойникам не шуметь и, подойдя к двери, тихо произнес:

- Симсим, открой дверь!

Дверь отворилась, и разбойники увидели Касима, который старался спрятаться за мешком с деньгами. Атаман бросился вперед, взмахнул мечом и отрубил Касиму голову.

Разбойники оставили тело Касима в пещере, а сами переловили мулов и, погнав их перед собой, ускакали.

А Фатима весь день просидела у окна - все ждала, когда покажутся мулы с сундуками, полными золота. Но время проходило, а Касима все не было. Фатима прождала день, прождала ночь, а утром с плачем прибежала к Али-Бабе.

Али-Баба сказал:

- Не тревожься, Фатима. Я сейчас сам поеду на гору и узнаю, что случилось с Касимом.

Он тотчас же сел на осла и поехал в лес, прямо к пещере. И как только вошел в пещеру, увидел, что его брат лежит мертвый на мешках с деньгами.

Али-Баба вынес тело Касима из пещеры, положил его в мешок и печальный поехал домой, думая про себя:

"Вот до чего довела Касима жадность! Если бы он согласился разделить со мной деньги и не захотел забрать себе их все, он и сейчас был бы жив".

Али-Баба устроил Касиму пышные похороны, но никому не сказал, как

погиб его брат. Фатима говорила всем, кто провожал Касима на кладбище, что ее мужа растерзали в лесу дикие звери.

Когда Касима похоронили, Али-Баба сказал Фатиме:

- Знаешь что, Фатима, продай мне твой дом, и будем жить вместе. Тогда и мне не придется строить нового дома, и тебе не так страшно будет жить одной. Хорошо?

- О Али-Баба, - сказала Фатима, - мой дом - твой дом, и все, что у меня есть, принадлежит тебе. Позволь только мне жить с вами - больше мне ничего не нужно.

- Ну, вот и хорошо, - сказал Али-Баба, и они с Зейнаб и Фатимой зажили вместе.

Али-Баба еще несколько раз ездил в пещеру и вывез оттуда много золота, драгоценных одежд, ковров и посуды. Каждый день у него на кухне готовилась пища не только для него самого, Зейнаб и Фатимы, но и для всех его бедных соседей, которым нечего было есть. А когда соседи благодарили его, он говорил:

- Приходите и завтра и приводите с собой всех бедняков. А благодарить не за что. Я угощаю вас на деньги моего брата Касима, которого съели на горе волки. Он был богатым человеком.

Скоро все бедняки и нищие стали приходить к дому Али-Бабы к обеду и ужину, и жители города очень его полюбили.

Вот что было с Али-Бабой, Зейнаб и Фатимой.

Что же касается разбойников, то они через несколько дней опять приехали к пещере и увидели, что тело их врага исчезло, а мешки с деньгами разбросаны по земле.

- В нашу пещеру опять кто-то заходил! - вскричал атаман. - Недавно я убил одного врага, но, оказывается, их несколько! Пусть не буду я Хасан Одноглазый, если я не убью всякого, кто хочет поживиться нашей добычей. Храбрые разбойники! Найдется ли среди вас смельчак, который не побоится отправиться в город и разыскать нашего обидчика? Пусть не берется за это дело трус или слабый! Только хитрый и ловкий может исполнить его.

- О атаман, - сказал один из разбойников, - никто, кроме меня, не пойдет в город и не выследит нашего врага. Недаром зовут меня Ахмед Сорви-

голова. А если я не найду его, делай со мной что хочешь.

- Хорошо, Ахмед, - сказал атаман. - Даю тебе один день сроку. Если ты найдешь нашего врага, я назначу тебя своим помощником, а если не найдешь - лучше не возвращайся. Я отрублю тебе голову.

- Будь спокоен, атаман, не пройдет дня, как ты узнаешь, где найти своего врага, - сказал Ахмед. - Ждите меня сегодня к вечеру здесь в лесу.

Он сбросил с себя разбойничье платье, надел синий шелковый халат, красные сафьяновые сапоги и тюбетейку и пошел в город.

Было раннее утро. Рынок был еще пуст, и все лавки были закрыты; только старый башмачник сидел под своим навесом и, разложив инструменты, ждал заказчиков.

Ахмед Сорви-голова подошел к нему и, поклонившись, сказал:

- Доброе утро, дядюшка. Как ты рано вышел на работу! Если бы я не увидел тебя, мне пришлось бы еще долго ждать, пока откроется рынок.

- А что тебе нужно? - спросил старый башмачник, которого звали Мустафа.

- Я чужой в вашем городе, - ответил Ахмед. - Только сегодня ночью я пришел сюда и ждал до рассвета, пока не открыли городские ворота. В этом городе жил мой брат, богатый купец. Я пришел к нему из далеких стран, чтобы повидать его, и, подходя к городу, услышал, что его нашли в лесу мертвым. Теперь я не знаю, как отыскать его родных, чтобы поплакать о нем вместе с ними.

- Ты говоришь, твой брат был богатый купец? - спросил башмачник. - В нашем городе недавно хоронили одного купца, и я был на похоронах. Жена купца говорила, что его растерзали волки, но я слышал от одного человека, что это неправда, а что этого купца на самом деле нашли в лесу убитым, без головы, и тайком привезли домой в мешке.

Ахмед Сорви-голова очень обрадовался. Он понял, что этот богатый купец и есть тот человек, которого убил атаман.

- Ты можешь меня провести к его дому? - спросил Ахмед башмачника.

- Могу, - ответил башмачник. - Но только как же мне быть с работой? Вдруг кто-нибудь придет на рынок и захочет заказать мне туфли, а меня не будет на месте?

- Вот тебе динар, - сказал Ахмед. - Возьми его за убытки, а когда ты покажешь мне дом моего брата, я дам тебе еще динар.

- Спасибо тебе за твою щедрость! - воскликнул обрадованный Мустафа. - Чтобы заработать этот динар, мне нужно целый месяц ставить на туфлях заплатки. Пойдем!

И башмачник привел Ахмеда к дому, где жил Касим.

- Вот дом, где жил убитый купец. Здесь поселился теперь его брат, - сказал Мустафа.

"Его-то мне и надо!" - подумал Ахмед. Он дал Мустафе динар, и Мустафа ушел, кланяясь и благодаря. Все дома в этом городе были обнесены высокими стенами, так что на улицу выходили только ворота. Запомнить незнакомый дом было нелегко.

- Надо отметить этот дом, - говорил Ахмед сам себе, - чтобы потом узнать его.

Он вытащил из кармана кусок мела и поставил на воротах дома крестик. А потом пошел обратно и радостно говорил себе:

- Теперь я запомню этот дом и приведу к нему завтра моих товарищей. Быть мне помощником атамана!

Только Ахмед успел уйти, как из дома вышла служанка Али-Бабы по имени Марджана, девушка умная и храбрая. Она собралась идти на рынок за хлебом и мясом к обеду. Закрывая калитку, она обернулась и вдруг увидела на воротах крестик, нарисованный мелом.

"Кто это вздумал пачкать наши ворота? - подумала она. - Наверное, уличные мальчишки. Нет, крест слишком высоко! Его нарисовал взрослый человек, и этот человек задумал против нас злое дело. Он хочет запомнить наш дом, чтобы нас убить или ограбить. Надо мне сбить его с толку".

Марджана вернулась домой, вынесла кусок мела и поставила кресты на всех соседних домах. А потом ушла по своим делам.

А разбойник прибежал в пещеру и крикнул:

- Слушай, атаман! Слушайте все! Я нашел дом нашего врага и отметил его крестом. Завтра я вам покажу его.

- Молодец, Ахмед Сорви-голова! - сказал атаман. - Завтра к утру будьте все готовы. Мы спрячем под халаты острые ножи и пойдем с Ахмедом к дому нашего врага.

- Слушаем и повинемся тебе, атаман, - сказали разбойники, и все стали поздравлять Ахмеда с удачей.

А Ахмед Сорви-голова ходил гордый и говорил:

- Вот увидите, я буду помощником атамана.

Он всю ночь не спал, дожидаясь утра, и, как только рассвело, вскочил и разбудил разбойников. Они надели широкие бухарские халаты, белые чалмы и туфли с загнутыми носками, спрятали под халаты ножи и пошли в город. И все, кто их видел, говорили:

- Это бухарцы. Они пришли в наш город и осматривают его.

Впереди всех шел Ахмед с атаманом. Долго водил Ахмед своих товарищей по городу и наконец отыскал нужную улицу.

- Смотрите, - сказал он, - вот этот дом. Видите, на воротах крест.

- А вот еще крест, - сказал другой разбойник. - В каком же доме живет наш враг?

- Да вон и на том доме крест! И на этом! И здесь крест! Да тут на всех домах кресты! - закричали вдруг остальные разбойники.

Атаман рассердился и сказал:

- Что это значит? Кто-то перехитрил тебя, Ахмед! Ты не выполнил поручения, и не придется тебе больше с нами разбойничать. Я сам отрублю тебе голову!

И когда они вернулись в лес, жестокий атаман отрубил голову Ахмеду. А потом сказал:

- Кто еще возьмется отыскать дом нашего врага? У кого хватит храбрости? Пусть не пробует это сделать ленивый или слабый!

- Позволь мне попытаться, о атаман, - сказал один из разбойников, Мухаммед Плешивой. - Я - человек старый, и меня так легко не проведешь.

А если я не исполню поручения, казни меня так же, как ты казнил Ахмеда.

- Иди, Мухаммед, - сказал атаман. - Буду тебя ждать до завтрашнего вечера. Но смотри: если ты не найдешь и не покажешь мне дом нашего врага, тебе не будет пощады.

На следующее утро Мухаммед Плешивый отправился в город. Ахмед рассказывал разбойникам про Мустафу, и Мухаммед прямо пошел на рынок к старому башмачнику. Он повел с ним такой же разговор, как и Ахмед, и пообещал ему два динара, если Мустафа покажет ему дом убитого купца. И Мустафа, обрадованный, довел его до самых ворот.

"Придется и мне как-нибудь отметить дом", - подумал Мухаммед. Он взял кусок кирпича, валявшийся на дороге, и нарисовал на воротах маленький крестик в правом верхнем углу.

"Здесь его никто не увидит, кроме меня, - подумал он. - Побегу скорей за атаманом и приведу его сюда".

И он быстро пошел обратно к своим товарищам. А Марджана как раз возвращалась с рынка. Увидев, что от ворот их дома крадучись отошел какой-то человек и побежал по дороге, она сообразила, что тут что-то неладно.

Марджана подошла к воротам, внимательно осмотрела их и увидела в правом верхнем углу маленький красный крестик.

"Так вот, значит, кто ставит кресты на наших воротах, - подумала Марджана. - Подожди же, я тебя перехитрю".

Она подняла с земли кусок кирпича и поставила такие же кресты на воротах всех домов их улицы.

- Ну-ка, попробуй теперь найти наш дом! - воскликнула она. - Тебе это так же не удастся, как вчера!

А Мухаммед Плешивый всю дорогу бежал, не останавливаясь, и наконец вошел в пещеру, еле переводя дух.

- Идемте скорее! - крикнул он. - Я так отметил этот дом, что уж теперь нашему врагу не уйти. Собирайтесь же скорее, не мешкайте!

Разбойники завернулись в плащи и пошли вслед за Мухаммедом. Они очень торопились, чтобы дойти до города засветло, и пришли туда перед самым

закатом солнца. Найдя знакомую улицу, Мухаммед Плешивый подвел атамана к самым большим и красивым воротам и указал ему пальцем на маленький красный крестик в правом верхнем углу ворот.

- Видишь, - сказал он, - вот моя отметка.

- А это чья? - спросил один из разбойников, который остановился у соседних ворот. - Тут тоже нарисован крестик.

- Какой крестик? - закричал Мухаммед.

- Красный, - ответил разбойник. - И на тех воротах точно такой же. И напротив - тоже. Пока ты показывал атаману свой крестик, я осмотрел все соседние ворота.

- Что же, Мухаммед, - сказал атаман, - и тебя, значит, перехитрили? Хотя ты и хороший разбойник, а поручения не выполнил. Пощады тебе не будет!

И Мухаммед погиб так же, как и Ахмед. И стало в шайке атамана не сорок, а тридцать восемь разбойников.

"Надо мне самому взяться за это трудное дело, - подумал атаман. - Мои люди хорошо сражаются, воруют и грабят, но они не годятся для хитростей обмана".

И вот на следующее утро Хасан Одноглазый, атаман разбойников, пошел в город сам. Торговля на рынке была в полном разгаре. Он нашел Мустафу-башмачника и, присев рядом с ним, сказал:

- О дядюшка, почему это ты такой печальный? Работы, что ли, мало?

- Работы у меня уже давно нет, - ответил башмачник. - Я бы, наверное, умер с голоду, если бы судьба не послала мне помощь. Позавчера рано утром пришел ко мне один щедрый человек и рассказал, что он ищет родных своего брата. А я знал, где дом его брата, и показал ему дорогу, и чужеземец подарил мне целых два динара. Вчера ко мне пришел другой чужеземец и опять спросил меня, не знаю ли я его брата, который недавно умер, и я привел его к тому же самому дому и опять получил два динара. А сегодня - вот уже полдень, но никто ко мне не пришел. Видно, у покойника нет больше братьев.

Услышав слова Мустафы, атаман горько заплакал и сказал:

- Какое счастье, что я встретил тебя! Я третий брат этого убитого. Я пришел

с Дальнего Запада и только вчера узнал, что моего дорогого брата убили. Нас было четверо братьев, и мы все жили в разных странах, и вот теперь мы сошлись в вашем городе, но только для того, чтобы найти нашего брата мертвым. Отведи же меня к его дому, и я дам тебе столько же, сколько дали мои братья.

- Хорошо, - радостно сказал старик. - А больше у него нет братьев?

- Нет, - ответил атаман, тяжело вздыхая. - Нас было четверо, а теперь стало только трое.

- Жалко, что вас так мало, - сказал старый Мустафа и тоже вздохнул. - Идем.

Он привел атамана к дому Касима, получил свою плату и ушел. А атаман сосчитал и хорошо запомнил, сколько ворот от угла улицы до ворот дома, так что ему не нужно было отмечать ворота. Потом он вернулся к своим товарищам и сказал:

- О разбойники, я придумал одну хитрость. Если она удастся, мы убьем нашего врага и отберем все богатства, которые он увез из пещеры. Слушайте же меня и исполняйте все, что я прикажу.

И он велел одному из разбойников пойти в город и купить двадцать сильных мулов и сорок кувшинов для масла.

А когда разбойник привел мулов, нагруженных кувшинами, атаман приказал разбойникам влезть в кувшины. Он сам прикрыл кувшины пальмовыми листьями и обвязал травой, а сверху проткнул дырочки для воздуха, чтобы люди не задохнулись. А в оставшиеся два кувшина налил оливкового масла и вымазал им остальные кувшины, чтобы люди думали, что во всех кувшинах налито масло.

Сам атаман надел платье богатого купца и погнал мулов в город. Наступал вечер, уже темнело. Атаман направился прямо к дому Касима и увидел, что у ворот сидит человек, веселый и приветливый. Это был Али-Баба. Атаман подошел к нему и низко поклонился, коснувшись рукой земли.

- Добрый вечер, почтенный купец, - сказал он. - Я чужеземец, из далекой страны. Я привез запас дорогого масла и надеялся продать его в вашем городе. Но мои мулы устали от долгого пути и шли медленно. Когда я вошел в город, уже наступил вечер и все лавки закрылись. Я обошел весь город, чтобы найти ночлег, но никто не хотел пустить к себе чужеземца. И вот я прошел мимо тебя и увидел, что ты человек приветливый и радушный. Не позволишь ли ты мне провести у тебя одну ночь? Я сложу свои кувшины на

дворе, а завтра рано утром увезу их на рынок и продам. А потом я уеду обратно в мою страну и буду всем рассказывать о твоей доброте.

- Входи, чужеземец, - сказал Али-Баба. - У меня места много. Расседлай мулов и задай им корму, а потом мы будем ужинать. Эй, Марджана, посади собак на цепь, чтобы они не искушали нашего гостя!

- Благодарю тебя, о почтенный купец! - сказал атаман разбойников. - Пусть исполнятся твои желания, как ты исполнил мою просьбу.

Он ввел своих мулов во двор и разгрузил их у стены дома, осторожно снимая кувшины, чтобы не ушибить разбойников. А потом нагнулся к кувшинам и прошептал:

- Сидите тихо и не двигайтесь. Ночью я выйду к вам и сам поведу вас в дом.

И разбойники шепотом ответили из кувшинов:

- Слушаем и повинемся, атаман!

Атаман вошел в дом и поднялся в комнату, где уже был приготовлен столик для ужина. Али-Баба ждал его, сидя на низенькой скамейке, покрытой ковром. Увидя гостя, он крикнул Марджане:

- Эй, Марджана, прикажи зажарить курицу и приготовить побольше блинчиков с медом. Я хочу, чтобы мой гость был доволен нашим угощением.

- Слушаю и повинуюсь, - сказала Марджана. - Я приготовлю все это сама, своими руками.

Она побежала в кухню, живо замесила тесто и только что собралась жарить, как вдруг увидела, что масло все вышло и жарить не на чем.

- Вот беда! - закричала Марджана. - Как же теперь быть? Уже ночь, масла нигде не купить. И у соседей не достанешь, все давно спят. Вот беда!

Вдруг она хлопнула себя по лбу и сказала:

- Глупая я! Горюю, что нет масла, а здесь, под окном, стоят сорок кувшинов, с маслом. Я возьму немного у нашего гостя, а завтра чуть свет куплю масла на рынке и долью кувшин.

Она зажгла светильник и вышла во двор. Ночь была темная, пасмурная. Все

было тихо, только мулы у колодцев фыркали и звенели уздечками.

Марджана высоко подняла светильник над головой и подошла к кувшинам.

И как раз случилось так, что ближайший кувшин был с маслом. Марджана открыла его и стала переливать масло в свой кувшин.

А разбойникам уже очень надоело сидеть в кувшинах скрючившись. У них так болели кости, что они не могли больше терпеть. Услышав шаги Марджаны, они подумали, что это атаман пришел за ними, и один из них сказал:

- Наконец-то ты пришел, атаман! Скорей позволь нам выйти из этих проклятых кувшинов и дай расправиться с хозяином этого дома, нашим врагом.

Марджана, услышав голос из кувшина, чуть не упала от страха и выронила светильник. Но она была умная и храбрая девушка и сразу поняла, что торговец маслом - злодей и разбойник, а в кувшинах сидят его люди и что Али-Бабе грозит страшная смерть.

Она подошла к тому кувшину, из которого слышался голос, и сказала:

- Скоро придет пора. Молчи, а то тебя услышат собаки. Их на ночь спустили с цепи.

Потом она подошла к другому кувшину и спросила:

- K_{T0} T_{YT}?

- Я, Хасан, - ответил ГОЛОС ИЗ КУВШИНА.

- Будь готов, Хасан, скоро я освобожу тебя.

Так она обошла все кувшины и узнала, что в тридцати восьми кувшинах сидят разбойники и только в два кувшина налито масло.

Марджана схватила кувшин с маслом, побежала на кухню и нагрела масло на огне так, что оно закипело.

Тогда она выплеснула кипящее масло в кувшин, где сидел разбойник. Тот не успел и крикнуть - сразу умер. Покончив с одним врагом, Марджана принялась за других. Она кипятила масло на огне и обливала им разбойников, пока не убила всех. А затем она взяла сковородку и нажарила

много румяных блинчиков, красиво уложила их на серебряное блюдо, облила маслом и понесла наверх в комнату, где сидели Али-Баба и его гость. Али-Баба не переставал угощать атамана разбойников, и скоро тот так наелся, что еле мог двигаться. Он лежал на подушках, сложив руки на животе, и тяжело дышал.

Али-Баба увидел, что гость сыт, и захотел повеселить его. Он крикнул Марджане:

- Эй, Марджана, спляши для нашего гостя лучшую из твоих плясок.

- Слушаю и повинуюсь, господин, - ответила Марджана с поклоном. - Позволь мне только пойти и взять покрывало, потому что я буду плясать с покрывалом.

- Иди и возвращайся, - сказал Али-Баба.

Марджана убежала к себе в комнату, завернулась в вышитое покрывало и спрятала под ним острый кинжал.

А потом она возвратилась и стала плясать.

Али-Баба и атаман разбойников смотрели на нее и качали головами от удовольствия.

И вот Марджана посреди танца стала все ближе и ближе подходить к атаману. И вдруг она, как кошка, прыгнула на него и, взмахнув кинжалом, вонзила его в сердце разбойника. Разбойник громко вскрикнул и умер.

Али-Баба остоленел от ужаса. Он подумал, что Марджана сошла с ума.

- Горе мне! - закричал он. - Что ты наделала, безумная? В моем доме убит чужеземец! Стыд и позор на мою голову!

Марджана опустилась на колени и сказала:

- Выслушай меня, господин, а потом делай со мной, что захочешь. Если я виновата - убей меня, как я убила его.

И она рассказала Али-Бабе, как она узнала о разбойниках и как погубила их всех. Али-Баба сразу понял, что это те самые разбойники, которые приезжали к пещере и которые убили Касима.

Он поднял Марджану с колен и громко закричал:

- Вставай, Зейнаб, и разбуди Фатиму! Нам грозила страшная смерть, а эта смелая и умная девушка спасла всех нас!

Зейнаб и Фатима сейчас же прибежали и крепко обняли Марджану, а Али-Баба сказал:

- Ты не будешь больше служанкой, Марджана. С этого дня ты будешь жить вместе с нами, как наша родная сестра.

И с этих пор они жили спокойно и счастливо.

15. Дюймовочка (Урок 18)

<http://dlya-detey.com/skazki/skazki-andersena/108-dyuymovochka.html#read>

Жила-была женщина; очень ей хотелось иметь ребенка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

— Мне так хочется иметь ребеночка; не скажешь ли ты, где мне его достать?

— Отчего же! — сказала колдунья. — Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок — увидишь, что будет!

— Спасибо! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были еще плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой славный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пестрые лепестки.

Что-то щелкнуло, и цветок распустился. Это был точь-вточь тюльпан, но в самой чашечке на зеленом стульчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая всего с дюйм ростом, ее и прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькою, голубые фиалки — матрацем, а лепесток розы — одеяльцем; в эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днем она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из

цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нем Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую; вместо весел у нее были два белых конских волоса. Все это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоса никто еще не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепестком Дюймовочка.

— Вот и жена моему сынку! — сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел прелестную крошку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Она еще проснется, пожалуй, да убежит от нас, — сказала старуха жаба. — Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка ее посередине реки на широкий лист кувшинки — это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока приберем там, внизу, наше гнездышко. Вам ведь в нем жить да поживать.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зеленые листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был дальше всего от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала свое жилище тростником и желтыми кувшинками — надо же было приукрасить все для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, что бы взять прежде всего ее хорошенькую кроватку и поставит в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживете с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одинешенька на зеленом листе и горько-горько плакала, — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за ее противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели ее, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше... Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла мимо разных прелестных местечек, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав ее, пели:

— Какая хорошенькая девочка!

А листок все плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу. Красивый белый мотылек все время порхал вокруг нее и наконец уселся на листок — уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать ее, а вокруг все было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл еще быстрее.

Мимо летел майский жук, увидел девочку, обхватил ее за тонкую талию лапкой и унес на дерево, а зеленый листок поплыл дальше, и с ним мотылек — он ведь был привязан и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил ее и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотылька, которого она привязала к листку: ему придется теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зеленый лист, покормил ее сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем непохожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, и жучки-барышни шевелили усиками и говорили:

— У нее только две ножки! Жалко смотреть!

— У нее нет усиков!

— Какая у нее тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво!

— сказали в один голос все жуки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принес ее, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашел, что она безобразна, и не захотел больше держать ее у себя — пусть идет куда хочет. Он слетел с нею с дерева и посадил ее на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать ее у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим созданием: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинешенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила ее под большой лопушиный лист — там дождик не мог достать ее. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной и холодной. Все певуны птички разлетелись, кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мерзла от холода: платьице ее все разорвалось, а она была такая маленькая, нежная — замерзай, да и все тут! Пошел снег, и каждая снежинка была для нее то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мерзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зернами; кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна — она два дня ничего не ела!

— Ах ты бедняжка! — сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха. — Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

— Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать все, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

— Скоро, пожалуй, у нас будут гости, — сказала как-то полевая мышь. — Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живет еще куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; но ты Расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа — ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришел в гости к полевой мыши. Правда, он носил черную бархатную шубку, был очень богат и учен; по словам полевой мыши, помещение у него было раз в двадцать просторнее, чем у нее, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно — он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: "Майский жук, лети, лети" и "Бродит по лугам монах", да так мило, что крот прямо-таки в нее влюбился. Но он не сказал ни слова — он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землей длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мертвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта в землю как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку — в темноте это ведь все равно, что свечка, — и пошел вперед, освещая длинную темную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мертвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробился дневной свет. В самой середине галереи лежала мертвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу, лапки и головка спрятаны в перышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль ее, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своей короткой лапой и сказал:

— Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава Богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет чирикать — поневоле замерзнешь зимой!

— Да, да, правда ваша, умные слова приятно слышать, — сказала полевая мышь. — Какой прок от этого чирикания? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула перышки и поцеловала ее прямо в закрытые глазки. "Может быть, эта та самая, которая так чудесно распевала летом! — подумала девочка. — Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!"

Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой славный ковер, снесла его в галерею и завернула в него мертвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

— Прощай, миленькая птичка, — сказала Дюймовочка. — Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зеленые, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась — внутри что-то застучало. Это забилося сердечко птицы: она не умерла, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в теплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадет замертво на землю, и ее засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга — птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, — но все-таки собралась с духом, еще больше закутала ласточку, потом сбегала принесла листок мяты, которым закрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была еще очень слаба и еле-еле открывала глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, — другого фонаря у нее не было.

— Благодарю тебя, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала девочка, — теперь так холодно, идет снег! Остайся лучше в своей теплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крыло о терновый куст и поэтому не смогла улететь вместе с другими ласточками в теплые края. Как упала на землю и... да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда — не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом — они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрощалась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, — пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зеленый лес! Но Дюймовочка не захотела бросить полевую мышь — она ведь знала, что старуха очень огорчится.

— Нет, нельзя! — сказала девочка ласточке.

— Прощай, прощай, милая добрая крошка! — сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у нее даже слезы навернулись на глазах, — уж очень полюбилась ей бедная птичка.

— Кви-вить, кви-вить! — прощбетала птичка и скрылась в зеленом лесу. Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так все заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

— Летом тебе придется готовить себе приданое! — сказала ей полевая мышь. Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

— Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чем нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырех пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и все только и болтал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю,

— а то она совсем уж как камень стала, — и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер на закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. "Как светло, как хорошо там, на воле!" — думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зеленом лесу!

К осени Дюймовочка приготовила все свое приданое.

— Через месяц твоя свадьба! — сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

— Пустяки! — сказала старуха мышь. — Только не капризничай, а то я укушу тебя — видишь, какой у меня белый зуб? У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодари Бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришел за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землей, и никогда не выходить на солнце, — крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распрощаться с красным солнышком! У полевой мыши она все-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше и протянула к солнцу руки:

— Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала ему:

— Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь ее!

— Кви-вить, кви-вить! — вдруг раздалось над ее головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за противного крота и жить с ним глубоко под землей, куда никогда не заглянет солнышко.

— Скоро придет холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в теплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину — только привяжи себя покрепче поясом, — и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, в теплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в темной, холодной яме.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка, села птичке на спину, уперлась ножками в ее распростертые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над темными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в теплые перья ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми прелестями, которые встречались в пути.

Но вот и теплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, а около канав и изгородей рос зеленый и черный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятки и ловили больших пестрых бабочек. Но ласточка летела все дальше и дальше, и чем дальше, тем было все лучше. На берегу красивого голубого озера, посреди зеленых кудрявых деревьев, стоял старинный белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнезда. В одном из них и жила ласточка, что принесла Дюймовочку.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты чудесно заживешь!

— Вот было бы хорошо! — сказала крошка и захлопала в ладоши.

Внизу лежали большие куски мрамора, — это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, между ними росли крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке живет эльф, мальчик или девочка, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

— Ах, как он хорош! — шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему просто чудовищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, — он никогда еще не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел ее Дюймовочке на голову и спросил, как ее зовут и хочет ли она быть его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Вот это так муж! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльфы — мальчики и девочки — такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! Вот-то была радость! А ласточка сидела наверху, в своем гнездышке, и пела им, как только умела. Но самой ей было очень грустно: она ведь крепко полюбила девочку и хотела бы век не расставаться с ней.

— Тебя больше не будут звать Дюймовочкой! — сказал эльф. — Это гадкое имя, а ты такая хорошенькая! Мы будем звать тебя Майей!

— Прощай, прощай! — прощобетала ласточка и опять полетела из теплых краев в Данию. Там у нее было маленькое гнездышко, как раз над окном человека, большого мастера рассказывать сказки. Ему-то она и спела свое «тви-вить, тви-вить», а там и мы узнали всю историю.

16. Волк и семеро козлят (Урок 19)

<http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BA-%D0%B8-%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE-%D0%BA%D0%BE%D0%B7%D0%BB%D1%8F%D1%82/>

Жила-была старая коза, и было у нее семь козляток, и она их любила, как всякая мать своих деток любит.

Однажды пришлось ей в лес собираться за кормом, и вот она созвала всех своих козляток и сказала: «Милые детки, надо мне в лесу побывать, так вы без меня берегитесь волка! Ведь он, если сюда попадет, съест вас всех и со

шкурой, и с шерстью. Этот злодей часто прикидывается, будто он и не волк, но вы его сейчас узнаете по грубому голосу и по его черным лапам».

Козлятки отвечали: «Милая матушка, уж мы поостережемся, и вы можете идти, о нас не тревожась».

Тогда старая коза заблеяла и преспокойно тронулась в путь. Немного прошло времени после ее ухода, как уж кто-то постучался в дверь их домика и крикнул: «Отомкнитеся, милые детушки, ваша мать пришла и каждому из вас по гостинцу принесла».

Но козляточки по грубому голосу поняли, что это пришел к ним волк, и крикнули ему: «Не отомкнемся мы, ты не наша мать! У той голосок тонкий, ласковый, а у тебя голос грубый! Ты — волк!»

Тогда волк сбегал к лавочнику, купил у него большой кусок мела, съел его — и голос стал у него тоненький.

Вернулся опять к той же двери, постучал в нее и крикнул: «Отомкнитеся, милые детки, ваша мать пришла, всем вам по гостинцу принесла».

Но он оперся своими черными лапами о подоконник, дети это увидели и закричали: «Не отомкнемся, у нашей матери не черные лапы, как у тебя! Ты — волк!»

Тогда волк побежал к пекарю и сказал: «Я себе повредил ногу, вымажь мне ее тестом». И когда пекарь исполнил его желание, волк побежал к мельнику и сказал: «Осыпь мне лапы белой мукой».

Мельник подумал: «Верно, волк затеял какую-то плутню», — и стал было отговариваться, но волк сказал: «Если ты этого не сделать, то я тебя съем».

Тогда мельник струхнул и выбелил ему лапу мукой. Таковы-то бывают люди!

Вот и пошел злодей в третий раз к той же двери, постучался и сказал: «Отомкнитеся, детушки, ваша милая матушка воротилась и каждому из вас принесла по гостинчику из леса».

Козляточки закричали: «Сначала покажи нам, какая у тебя лапа, чтобы мы могли знать, точно ли ты наша милая матушка!»

Тогда показал он им лапу в окошко, и когда они увидели, что она белая, то поверили его речам и отомкнули дверь. А вошел-то — волк!

Козляточки перепугались — прятаться пометались. Один прыгнул под стол, другой забился в постель, третий залез в печку, четвертый убежал на кухню, пятый спрятался в шкаф, шестой — под корыто, седьмой — в футляр для часовых гирь. Однако же волк всех их разыскал и очень с ними не чинился: одного за другим заглотнул он своею пастью, и только младшего никак не мог найти в часовом футляре.

Накушавшись досыта, он преспокойно убрался из дома, растянулся на большом лугу под деревом и начал засыпать.

Вскоре после того вернулась старая коза из лесу домой. Ах, что она там увидела! Домовая дверь открыта настежь: стулья, скамейки опрокинуты, корыто в щепы разбито, одеяло и подушки из постели повыбросаны.

Стала она искать своих деток, но нигде их найти не могла. Стала она их перекликать по именам, но никто не откликнулся.

Наконец, когда она дошла до младшего, тоненький голосок прокричал ей: «Милая матушка, я забился в часовой футляр».

Она тотчас добыла оттуда свое дитя и услышала рассказ о том, как приходил волк и сожрал всех остальных козлят. Можете себе представить, как она оплакивала своих бедных детушек!

Наконец старая коза в великой печали своей пошла из дому, и младший козленочек побежал за ней следом. Чуть только они вышли на луг, коза увидела, что волк лежит враспашку у дерева и так храпит, что над ним ветви от его храпа колышутся.

Коза обошла и осмотрела его со всех сторон, и увидела, что в его раздутом брюхе что-то шевелится. «Ах, Господи, — подумала она, — уж не мои ли это бедные детки? Он ими поужинал, а они, видно, живехоньки».

Тогда она отправила козленочка домой за ножницами, иглой и ниткой.

Затем она взрезала чудовищу утробу и чуть только взрезала — один козленочек уж высунул оттуда головенку; а как стала резать дальше, то все шестеро козлят выпрыгнули один за другим из волчьей утробы, и все были живехоньки и целехоньки, потому что чудовище в своей алчности глотало их целиком.

То-то была радость! И стали они ласкаться к своей матушке, и приплясывать около нее, словно портной на свадьбе.

А старая коза сказала: «Теперь ступайте, соберите мне побольше булыжников, мы их навалим этому проклятому зверине в утробу, пока он спит».

Семеро козляточек поспешно натаскали булыжников и набили их в утробу волка, сколько влезло. А старая коза еще того скорее зашила ему разрез, так что он ничего не заметил и даже не пошевелинулся.

Когда же наконец волк выпался, он поднялся на ноги, и так как каменный груз возбуждал у него в желудке сильную жажду, то вздумал он пробраться к ключу и напиться. Но чуть только переступил он несколько шагов, камни стали у него в брюхе постукивать друг о друга и позвякивать один о другой. Тогда он воскликнул:

Что там рокошет, что там грохочет,
Что оттянуло утробу мне?
Думал я, это шесть козлят,
Слышу теперь — там камни гремят!

И когда он пришел к ключу и наклонился к воде, собираясь пить, тяжелые камни его перетянули, он упал в воду и погиб злою смертью.

А семеро козляточек, увидав это, прибежали к матери с криком: «Волк издох! Волк утонул!»

И вместе с матерью радостно заплясали около ключа.

17. Ловкий вор (Урок 20)

https://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/lovkij_vor

Сидел раз старик со своей старухой у бедной избушки, и захотелось им немного отдохнуть от работы. Вдруг подъезжает пышная, запряженная четверкой вороных карета, и выходит из кареты богато одетый господин. Крестьянин поднялся, подошел к господину и спрашивает: что, мол, будет ему угодно и чем он мог бы ему услужить. Незнакомец подал старику руку и говорит:

- Хотелось бы мне только всего - отведать разок деревенской пищи. Наварите мне картошки, как вы ее обычно готовите, а я сяду с вами за стол и с удовольствием поем.

Улыбнулся крестьянин и говорит:

- Вы, пожалуй, граф или князь, или даже сам герцог. У знатных людей иной раз является такая охота; ваше желанье будет исполнено.

Хозяйка пошла на кухню, начала мыть и чистить картофель, собираясь приготовить клецки, какие обычно едят крестьяне. В то время когда она занималась на кухне хозяйством, крестьянин говорит незнакомцу:

- Пока что пойдемте ко мне в сад, мне надо там кой-какую работу закончить.

А были в саду накопаны ямы, и собирался старик сажать деревья.

- Что, разве у вас нет детей, - спросил незнакомец, - которые бы помогли в работе?

- Нету, - ответил крестьянин. - Был, правда, у меня сын, - добавил он, - но много лет тому назад как ушел он странствовать по свету. Парень он был разбитной, умный и расторопный, но учиться ничему не хотел и занимался всякими дурными делами; в конце концов он от меня убежал, и с той поры я о нем ничего не знаю.

Взял старик деревцо, посадил его в яму, а рядом вбил колышек; засыпал яму землей, утоптал ее, подвязал ствол дерева внизу, посередине и сверху соломенным жгутом к колышку.

- А скажите, пожалуйста, - спросил господин, - почему вы не подвязываете к колышку и кривого, суковатого дерева, что пригнулось почти до самой земли, чтоб выросло оно ровное?

Улыбнулся старик и говорит:

- Судя по вашему разговору, я вижу, ваша милость, что вы садоводством не занимались. Это ведь дерево старое, все покореженное - его никак уж не выпрямишь; деревья надо растить смолоду.

- Это как и с вашим сыном случилось, - учили бы его с малых лет, и не убежал бы он от вас; а теперь он уже огрубел; и тоже покорежился.

- Что правда то правда, - ответил старик. - Много лет прошло с той поры, как он ушел от меня: может, он и изменился.

- А вы бы узнали его, если б он к вам явился? - спросил незнакомец.

- В лицо трудно было б узнать, - ответил крестьянин, - но есть у него

примета, родинка на плече, она похожа на боб.

Только он это сказал, как снял незнакомец камзол, открыл плечо и показал крестьянину родинку.

- Боже ты мой! - воскликнул старик. - Как же это так, что ты, мой сын, да таким знатным господином сделался и живешь в богатстве и роскоши? Каким путем ты этого добился?

- Эх, отец, - ответил сын, - молодое-то дерево к колышку не было привязано, и выросло оно кривое; теперь-то уж оно и вовсе состарилось, сейчас уж его не выпрямишь! Как я всего этого добился? Я сделался вором. Но вы не пугайтесь; я воровских дел мастер. Не существует для меня ни замков, ни запоров: что мне понравится, то и мое. Вы не думайте, что я - ворую как простой какой-нибудь вор; я беру только то, что у богачей лишнее. Бедных людей я не трогаю: я им даю, а у них ничего не забираю. Также я не беру и того, что мог бы взять без всякого труда, без хитрости и ловкости.

- Ох, сын мой, - сказал отец, - мне все-таки дело это не нравится: вор, как ни говори, вором и останется; скажу я тебе, это добром не кончится.

Повел он его к матери; и как услышала она, что это ее сын родной, на радостях расплакалась, а как сказал он ей, что он воровских дел мастер, - потекли у нее слезы по лицу ручьями.

- Хотя он и вором сделался, а все ж таки мне он сын, и вот довелось мне увидеть его еще раз своими глазами.

Сели они за стол, и он отведал снова вместе со своими родными простой пищи. И сказал отец:

- Если наш граф, что в том замке живет, доведется, кто ты такой и чем занимаешься, он не станет тебя на руках носить и баюкать не будет, как было это, когда он держал тебя над купелью, а велит тебя повесить, чтоб качался ты на веревке.

- Вы, батюшка, об этом не беспокойтесь, он мне ничего не сделает, - я своему ремеслу хорошо обучен. Я вот сам к нему нынче наведуясь.

Когда стало уже смеркаться, уселся воровских дел мастер в свою карету и поехал в замок. Граф, посчитав его за важного господина, принял его любезно. Но когда незнакомец признался, кто он такой, граф побледнел и некоторое время молчал. Затем он сказал:

- Ну-ка давай, - сказал солдат и, отведав вина, заметил: - Что ж, вино хорошее, я охотно выпью еще стакан, - и он велел нацедить себе еще.

остальные тоже последовали его примеру.

- Эй, друзья! - крикнул один из них, обращаясь к тем, кто сидел в конюшне.
- Тут вот пришла старушка, есть у нее вино, оно такое же старое, как и она сама. Хлебните и вы маленько, оно согреет вам желудок куда лучше, чем наш костер.

Внесла старуха свой бочонок в конюшню. В это время один из конюхов сидел на оседланном любимом графском коне, другой держал в руках уздечку, а третий ухватился за хвост. Старуха нацеживала им вина, сколько требовали, пока весь запас не вышел. И вот выпала вскоре у одного из рук уздечка, он опустил ее на землю и начал храпеть; другой выпустил из рук конский хвост, уселся на земле и захрапел еще погромче. А тот, кто сидел в седле, хоть и остался на нем, но свесил голову на шею лошади, уснул и дышал ртом, словно кузнечный мех. Солдаты во дворе давно уже уснули, они лежали на земле вповалку, недвижно, будто каменные. Как увидел ловкий вор, что ему все удалось, сунул в руки одному вместо уздечки веревку, а тому, кто держал хвост, - соломенную метелку; но что было делать с тем, кто сидел на спине у коня? Сбрасывать его вниз ему не хотелось, - он мог бы проснуться и поднять крик. Но он знал, что придумать, расстегнул подпругу, подвязал покрепче к седлу две веревки, что висели на стальных кольцах, и поднял спящего всадника вместе с седлом вверх, затем обкрутил веревки вокруг столбов и крепко-накрепко их завязал. Потом он отвязал коня с цепи; но если бы он поскакал по вымощенному камнем двору, то в замке услышали бы шум. Поэтому он сначала обернул копыта старым тряпьем, затем осторожно вывел коня и ускакал.

Когда уже рассвело, воровских дел мастер мчался во весь опор к замку. Граф только что поднялся с постели и выглянул в окно.

- Доброе утро, господин граф! - крикнул он ему. - Вот и конь, которого мне удалось удачно вывести из конюшни. Вы поглядите, как преспокойно ваши солдаты лежат и спят, а если вам будет угодно зайти на конюшню, вы увидите, как удобно расположились ваши сторожа.

Графу ничего не оставалось больше, как рассмеяться, и он сказал:

- Один раз тебе удалось, но в другой раз так удачно тебе не сойдет. Я тебя предупреждаю, что если ты мне попадешься, я поступлю с тобой, как с вором.

Вечером, когда графиня отправилась спать, она крепко зажала руку с обручальным кольцом, и граф сказал:

- Все двери заперты и закрыты на засов, я буду подстерегать вора, а если станет он лезть в окно, я его пристрелю.

Но ловкий вор направился в сумерках на поле, к виселице, срезал там бедного грешника с веревки, на которой тот висел и потащил его на спине в замок. Потом он подставил лестницу к спальне, взвалил его себе на плечи и начал взбираться наверх. Когда он поднялся настолько высоко, что в окне показалась голова мертвеца, граф, лежавший в постели и не спавший, выхватил пистолет и нацелился в него, но ловкий вор сбросил тотчас бедного грешника на пол, а сам быстро спрыгнул с лестницы на землю и спрятался за углом. Ночь была такая лунная, что ловкий вор мог ясно разглядеть, как граф вылез из окна на лестницу, спустился вниз и отнес мертвеца в сад. Он начал там копать яму, чтобы положить в нее мертвеца. "Теперь, - подумал вор, - настал самый удобный момент," - он быстро выбрался из закоулка и взобрался по лестнице наверх, прямо в спальню графини.

- Дорогая жена, - начал он, подражая голосу графа, - вор уже мертв, но все же он мне доводится крестником; он был скорее плутом, чем злодеем; мне не хотелось бы его выставлять на всеобщий позор, да и жалко мне бедных родителей. Я сам похороню его в саду, пока не начнет светать, чтоб не стало обо всем известно людям. Дай мне простыню, я заверну в нее труп и зарюю его, как собаку.

Графиня подала ему простыню.

- Знаешь что, - продолжал вор, - мне хочется проявить великодушие: дай мне и кольцо, ведь несчастный жизнью своей рисковал, уж пусть он возьмет его с собой в могилу.

Не хотелось ей графу перечить, и хотя неохотно, но она сняла все же с пальца кольцо и подала ему. Вор быстро выбрался с этими двумя вещами и счастливо вернулся домой, прежде чем граф в саду покончил со своей работой могильщика.

Каково же было изумление графа, когда на другое утро явился воровских дел мастер и принес ему простыню и кольцо.

- Да неужто ты колдовать умеешь? - сказал он ему. - Кто это тебя вытащил из могилы, куда я тебя сам положил, и кто тебя воскресил?

- Да вы меня вовсе и не хоронили, - сказал вор. - Вы закопали несчастного грешника с виселицы. - И он рассказал подробно, как все это случилось. И должен был граф признать, что вор он ловкий и хитрый.

Усмехнулся мастер, ничего не ответил.

Вот наступила ночь, подошел он к деревенской церкви, с длинным мешком за спиной, с узелком под мышкой и фонарем в руке. Были у него в мешке раки, а в узелке небольшие восковые свечи. Он уселся на кладбище, достал из мешка рака и прилепил у него на спине восковую свечечку; потом он зажег ее, выпустил рака на землю, чтобы тот полз. Достал он из мешка второго рака, сделал то же самое, и так продолжал, пока не вынул из мешка и последнего рака.

Потом надел он на себя черную одежду, похожую на монашескую сутану, и приклеил себе к подбородку седую бороду. Когда его теперь никак нельзя было бы узнать, он взял пустой мешок, направился в церковь и взошел на кафедру. Часы на колокольне в это время пробили как раз полночь; когда отзвучал последний удар, вор громким голосом возвестил:

- Слушайте, грешные люди, настал конец света, близится день Страшного суда. Слушайте и внимайте. Кто хочет вместе со мной попасть на небо, пусть тот залезет в этот мешок. Я - Петр, стоящий на страже у небесных врат. Глядите, вон там на кладбище бродят покойники и собирают свои кости. Подходите сюда, подходите, забирайтесь в мешок, близится конец света!

Этот возглас разнесся по всей деревне. Пастор и причетник, которые жили неподалеку от церкви, первые его услышали, а увидев свечи, блуждающие по кладбищу, решили, что случилось нечто необычайное, и зашли в церковь. Они послушали немного проповедь, потом причетник толкнул пастора и говорит:

- Было б неплохо воспользоваться случаем и попасть нам вместе до наступления Страшного суда столь легко на небо.

- И правда, - ответил пастор, - это и я тоже подумал; если угодно, давайте вместе отправимся в путь-дорогу.

- Да, - ответил причетник, - но вам-то, господин пастор, первому надлежит входить, а я уж следом за вами.

Вот двинулся поп вперед и взошел на кафедру, где воровских дел мастер раскрыл свой мешок. Забрался пастор первым, а следом за ним - причетник.

Завязал тут вмиг ловкий вор крепко-накрепко свой мешок, схватил его за конец и потащил вниз по лесенке с церковной кафедры; и когда головы двух дураков бились о ступеньки, он провозгласил: "Сейчас мы уже переходим через горы." Потом потащил он их таким же образом по деревне, и когда им приходилось волочиться по лужам, он говорил: "А теперь мы проходим сквозь сырые облака," а когда втаскивал он их по замковой лестнице, он приговаривал: "А сейчас поднимаемся мы по небесной лестнице и скоро будем в преддверии рая."

Наконец взобрались они наверх; засунул вор мешок на голубятню, а когда голуби замахали крыльями, он сказал: "Слышите, как радуются ангелы и крыльями машут?" Потом он задвинул засов и ушел.

На другое утро он направился к графу и сказал ему, что выполнил и третью задачу, утащил из церкви пастора и причетника.

- Куда же ты их бросил? - спросил граф.

- Они лежат завязанные в мешке на самом верху голубятни и воображают, что попали на небо.

Поднялся граф сам наверх и убедился, что тот сказал правду. Освободил он пастора и причетника из их темницы и говорит:

- Ты из воров вор и дело свое выиграл. На этот раз ты можешь уходить подобра-поздорову, но из моих владений убирайся, а если опять появишься тут, то получишь свое повышение на виселице.

Попрощался ловкий вор со своим отцом-матерью и ушел снова бродить по свету. С той поры никто о нем больше и не слышал.

18. Счастливая семья (Урок 21)

<https://www.litres.ru/gans-hristian-andersen/schastlivaya-semya/chitat-onlayn/>

Самый большой лист у нас, конечно, лист лопуха: наденешь его на животик – вот тебе и передник, а положишь в дождик на головку – зонтик! Такой большущий этот лопух! И он никогда не растёт в одиночку, а всегда уж где один, там и много, – такое изобилие! И вся эта роскошь – кушанье для улиток! А самих улиток, белых, больших, кушали в старину важные господа; из улиток готовилось фрикасе, и господа, кушая его,

приговаривали: «Ах, как вкусно!» Они и вправду воображали себе, что это ужасно вкусно. Так вот, эти большие белые улитки ели лопухи, потому и стали сеять лопух.

Была одна старая барская усадьба, где уж давно не ели улиток, и они все повымерли. А лопух не вымер; он себе всё рос да рос – его ничем нельзя было заглушить; все аллеи, все грядки заросли лопухом, так что и сад стал не сад, а лопушиный лес; никто бы и не догадался, что тут был прежде сад, если бы кое-где не торчали ещё то яблонька, то сливовое деревцо. Вот в этом-то лопушином лесу и жила последняя пара старых-престарых улиток.

Они и сами не знали, сколько им лет, но отлично помнили, что прежде их было много, что они очень старинной иностранной породы и что весь этот лес был насажен исключительно для них и для их родичей. Старые улитки ни разу не выходили из своего леса, но знали, что где-то есть что-то, называющееся «барскою усадьбой»; там улиток варят до тех пор, пока они не почернеют, а потом кладут на серебряное блюдо. Что было дальше, они не знали. Не знали они тоже и даже представить себе не могли, что такое значит свариться и лежать на серебряном блюде; знали только, что это было чудесно и, главное, аристократично! И ни майский жук, ни жаба, ни дождевой червяк – никто из тех, кого они спрашивали, ничего не мог сказать об этом: никому ещё не приходилось быть сваренным и лежать на серебряном блюде!

Что же касается самих себя, то улитки отлично знали, что они, старые белые улитки, самые знатные на свете, что весь лес растёт только для них, а усадьба существует лишь для того, чтобы они могли свариться и лежать на серебряном блюде.

Жили улитки тихо, мирно и очень счастливо. Детей у них не было, и они взяли на воспитание улитку из простых. Приёмыш их ни за что не хотел расти – он был ведь обыкновенной, простой породы, но старикам, особенно улитке-мамаше, всё казалось, что он заметно увеличивается, и она просила улитку-папашу, если он не видит этого так, ощупать раковину малютки! Папаша щупал и соглашался с мамашей.

Раз шёл сильный дождь.

– Ишь, как барабанит по лопуху! – сказал улитка-папаша.

– И какие крупные капли! – сказала улитка-мамаша. – Вон как потекли вниз по стебелькам! Увидишь, как здесь будет сыро! Как я рада, что у нас и у сынка нашего такие прочные домики! Нет, что ни говори, а ведь нам дано больше, чем кому другому на свете! Сейчас видно, что мы первые в мире! У нас с самого рождения есть уже свои дома, для нас насажен целый

лопушиный лес! А хотелось бы знать, как далеко он тянется и что там за ним?

– Ничего! – сказал улитка-папаша. – Уж лучше, чем у нас тут, и быть нигде не может; я по крайней мере лучшего не ищу.

– А мне, – сказала улитка-мамаша, – хотелось бы попасть в усадьбу, свариться и лежать на серебряном блюде. Этого удостаивались все наши предки, и, уж поверь, в этом есть что-то возвышенное!

– Усадьба, пожалуй, давно разрушилась, – сказал улитка-папаша, – или вся заросла лопухом, так что людям и не выбраться оттуда. Да и к чему так спешить? А ты вот вечно спешишь, и сынок наш туда же за тобой. Ведь он уж третий день всё ползёт вверх по стебельку; просто голова кружится, как поглядишь!

– Ну, не ворчи на него! – сказала улитка-мамаша. – Он ползёт осторожно. Он, наверно, будет нам утехой, а ведь нам, старикам, больше и жить не для чего. Только подумал ли ты, откуда нам взять ему жену? Что, по-твоему, там, дальше, в лопухе, не найдётся кого-нибудь из нашего рода?

– Чёрные улитки без домов есть, конечно, – сказал улитка-папаша, – но ведь это же простонародье! Да и много они о себе думают! Можно, впрочем, поручить это дело муравьям: они вечно шныряют взад да вперёд, точно за делом, и, уж верно, знают, где надо искать жену для нашего сынка.

– Знаем, знаем одну красавицу из красавиц! – сказали муравьи. – Только, навряд ли она подойдёт вам – она ведь королева!

– Это не беда! – сказали старики. – А есть ли у неё дом?

– Даже дворец! – сказали муравьи. – Чудеснейший муравейник с семьюстами ходов!

– Благодарим покорно! – сказала улитка-мамаша. – Сыну нашему не с чего лезть в муравейник! Если у вас нет на примете никого получше, то мы поручим дело комарам: они летают и в дождь и в солнышко и знают лопушиный лес вдоль и поперёк.

– У нас есть невеста для вашего сына! – сказали комары. – Шагах в ста отсюда на кустике крыжовника сидит в своём домике одна маленькая улитка. Она живёт одна-одинёшенька и как раз в таком возрасте, что может выйти замуж. Всего в ста человеческих шагах отсюда!

— Так пусть она явится к нему! — сказали старики. — У него целый лопушиный лес, а у неё всего-навсего один кустик!

За улиткой-невестой послали. Она отправилась в путь и благополучно добралась до лопухов на восьмой день путешествия. Вот что значит чистота породы.

Отпраздновали свадьбу. Шесть светляков светили изо всех сил; вообще же свадьба была очень тихая: старики не любили шума. Зато улитка-мамаша сказала чудеснейшую речь. Папаша не мог, он был так растроган! И вот старики отдали молодым во владение весь лопушиный лес, сказав при этом, как они и всю жизнь свою говорили, что лучше этого леса нет ничего на свете и что, если молодые будут честно и благородно жить и плодиться, то когда-нибудь им или их детям доведётся попасть в усадьбу: там их сварят дочерна и положат на серебряное блюдо!

19. Сладкая каша (Урок 23)

[http://онлайн-
читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-
%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0%D1%8F-
%D0%BA%D0%B0%D1%88%D0%B0/](http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BA%D0%B0%D1%88%D0%B0/)

Жила-была бедная, скромная девочка одна со своей матерью, и есть им было нечего. Пошла раз девочка в лес и встретила по дороге старуху, которая уже знала про ее горемычное житье и подарила ей глиняный горшочек.

Стоило ему только сказать: «Горшочек, вари!» — и сварится в нем вкусная, сладкая пшеничная каша; а скажи ему только: «Горшочек, перестань!» — и перестанет вариться в нем каша. Принесла девочка горшочек домой своей матери, и вот избавились они от бедности и голода и стали, когда захочется им, есть сладкую кашу.

Однажды девочка ушла из дому, а мать и говорит: «Горшочек, вари!» — и стала вариться в нем каша, и наелась мать досыта.

Но захотелось ей, чтоб горшочек перестал варить кашу, да позабыла она слово. И вот варит он и варит, и ползет каша уже через край, и все варится каша. Вот уже кухня полна, и вся изба полна, и ползет каша в другую избу, и улица вся полна, словно хочет она весь мир накормить; и приключилась большая беда, и ни один человек не знал, как тому горю помочь.

Наконец, когда один только дом и остался цел, приходит девочка; и только она сказала: «Горшочек, перестань!» — перестал он варить кашу; а тот, кому надо было ехать снова в город, должен был в каше проехать себе дорогу.

20. Ель (Уроки 24 и 53)

http://az.lib.ru/a/andersen_g_h/text_0270.shtml

В лесу стояла чудесная елочка. Место у нее было хорошее, воздуха и света вдоволь; кругом же росли подруги постарше -- и ели, и сосны. Елочке ужасно хотелось поскорее вырасти; она не думала ни о теплом солнышке, ни о свежем воздухе, не было ей дела и до болтливых крестьянских ребятишек, что собирали по лесу землянику и малину; набрав полные корзиночки или нанизав ягоды, словно бусы, на тонкие прутьики, они присаживались под елочку отдохнуть и всегда говорили:

-- Вот славная елочка! Хорошенькая, маленькая! Таких речей деревце и слушать не хотело.

Прошел год, и у елочки прибавилось одно коленце, прошел еще год, прибавилось еще одно -- так, по числу коленцев, и можно узнать, сколько дереву лет.

-- Ах, если бы я была такой же большой, как другие деревья! -- вздыхала елочка. -- Тогда бы и я широко раскинула свои ветви, высоко подняла голову, и мне бы видно было далеко-далеко вокруг! Птицы свили бы в моих ветвях гнезда, и я при ветре так же важно кивала бы головой, как другие! И ни солнышко, ни пение птичек, ни розовые утренние и вечерние облака не доставляли ей ни малейшего удовольствия.

Стояла зима; земля была устлана сверкающим снежным ковром; по снегу нет-нет да пробежал заяц и иногда даже перепрыгивал через елочку -- вот обида! Но прошло еще две зимы, и к третьей деревце подросло уже настолько, что зайцу приходилось обходить его кругом.

"Да, расти, расти и поскорее сделаться большим, старым деревом -- что может быть лучше этого!" -- думалось елочке.

Каждую осень в лесу появлялись дровосеки и рубили самые большие деревья. Елочка каждый раз дрожала от страха при виде падавших на землю с шумом и треском огромных деревьев. Их очищали от ветвей, и они валялись на земле такими голыми, длинными и тонкими. Едва можно было узнать их! Потом их укладывали на дровни и увозили из леса.

Куда? Зачем?

Весною, когда прилетели ласточки и аисты, деревце спросило у них:

-- Не знаете ли, куда повезли те деревья? Не встречали ли вы их? Ласточки ничего не знали, но один из аистов подумал, кивнул головой и сказал:

-- Да, пожалуй! Я встречал на море, по пути из Египта, много новых кораблей с великолепными высокими мачтами. От них пахло елью и сосной. Вот где они!

-- Ах, поскорей бы и мне вырасти да пуститься в море! А каково это море, на что оно похоже?

-- Ну, это долго рассказывать! -- ответил аист и улетел.

-- Радуйся своей юности! -- говорили елочке солнечные лучи. -- Радуйся своему здоровому росту, своей молодости и жизненными силами!

И ветер целовал дерево, роса проливали над ним слезы, но ель ничего этого не ценила.

Незадолго до Рождества срубили несколько совсем молоденьких елок; некоторые из них были даже меньше нашей елочки, которой так хотелось поскорее вырасти. Все срубленные деревца были прехорошенькие; их не очищали от ветвей, а прямо уложили на дровни и увезли из леса.

-- Куда? -- спросила ель. -- Они не больше меня, одна даже меньше. И почему на них оставили все ветви? Куда их повезли?

-- Мы знаем! Мы знаем! -- прочирикали воробьи. -- Мы были в городе и заглядывали в окна! Мы знаем, куда их повезли! Они попадут в такую честь, что и сказать нельзя! Мы заглядывали в окна и видели! Их ставят посреди теплой комнаты и украшают чудеснейшими вещами: золочеными яблоками, медовыми пряниками и тысячами свечей!

-- А потом?.. -- спросила ель, дрожа всеми ветвями. -- А потом?.. Что было с ними потом?

-- А больше мы ничего не видали! Но это было бесподобно!

-- Может быть, и я пойду такою же блестящею дорогой! -- радовалась ель.

-- Это лучше, чем плавать по морю! Ах, я просто изнываю от тоски и нетерпения! Хоть бы поскорее пришло Рождество! Теперь и я стала такою же высокою и раскидистою, как те, что были срублены в прошлом году! Ах, если б я уже лежала на дровнях! Ах, если б я уже стояла, разубранная всеми этими прелестями, в теплой комнате! А потом что?.. Потом, верно, будет еще лучше, иначе зачем бы и наряжать меня!.. Только что именно? Ах, как я тоскую и рвусь отсюда! Просто и сама не знаю, что со мной!

-- Радуйся нам! -- сказали ей воздух и солнечный свет. -- Радуйся своей юности и лесному приволью!

Но она и не думала радоваться, а все росла да росла. И зиму, и лето стояла она в своем зеленом уборе, и все, кто видел ее, говорили: "Вот чудесное деревце!" Подошло, наконец, и Рождество, и елочку срубили первую. Жгучая боль и тоска не дали ей даже и подумать о будущем счастье; грустно было расставаться с родным лесом, с тем уголком, где она выросла: она ведь знала, что никогда больше не увидит своих милых подруг -- елей и сосен, кустов, цветов, а может быть, даже и птичек! Как тяжело, как грустно!..

Деревце пришло в себя только тогда, когда очутилось вместе с другими деревьями на дворе и услышало возле себя чей-то голос:

-- Чудесная елка! Такою-то нам и нужно!

Явились двое разодетых слуг, взяли елку и внесли ее в огромную великолепную залу. По стенам висели портреты, а на большой кафельной печке стояли китайские вазы со львами на крышках; повсюду были расставлены кресла-качалки, шелковые диваны и большие столы, заваленные альбомами, книжками и игрушками на несколько сот далеров -- так, по крайней мере, говорили дети. Елку посадили в большую кадку с песком, обернули кадку зеленою материей и поставили на пестрый ковер. Как трепетала елочка! Что-то теперь будет? Явились слуги и молодые девушки и стали наряжать ее. Вот на ветвях повисли полные сластей маленькие сетки, вырезанные из цветной бумаги, золоченые яблоки и орехи и закачались куклы -- ни дать ни взять живые человечки; таких елка еще и не видывала. Наконец к ветвям прикрепили сотни разноцветных маленьких свечек, а к самой верхушке елки -- большую звезду из сусального золота. Ну просто глаза разбегались, глядя на все это великолепие!

-- Как заблестит, засияет елка вечером, когда зажгутся свечки! -- сказали все. "Ах! -- подумала елка, -- хоть бы поскорее настал вечер и зажгли свечки! А что же будет потом? Не явятся ли сюда из лесу, чтобы полюбоваться на меня, другие деревья? Не прилетят ли к окошкам воробьи? Или, может быть, я вращу в эту кадку и буду стоять тут такою нарядной и зиму и лето?"

Да, много она знала!.. От напряженного ожидания у нее даже заболела кора, а это для дерева так же неприятно, как для нас головная боль.

Но вот зажгли свечи. Что за блеск, что за роскошь! Елка задрожала всеми ветвями, одна из свечек подпалила зеленые иглы, и елочка пребольно обожглась.

-- Ай-ай! -- закричали барышни и поспешно затушили огонь. Больше елка дрожать не смела. И напугалась же она! Особенно потому, что боялась лишиться хоть малейшего из своих украшений. Но весь этот блеск просто ошеломлял ее... Вдруг обе половинки дверей распахнулись, и ворвалась целая толпа детей; можно было подумать, что они намеревались свалить дерево! За ними степенно вошли старшие. Малыши остановились как вкопанные, но лишь на минуту, а там поднялся такой шум и гам, что просто в ушах звенело. Дети плясали вокруг елки, и мало-помалу все подарки с нее были посорваны.

"Что же это они делают! -- думала елка. -- Что это значит?" Свечки догорели, их потушили, а детям позволили обобрать дерево. Как они набросились на него! Только ветви трещали! Не будь елка крепко привязана верхушкою с золотой звездой к потолку, они бы повалили ее.

Потом дети опять принялись плясать, не выпуская из рук своих чудесных игрушек. Никто больше не глядел на елку, кроме старой няни, да и та высматривала только, не осталось ли где в ветвях яблочка или финика.

-- Сказку! Сказку! -- закричали дети и подтащили к елке маленького толстенького господина.

Он уселся под деревом и сказал:

-- Вот мы и в лесу! Да и елка, кстати, послушает! Но я расскажу только одну сказку! Какую хотите: про Иведе-Аведе или про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, все-таки вошел в честь и добыл себе принцессу?

-- Про Иведе-Аведе! -- закричали одни.

-- Про Клумпе-Думпе! -- кричали другие.

Поднялся крик и шум; одна елка стояла смирно и думала: "А мне разве нечего больше делать?"

Она уж сделала свое дело!

И толстенький господин рассказал про Клумпе-Думпе, который, хоть и свалился с лестницы, все-таки вошел в честь и добыл себе принцессу.

Дети захлопали в ладоши и закричали: "Еще, еще!" Они хотели послушать и про Иведе-Аведе, но остались при одном Клумпе-Думпе.

Тихо, задумчиво стояла елка: лесные птицы никогда не рассказывали ничего подобного. "Клумпе-Думпе свалился с лестницы, и все же ему досталась принцесса! Да, вот что бывает на белом свете!" -- думала елка: она вполне верила всему, что сейчас слышала, -- рассказывал ведь такой почтенный господин. "Да, да, кто знает! Может быть, и мне придется свалиться с лестницы, а потом и мне достанется принцесса!" И она с радостью думала о завтрашнем дне: ее опять украсят свечками, игрушками, золотом и фруктами! "Завтра уж я не задрожу! -- думала она. -- Я хочу как следует насладиться своим величием! И завтра я опять услышу сказку про Клумпе-Думпе, а может статься, и про Иведе-Аведе". И деревце смирно простояло всю ночь, мечтая о завтрашнем дне.

Поутру явились слуга и горничная. "Сейчас опять начнут меня украшать!" - подумала елка, но они вытащили ее из комнаты, поволокли по лестнице и сунули в самый темный угол чердака, куда даже не проникал дневной свет. "Что же это значит? -- думалось елке. -- Что мне здесь делать? Что я тут увижу и услышу?" И она прислонилась к стене и все думала, думала... Времени на это было довольно: проходили дни и ночи -- никто не заглядывал к ней. Раз только пришли люди поставить на чердак какие-то ящики. Дерево стояло совсем в стороне, и о нем, казалось, забыли.

"На дворе зима! -- думала елка. -- Земля затвердела и покрыта снегом: нельзя, значит, снова посадить меня в землю, вот и приходится постоять под крышей до весны! Как это умно придумано! Какие люди добрые! Не будь только здесь так темно и так ужасно пусто!.. Нет даже ни единого зайчика!.. А в лесу-то как было весело! Кругом снег, а по снегу скачут зайчики! Хорошо было... Даже когда они прыгали через меня, хоть меня это и сердило! А тут как пусто!"

-- Пи-пи! -- пискнул вдруг мышонок и выскочил из норки, за ним еще несколько. Они принялись обнюхивать дерево и шмыгать меж его ветвями.

-- Ужасно холодно здесь! -- сказали мышата. -- А то совсем бы хорошо было! Правда, старая елка?

-- Я вовсе не старая! -- отвечала ель. -- Есть много деревьев постарше меня!

-- Откуда ты и что ты знаешь? -- спросили мышата; они были ужасно любопытны. -- Расскажи нам, где самое лучшее место на земле? Ты была там? Была ты когда-нибудь в кладовой, где на полках лежат сыры, а под потолком висят окорока и где можно плясать по сальным свечкам? Туда войдешь тощим, а выйдешь оттуда толстым!

-- Нет, такого места я не знаю! -- сказала дерево. -- Но я знаю лес, где светит солнышко и поют птички!

И она рассказала им о своей юности; мышата никогда не слыхали ничего подобного, выслушали рассказ елки и потом сказали:

-- Как же ты много видела. Как ты была счастлива!

-- Счастлива? -- сказала ель и задумалась о том времени, о котором только что рассказывала. -- Да, пожалуй, тогда мне жилось недурно!

Затем она рассказала им про тот вечер, когда была разубрана пряниками и свечками.

-- О! -- сказали мышата. -- Как же ты была счастлива, старая елка!

Я совсем еще не стара! -- возразила ель. -- Я взята из леса только нынешнею зимой! Я в самой поре! Только что вошла в рост!

-- Как ты чудесно рассказываешь! -- сказали мышата и на следующую ночь привели с собой еще четырех, которым тоже надо было послушать рассказы елки. А сама ель чем больше рассказывала, тем яснее припоминала свое прошлое, и ей казалось, что она пережила много хороших дней.

-- Но они же вернутся! Вернутся! И Клумпе-Думпе упал с лестницы, а все-таки ему досталась принцесса! Может быть, и мне тоже достанется принцесса!

При этом дерево вспомнило хорошенькую березку, что росла в лесной чаще неподалеку от него, -- она казалась ему настоящей принцессой.

-- Кто это Клумпе-Думпе? -- спросили мышата, и ель рассказала им всю сказку; она запомнила ее слово в слово. Мышата от удовольствия чуть не прыгали до самой верхушки дерева. На следующую ночь явилось еще несколько мышей, а в воскресенье пришли даже две крысы. Этим сказка вовсе не понравилась, что очень огорчило мышат, но теперь и они перестали уже так восхищаться сказкою, как прежде.

-- Вы только одну эту историю и знаете? -- спросили крысы.

-- Только! -- отвечала ель. -- Я слышала ее в счастливейший вечер в моей жизни; тогда-то я, впрочем, еще не сознавала этого!

-- В высшей степени жалкая история! Не знаете ли вы чего-нибудь про жир или сальные свечки? Про кладовую?

-- Нет! -- ответило дерево.

-- Так счастливо оставаться! -- сказали крысы и ушли. Мышата тоже разбежались, и ель вздохнула:

-- А ведь славно было, когда эти резвые мышата сидели вокруг меня и слушали мои рассказы! Теперь и этому конец... Но уж теперь я не упущу своего, порадуюсь хорошенько, когда наконец снова выйду на белый свет! Не так-то скоро это случилось!

Однажды утром явились люди прибрать чердак. Ящики были вытащены, а за ними и ель. Сначала ее довольно грубо бросили на пол, потом слуга поволок ее по лестнице вниз.

"Ну, теперь для меня начнется новая жизнь!" -- подумала елка.

Вот на нее повеяло свежим воздухом, блеснул луч солнца -- ель очутилась на дворе. Все это произошло так быстро, вокруг было столько нового и интересного для нее, что она не успела и поглядеть на самое себя. Двор примыкал к саду; в саду все зеленело и цвело. Через изгородь перевешивались свежие благоухающие розы, липы были покрыты цветом, ласточки летали взад и вперед и щебетали:

-- Квир-вир-вит! Мой муж вернулся! Но это не относилось к ели.

-- Теперь и я заживу! -- радовалась ель и расправила свои ветви. Ах, как они поблекли и пожелтели!

Дерево лежало в углу двора, на крапиве и сорной траве; на верхушке его все еще сияла золотая звезда.

На дворе весело играли те самые ребятишки, что прыгали и плясали вокруг разубранной елки в сочельник. Самый младший увидел дерево и сорвал с него звезду.

-- Поглядите-ка, что осталось на этой гадкой, старой елке! -- сказал он и наступил ногами на ее ветви -- ветви захрустели.

Ель посмотрела на молодую, цветущую жизнь вокруг, потом поглядела на самое себя и пожелала вернуться в свой темный угол на чердак.

Вспомнились ей и молодость, и лес, и веселый сочельник, и мышата, радостно слушавшие сказку про Клумпе-Думпе...

-- Все прошло, прошло! -- сказала бедное дерево. -- И хоть бы я радовалась, пока было время! А теперь... все прошло, прошло!

Пришел слуга и изрубил елку в куски -- вышла целая связка растопок. Как славно запылали они под большим котлом! Дерево глубоко-глубоко вздыхало, и эти вздохи были похожи на слабые выстрелы. Прибежали дети, уселись перед огнем и встречали каждый выстрел веселым "пиф! паф!". А ель, испуская тяжелые вздохи, вспоминала ясные летние дни и звездные зимние ночи в лесу, веселый сочельник и сказку про Клумпе-Думпе, единственную слышанную ею сказку!.. Так она вся и сгорела.

Мальчики опять играли на дворе; у младшего на груди сияла та самая золотая звезда, которая украшала елку в счастливейший вечер ее жизни. Теперь он прошел, канул в вечность, елке тоже пришел конец, а с нею и нашей истории. Конец, конец! Все на свете имеет свой конец!

21. Царевна-лягушка (Урок 26)

<https://azku.ru/russkie-narodnie-skazki/tsarevna-lyagushka.html>

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею, у него было три сына — все молодые, холостые, удалыцы такие, что ни

в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: «Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь». Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат — полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на там крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая, пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила её лягуша-квакуша.

Говорит Иван-царевич: «Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!» — «Бери! — отвечает ему царь. — Знать, судьба твоя такова». Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше. Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу». Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

«Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? — спрашивает его лягуша.

— Аль услышал от отца своего слово неприятное?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб». — «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо

и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки». Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов — и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трём своим сыновьям: «Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру». Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жесткое, неприятное?»

— «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер». — «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою, вышла на красное крыльцо

и закричала громким голосом:
«Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковёр ткать — чтоб таков был, на каком я сживала у родного моего батюшки!»
Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковер давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер златом-серебром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на там ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Кваква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово неприветливое?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!» — «Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром — скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет». Вот старшие братья явились на смотр с своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да с Ивана-царевича смеются: «Что ж ты, брат, без жены пришёл? Хоть бы в платочке принёс! И где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?»
Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с мест своих и не знают, что им делать; а Иван-царевич и говорит:
«Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала». Подлетела к царскому крыльцу золочёная коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти бранные. Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусил лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай и себе то ж делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками — гостей забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их с позором.
Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашёл лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу:
«Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного». Обернулась белой лебедью и улетела в окно. Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все на четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел

он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадаетея ему навстречу
старый старичок.

«Здравствуй, — говорит, — добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?»

Царевич рассказал ему своё несчастье.

«Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок; куда он покатится — ступай за ним смело».

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошёл за клубочком. Идёт

чистым полем, попадаетея ему медведь.

«Дай, — говорит, — убью зверя!»

А медведь провещал ему:

«Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе».

Идёт он дальше, глядь, а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человеческим голосом:

«Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь».

Он пожалел и пошёл дальше. Бежит косой заяц; царевич опять за ружье, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом:

«Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь».

Иван-царевич пожалел и пошёл дальше — к синему морю, видит — на песке лежит издыхает щука-рыба.

«Ах, Иван-царевич, — провещала щука, — сжался надо мною, пусти меня в море».

Он бросил ее в море и пошёл берегом. Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повёртывается.

Говорит Иван-царевич:

«Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — ко мне передом, а к морю задом».

Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич взошёл в неё и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит.

«Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?» — спрашивает баба-яга Ивана-царевича.

«Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала». Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую.

«А, знаю! — сказала баба-яга. — Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно ее достать, нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на

высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт». Указала яга, в каком месте растёт этот дуб. Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда не взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился: глядь — а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит её — утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море. Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошел в дом Кощей, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо. Вот и сказке конец, а кто слушал - молодец!

22. Верные звери (Урок 28)

<https://vseskazki.ru/avtorskie-skazki/bratya-grimm-chitat/vernye-zveri.html>

Давно тому назад жил один человек. Денег у него было совсем мало, и вот с тем немногим, что у него осталось, отправился он странствовать по свету. Пришел он раз в деревню, видит — сбежались ребята, кричат и шумят.

— Дети, что у вас тут такое? — спросил человек.

— Да вот, — говорят они, поймали мы мышь, хотим научить ее плясать. Посмотрите, как забавно она бегаёт!

Но человек пожалел бедного зверька и сказал:

— Ребята, отпустите мышь на волю, я вам за то заплачу. — Он дал им денег, и они отпустили мышь, и бедный зверек убежал и спрятался в норку.

Пошел человек дальше. Приходит он в другую деревню, видит — у ребят обезьяна; заставляют они ее плясать и кувыряться, потешаются над ней, не дают ей покоя. Дал человек ребятам денег, чтоб отпустили они обезьяну. Потом пришел он в третью деревню, а там у ребят был на цепи медведь; приходилось ему становиться на задние лапки и плясать, а когда он ворчал, это их забавляло. И он выкупил медведя; обрадовался медведь, что можно стать теперь опять на свои четыре лапы, и затопал он прямо в лес.

Роздал человек последние свои деньги, не осталось у него в кармане и медного гроша. И говорит он себе: «Денег у короля в казне куда больше, чем ему надо; чего мне с голоду пропадать, возьму-ка я у него немного, а заработаю — верну их опять в казну». Забрался он в казну и взял оттуда немного денег, но когда он вылез из королевской кладовой, схватили его королевские слуги. Объявили ему, что он вор, и привели его на суд, а так как совершил он неправо дело, то присудили посадить его в ящик и бросить в реку. Проделали в крышке ящика дырки, чтобы мог проходить в него воздух, и дали человеку кувшин воды да хлеба кусок. Вот и поплыл он по реке; и так ему стало страшно! Но вдруг слышит он — что-то царапается и скребется о замок, грызет и постукивает. Вдруг открывается замок, подымается крышка ящика — стоят перед ним мышь, обезьяна и медведь, — это они крышку открыли; когда-то выручил их человек из беды, а теперь и они пришли ему на помощь. Но звери не знали, что им делать дальше, и стали они между собой советоваться. А тут выкатился к ним вдруг из воды белый камень, был он похож на яйцо. Вот медведь и говорит:

— Он вовремя к нам явился, это камень волшебный: чей он будет, тот и сможет пожелать себе все, чего только захочет.

Вытащил человек из воды этот камень, взял его в руку и пожелал, чтобы был у него замок с садом и королевской конюшней. И только вымолвил он свое желание, как сидел уже в замке с садом и королевской конюшней, и все было таким прекрасным и великолепным, что никак не мог он надивиться, на все это глядячи.

А проходили в это время по дороге купцы-торговцы.

— Поглядите-ка, — сказали они, — какой великолепный построили замок, а ведь в прошлый-то раз, как мы проходили, здесь были одни только зыбучие пески.

Стало им любопытно, явились они в замок, стали у человека расспрашивать, как сумел он все это так быстро построить. А он им и говорит:

— Да это не я сделал, это сделал мой волшебный камень.

— А что это за камень такой? — спросили они.

Он пошел и принес его и показал купцам-торговцам. Захотелось им тот камень получить, и они спросили, нельзя ли его будет у него купить, и предложили ему за него все свои дорогие товары. Глянул человек на прекрасные товары, разбежались у него глаза при виде их, а было сердце у него не постоянное, оно стремилось все к новому, и вот дал он себя одурачить, думая, что прекрасные товары куда дороже его волшебного

камня, и отдал его купцам-торговцам. Только выпустил он его из рук, и тотчас исчезло вместе с камнем и все его счастье, — очутился он снова в запертом ящике на реке, и была у него одна только кружка воды да хлеба краюха.

Как увидели верные звери — мышь, обезьяна и медведь, — что попал он в беду, явились снова к нему на помощь, но никак не могли они теперь сбить того замка — был он куда крепче, чем в первый раз. Тогда медведь и говорит:

— Надо нам волшебный камень найти, а не то все наши старания будут напрасны.

А купцы остались жить в замке. Вот звери и пошли туда все вместе; и когда были они уже около самого замка, медведь говорит:

— Мышь, загляни-ка ты в замочную скважину и посмотри, как нам быть; ты ведь маленькая, никто тебя не заметит.

Мышь согласилась на это, но вскоре вернулась и говорит:

— Дело не выйдет; я заглядывала: камень висит над зеркалом на красном шнурке, по бокам сидят две большие кошки с огненными глазами и его охраняют.

Говорят тогда обезьяна и медведь:

— А ты еще раз ступай туда да подожди, пока хозяин ляжет в постель и уснет, а потом пролезь в замочную скважину, взберись на кровать и ущипни его за нос да отгрызи ему волосы.

Пробралась мышь снова туда и сделала так, как сказали ей обезьяна и медведь. Хозяин проснулся, стал себе нос тереть и говорит:

— Кошки-то мои, видно, никуда не годятся: пускают мышей, а те волосы мне все с головы пообгрызли, — и он прогнал своих кошек.

Вот мышь своего и добилась.

Когда на другую ночь хозяин уснул, забралась мышь к нему в комнату, начала грызть красный шнурок, на котором висел камень, пока наконец его не перегрызла. Упал камень на пол, тут она и дотащила его до двери. Но нелегко это было бедной маленькой мышке; и говорит она обезьяне, а та стояла за дверью, ее дожидаясь:

— Ты вытащи его отсюда лапой.

Дело это было для обезьяны нетрудное, она взяла камень в руку, и пошли они все вместе к реке.

Обезьяна и говорит:

— Как же нам теперь к ящику-то добраться?

А медведь отвечает:

— Да это мы сейчас устроим! Я войду в реку и поплыву, а ты, обезьяна, сядешь ко мне на спину; но смотри, держись за меня обеими руками, да покрепче, а камень положи себе в рот. А ты, мышка, залезай ко мне в правое ухо.

Так они и сделали и поплыли вниз по реке. Вскоре медведю молчать надоело, стал он болтать о том да о сем и говорит:

— Послушай, обезьяна, а мы-то ведь с тобой храбрые товарищи; как ты думаешь?

Но обезьяна промолчала, ничего ему не ответила.

— Что это у тебя за манера такая, — сказал медведь, — товарищам своим не отвечать? Не люблю я тех, кто не отвечает.

Тут обезьяна дольше сдерживаться была не в силах, упустила она камень в воду и крикнула:

— Дурак ты! Как же мне было отвечать-то с камнем во рту? Вот он теперь и пропал, а виноват во всем ты.

— Да ты не бранись, — сказал медведь, — мы что-нибудь да придумаем.

Посоветовались они между собой, созвали всех древесных лягушек, жерлянок и прочую водяную тварь и говорят:

— На вас собирается напасть сильный враг, надо вам будет побольше камней набрать, сколько сможете, а мы построим вам стену, она вас защитит.

Испугались водяные твари и натащили камней отовсюду, и приплыла, наконец, со дна речного старая толстая лягушка-квакушка и притащила во рту красный шнурок с волшебным камнем. Обрадовался медведь, взял у лягушки камень и сказал, что теперь все, мол, в порядке и могут они себе домой спокойно отправляться, — тут он с ними быстро и распрощался. И поплыли они втроем вниз по реке к человеку, который находился в ящике.

Взорвали они волшебным камнем крышку, — явились они вовремя — весь хлеб он уже поел и всю воду выпил и чуть не пропал с голоду. Как только взял он в руку волшебный камень, пожелал себе доброго здоровья, так вмиг перенесся в свой прекрасный замок с садом и королевскою конюшней и стал жить припеваючи. А троих зверей он оставил при себе, и всю жизнь прожили они счастливо вместе.

23. Принцесса на горошине (Урок 29)

<https://www.kostyor.ru/tales/tale6.html>

Жил-был принц, он хотел взять себе в жены принцессу, да только настоящую принцессу. Вот он и объехал весь свет, искал такую, да повсюду было что-то не то; принцесс было полно, а вот настоящие ли они, этого он никак не мог распознать до конца, всегда с ними было что-то не в порядке. Вот и воротился он домой и очень горевал: уж так ему хотелось настоящую принцессу.

Как-то ввечеру разыгралась страшная буря: сверкала молния, гремел гром, дождь лил как из ведра, ужас что такое! И вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была похожа от дождя и непогоды! Вода стекала с ее волос и платья, стекала прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она говорила, что она настоящая принцесса.

"Ну, это мы разузнаем!" — подумала старая королева, но ничего не сказала, а пошла в опочивальню, сняла с кровати все тюфяки и подушки и положила на доски горошину, а потом взяла двадцать тюфяков и положила их на горошину, а на тюфяки еще двадцать перин из гагачьего пуха.

На этой постели и уложили на ночь принцессу.

Утром ее спросили, как ей спалось.

— Ах, ужасно плохо! — отвечала принцесса. — Я всю ночь не сомкнула глаз. Бог знает, что там у меня было в постели! Я лежала на чем-то твердом, и теперь у меня все тело в синяках! Это просто ужас что такое!

Тут все поняли, что перед ними настоящая принцесса. Еще бы, она почувствовала горошину через двадцать тюфяков и двадцать перин из гагачьего пуха! Такой нежной может быть только настоящая принцесса.

Принц взял ее в жены, ведь теперь-то он знал, что берет за себя настоящую принцессу, а горошина попала в кунсткамеру, где ее можно видеть и поныне, если только никто ее не стащил. Знайте, что это правдивая история!

24. Ганс мой Еж (Урок 30)

[http://онлайн-
читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-
%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%81-
%D0%BC%D0%BE%D0%B9-%D0%B5%D0%B6/](http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%81-%D0%BC%D0%BE%D0%B9-%D0%B5%D0%B6/)

Жил-был крестьянин; много было у него и денег, и всякого добра; но хотя и был он богат, одного ему недоставало, чтобы быть вполне счастливым: не было у него с женою детей. Поедет он, бывало, с другими крестьянами в город, а они и посмеиваются над ним, спрашивают, отчего это у него детей нету.

Вот рассердился он однажды и, воротясь домой, говорит:

— Хочу, чтобы был у меня ребенок, пусть он будет хотя бы ежом!

И вот родила ему жена ребенка, и был он от головы до пояса ежом, а дальше мальчиком. Как увидела она ребенка, испугалась и говорит:

— Видишь, это ты нас околдовал.

А муж ей говорит:

— Ну, что ж, теперь делу помочь нельзя, а крестить мальчика все равно надо; но в кумовья-то к нам, пожалуй, никто и не пойдет.

Жена говорит:

— Да и имени-то ему другого не дашь, кроме как Ганс мой Еж.

Когда его крестили, то поп сказал:

— Его из-за колючек и в приличную постель не положишь.

И вот положили они за печкой охапку соломы, а на нее Ганса-Ежа. Кормиться грудью матери он не мог, а то бы поколол он ее своими иглами. Так и пролежал он за печкой целых восемь лет; и вот надоел он отцу, и тот одного только и желал: чтобы Ганс-Еж поскорей умер. Но он не умирал, а

все продолжал лежать за печкой. А на ту пору была в городе ярмарка, и крестьянин, собираясь туда отправиться, спросил у жены, что ей там купить.

— Купи для хозяйства немного мяса да пару сдобных булок, — ответила она.

Затем спросил он работницу, и она попросила купить ей пару туфель да теплые чулки узорные. Наконец спросил он:

— А ты, Ганс-Еж, что хочешь?

— Батюшка, — сказал он, — привезите мне волынку.

Воротился крестьянин домой, отдал жене мясо и сдобные булки, что купил ей на ярмарке, затем отдал работнице туфли и чулки узорные, наконец полез за печку и дал Гансу-Ежу волынку. Получил Ганс-Еж волынку и говорит:

— Батюшка, сходите теперь в кузницу да попросите подковать моего петуха, тогда уеду я отсюда и никогда уже больше назад не вернусь.

Обрадовался отец, что сможет от него избавиться, и велел подковать ему петуха; а когда его подковали, сел Ганс-Еж верхом на своего петуха и уехал; и взял он с собой свиней и ослов, которых он собирался пасти в лесу. Как они приехали в лес, велел он петуху взлететь с ним на самое высокое дерево, и сидел на нем Ганс-Еж и пас ослов и свиней, и сидел он так много-много лет подряд, пока стадо, наконец, стало очень большое; и отец с той поры так ничего и не знал о своем сыне.

А Ганс-Еж все сидел на дереве и играл на волынке, — и что за чудная музыка то была! Однажды проезжал мимо король — он заблудился в лесу — и услышал ту музыку. Удивился король и послал своего слугу, чтобы тот доведася, откуда это доносится музыка. Посмотрел, поглядел слуга вокруг — ничего не увидел, кроме петушка на верхушке дерева; а то был петушок, на котором сидел Еж и играл на волынке. Тогда король приказал слуге спросить у него, зачем он там сидит и не знает ли он, как проехать ему назад в свое королевство. Спустился тогда Ганс-Еж с дерева и сказал, что укажет ему дорогу, если король ему пообещает и отпишет то, что встретится ему первым по возвращении домой у королевского замка. И подумал король: «Это, пожалуй, сделать мне будет легко, ведь Ганс-Еж грамоты не знает, и я могу написать то, что захочу». Взял король перо и чернила и написал что-то; Ганс-Еж указал ему дорогу, и король благополучно воротился домой. Увидела издали королева своего отца, обрадовалась, побежала к нему навстречу и стала его целовать. Тут он вспомнил о Гансе-Еже и рассказал ей, что приключилось с ним в пути: пришлось ему, дескать, дать письменное обещание какому-то диковинному зверю отдать то, что встретится ему дома

первым, — а сидел тот зверь верхом на петухе, точно на лошади, и чудно играл на волынке. Но на самом-то деле он написал, что он не должен ему ничего отдавать, ведь Ганс-Еж читать не умеет. Узнав об этом, принцесса обрадовалась и сказала, что он правильно поступил, — ведь все равно она никогда бы к нему в лес не пошла.

А Ганс-Еж тем временем пас ослов и свиней, был весел и сидел на дереве, играя на своей волынке. И случилось, что на ту пору проезжал мимо другой король вместе со своими слугами и скороходами. Он заблудился в лесу и не знал, как ему назад домой воротиться, а лес был большой и дремучий. Услыхал он издали прекрасную музыку и спрашивает у своего скорохода, что бы это могло значить, и велел узнать, в чем тут дело. Подошел скороход к дереву, посмотрел, поглядел, видит — сидит на верхушке петушок, а Ганс-Еж на него верхом уселся. И спрашивает его скороход, что он там наверху делает.

— Пасу своих ослов и свиней. А что вы хотите?

И говорит скороход, что они, мол, в лесу заблудились и не знают, как им вернуться назад в свое королевство, — не может ли он указать им дорогу. Слез Ганс-Еж вместе с петухом с дерева и говорит старому королю, что дорогу ему он укажет, если согласен он будет отдать ему то, что встретит он первым по возвращении своем домой, в свой королевский дворец. Король на это согласился и расписался Гансу-Ежу в том, что выполнить свое обещание согласен. И поехал Ганс-Еж верхом впереди на своем петухе, указал королю дорогу, и добрался тот благополучно в свое королевство. Въехал он во двор замка, и встретили его с великой радостью. А была у короля единственная дочь, была она красавица; вот выбежала она первой отцу навстречу, бросилась к нему на шею, стала его целовать да радоваться, что ее отец-старик домой воротился. Стала она его спрашивать, где он так долго странствовал; и рассказал он ей, что заблудился, мол, в лесу и, пожалуй, назад бы не вернулся, но проезжал он через дремучий лес, и сидел на макушке высокого дерева не то еж, не то человек верхом на петухе и чудно играл на волынке; он-то и помог ему выбраться из лесу и указал дорогу; и пообещал он ему за это первое, что встретится ему в королевском дворце, и это оказалась она, — вот потому и стало ему так грустно сейчас. Но она пообещала ему, что из любви к нему пойдет за этого Ежа, если он явится.

А Ганс-Еж пас своих свиней, а у свиней родились поросята; и стало их так много, что весь лес был ими полон. И не захотел Ганс-Еж жить больше в лесу, и велел он передать своему отцу, чтоб очистили в деревне все хлевы, так как явится он с большим стадом, и каждый сможет резать тогда свиней

столько, сколько захочет. Услыхал это отец и запечалился: он ведь думал, что Ганса-Ежа давно уже нет в живых.

Сел Ганс-Еж на своего петуха, погнал свиней в деревню и велел свиней тех колоть. Ох, какая пошла резня да рубка, — за два часа ходу было слышать!

Затем Ганс-Еж и говорит:

— Батюшка, велите вы моего петушка еще раз подковать в кузнице, а потом я уеду и весь свой век не вернусь к вам назад.

Велел отец подковать петушка и обрадовался, что Ганс-Еж домой возвращаться не собирается.

И поехал Ганс-Еж в первое королевство; но король повелел, что ежели кто верхом на петухе приедет и будет притом играть на волынке, то должны все в него стрелять, рубить его и колоть, чтобы он не осмелился показаться в замке. Только подъехал Ганс-Еж к замку, как кинулись на него со штыками люди. Но он ударил своего петуха шпорой, перелетал через ворота и очутился у королевского окошка; сел на окошко и крикнул, чтобы король отдал обещанное, а не то придется ему и дочери его с жизнью своей распрощаться. Стал король свою дочь уговаривать, чтобы вышла она к Гансу-Ежу и спасла бы и свою и его жизнь. Вот оделась она во все белое, и дал ей отец карету, запряженную шестериком, отпустил с нею добрых и надежных слуг и дал ей денег и много всякого добра. Села она в карету, а Ганс-Еж со своим петухом и волынкой уселся рядом с нею; попрощались они с королем и поехали. И король думал, что он уже больше ее никогда и не увидит. Но вышло по-другому: только они отъехали немного от города, раздел ее Ганс-Еж, снял с нее белое платье и стал колоть ее до крови своими иглами и приговаривать:

— Это тебе в награду за твою неверность; уходи от меня, жить с тобой я не хочу, — и прогнал он ее домой; и вот была она опозорена на всю свою жизнь.

А Ганс-Еж поехал на своем петушке и со своей волынкой дальше, и приехал он в другое королевство, к тому королю, которому он путь указал. А король тот велел, если явится кто, похожий на Ганса-Ежа, чтобы часовые перед ним на караул взяли, пропустили бы его и чтоб кричали все «ура» и привели бы его в королевский замок. Как увидала его королевна, испугалась, — такой он был страшный на вид; но она подумала: «Что ж теперь делать, если я отцу своему дала обещание?» Приняла она Ганса-Ежа ласково да приветливо, обвенчалась с ним, и пришлось ему идти к столу королевскому. Села она с ним рядом, и стали они есть да пить. Вот наступил вечер, и надо было уже им спать ложиться, и было ей страшно его игл; но он сказал ей, чтоб она не

боялась, что ей больно не будет; и он попросил старого короля, чтобы поставил он четырех человек у дверей на страже и чтоб развели они большой костер; и когда он войдет в опочивальню и станет спать ложиться, то снимет с себя свою ежовую шкуру и бросит ее у постели; и должна стража подбежать и кинуть ту шкуру в огонь и не отходить, пока она не сгорит дотла.

Когда колокол пробил одиннадцать часов, он отправился в опочивальню, скинул с себя ежовую шкуру и положил ее у постели; и явилась стража, быстро схватила ее и кинула в огонь. Когда она сгорела дотла, освободился он от чар и лежал теперь в постели, и был похож на настоящего человека, но было тело у него угольно-черное, словно обожженное. Послал король за своим лекарем, и тот стал натирать его разными целебными мазями и бальзамом, — и сделался он белым, красивым юношей. Увидала его королева, обрадовалась; и на другое утро поднялись они радостные, стали пить да есть, а потом уж и свадьбу сыграли.

И Ганс-Еж получил от старого короля все королевство.

Прошло несколько лет, и поехал он со своею женой к отцу и говорит, что он его сын. Но отец ответил, что нет у него никакого сына; был у него, правда, сын, да тот родился ежом с колючими иглами и давно уже ушел странствовать по свету. Но вот, наконец, старик-отец узнал своего Ганса-Ежа, обрадовался и отправился с ним в его королевство.

Вот и сказке конец пришел,

К дому Густхен тебя привел.

25. Снежная королева (Урок 31)

<http://сказки-андерсена.рф/%D1%81%D0%BD%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0/>

История первая,
в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнем! Когда мы доберемся до конца нашей истории, будем знать больше, чем теперь.

Так вот, жил-был тролль, злой-презлой — это был сам дьявол. Как-то раз у него было прекрасное настроение: он смастерил зеркало, обладавшее удивительным свойством. Все доброе и прекрасное, отражаясь в нем, почти исчезало, но все ничтожное и отвратительное особенно бросалось в глаза и становилось еще безобразнее. Чудесные пейзажи казались в этом зеркале вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами; чудилось, будто они стоят вверх ногами, без животов, а лица их так искажались, что их нельзя было узнать.

Если у кого-нибудь на лице была одна-единственная веснушка, этот человек мог быть уверен, что в зеркале она расплывется во весь нос или рот. Дьявола все это ужасно забавляло. Когда человеку в голову приходила добрая благочестивая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль хохотал, радуясь своей забавной выдумке. Все ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали, что свершилось чудо.

—Только теперь, — говорили они, — можно видеть мир и людей такими, какие они на самом деле.

Они повсюду носились с зеркалом, и в конце концов не осталось ни одной страны и ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. И вот они захотели добраться до неба, чтобы посмеяться над ангелами и над господом богом. Чем выше поднимались они, тем больше гримасничало и кривлялось зеркало; им трудно было удержать его: они летели все выше и выше, все ближе к богу и ангелам; но вдруг зеркало так перекошилось и задрожало, что вырвалось у них из рук и полетело на землю, там оно разбилось вдребезги.

Миллионы, биллионы, несметное множество осколков наделали гораздо больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной с песчинку, разлетелись по белу свету и, случалось, попадали людям в глаза; они оставались там, а люди с той поры видели все шиворот-навыворот или замечали во всем только дурные стороны: дело в том, что каждый крошечный осколок обладал той же силой, что и зеркало.

Некоторым людям осколки попали прямо в сердце, — это было ужаснее всего — сердце превращалось в кусок льда. Попадались и такие большие осколки, что их можно было вставить в оконную раму, но сквозь эти окна не стоило смотреть на своих друзей. Иные осколки были вставлены в очки, но стоило людям надеть их, чтобы хорошенько все рассмотреть и вынести справедливое суждение, как приключалась беда. А злой тролль хохотал до колик в животе, словно его щекотали. И много осколков зеркала все еще летало по свету. Послушаем же, что было дальше!

История вторая

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько людей и домов, что не всем удастся разбить маленький садик и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами, жили двое бедных детей, у которых садик был чуть побольше цветочного горшка. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, словно родные. Родители их жили по соседству, под самой крышей — в мансардах двух смежных домов. Кровли домов почти соприкасались, а под выступами проходил водосточный желоб, — вот как раз туда и выходили окошки обеих комнатушек. Стоило только перешагнуть желобок, и можно было сразу попасть через окошко к соседям.

У родителей под окнами было по большому деревянному ящику; в них они разводили зелень и коренья, а еще в каждом ящике росло по небольшому кусту роз, кусты эти чудесно разрастались. Вот и додумались родители поставить ящики поперек желобка; они тянулись от одного окна к другому, словно две цветочные грядки. Усики гороха свисали с ящиков зелеными гирляндами; на розовых кустах появлялись все новые побеги: они обрамляли окна и переплетались — все это было похоже на триумфальную арку из листьев и цветов.

Ящики были очень высоки, и дети хорошо знали, что залезать на них нельзя, поэтому родители часто позволяли им ходить друг к другу в гости по желобу и сидеть на скамеечке под розами. Как весело они там играли!

Но зимой дети были лишены этого удовольствия. Окна часто совсем замерзали, но малыши нагревали на печке медные монетки и прикладывали их к замерзшим стеклам, — лед быстро оттаивал, и получалось чудесное окошко, такое круглое, круглое — в нем показывался веселый, ласковый глазок, это мальчик и девочка смотрели из своих окон. Его звали Кай, а ее — Герда. Летом они могли одним прыжком очутиться друг у друга, а зимой приходилось сначала спуститься на много ступенек вниз, а потом подняться на столько же ступенек вверх! А на дворе бушевала метель.

— Это роятся белые пчелки, — сказала старая бабушка.

— А у них есть королева? — спросил мальчик, потому что он знал, что у настоящих пчел она есть.

— Есть, — ответила бабушка. — Королева летает там, где снежный рой всего гуще; она больше всех снежинок и никогда не лежит подолгу на земле, а снова улетает с черной тучей. Иногда в полночь она летает по улицам города и заглядывает в окна, — тогда они покрываются чудесными ледяными узорами, словно цветами.

—Мы видели, видели, — сказали дети и поверили, что все это сушая правда.

—А может Снежная королева придти к нам? — спросила девочка.

—Пусть только попробует! — сказал мальчик. — Я посажу ее на раскаленную печку, и она растает.

Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай вернулся домой и уже почти разделся, собираясь лечь в постель, он забрался на скамеечку у окна и заглянул в круглое отверстие в том месте, где оттаял лед. За окном порхали снежинки; одна из них, самая большая, опустилась на край цветочного ящика. Снежинка росла, росла, пока, наконец, не превратилась в высокую женщину, закутанную в тончайшее белое покрывало; казалось, оно было соткано из миллионов снежных звездочек. Женщина эта, такая прекрасная и величественная, была вся из льда, из ослепительного, сверкающего льда, — и все же живая; глаза ее сияли, как две ясные звезды, но в них не было ни тепла, ни покоя. Она склонилась к окну, кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчик испугался и спрыгнул со скамеечки, а мимо окна промелькнуло что-то, похожее на огромную птицу.

На другой день был славный мороз, но потом началась оттепель, а там пришла весна. Светило солнце, проглядывала первая зелень, ласточки вили гнезда под крышей, окна были распахнуты настежь, и дети снова сидели в своем крошечном садике у водосточного желоба высоко над землей.

Розы в то лето цвели особенно пышно; девочка выучила псалом, в котором говорилось о розах, и, напевая его, она думала о своих розах. Этот псалом она спела мальчику, и он стал ей подпевать:

Розы в долинах цветут... Красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Взявшись за руки, дети пели, целовали розы, смотрели на ясные солнечные блики и разговаривали с ними, — в этом сиянии им чудился сам младенец Христос. Как прекрасны были эти летние дни, как хорошо было сидеть рядом под кустами благоухающих роз, — казалось, они никогда не перестанут цвести.

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками, — разных зверей и птиц. И вдруг—как раз на башенных часах пробило пять — Кай вскрикнул:

—Меня кольнуло прямо в сердце! А теперь что-то попало в глаз! Девочка обвила ручонками его шею. Кай мигал глазами; нет, ничего не было видно.

—Наверное, выскочило, — сказал он; но в том-то и дело, что не выскочило. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала; ведь мы, конечно, помним об этом ужасном стекле, отражаясь в котором все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное выступало еще резче, и каждый недостаток сразу бросался в глаза. Крошечный осколок попал Каю прямо в сердце. Теперь оно должно было превратиться в кусок льда. Боль прошла, но осколок остался.

—Что ты хнычешь? — спросил Кай. — Какая ты сейчас некрасивая! Ведь мне совсем не больно! . . . Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь! Посмотри, а та совсем кривая! Какие гадкие розы! Ничуть не лучше ящиков, в которых они торчат!

И вдруг он толкнул ногой ящик и сорвал обе розы.

—Кай! Что ты делаешь? — закричала девочка.

Увидев, как она испугалась, Кай сломал еще одну ветку и убежал от милой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли ему после того девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для младенцев; всякий раз, когда бабушка что-нибудь рассказывала, он перебивал ее и придирался к словам; а иногда на него такое находило, что он передразнивал ее походку, надевал очки и подражал ее голосу. Получалось очень похоже, и люди покатывались со смеху. Вскоре мальчик научился передразнивать всех соседей. Он так ловко выставлял напоказ все их странности и недостатки, что люди только диву давались:

—Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а потом и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всей душой.

И играл теперь Кай совсем по-другому — чересчур замысловато. Как-то раз зимой, когда шел снег, он пришел с большим увеличительным стеклом и подставил под падающий снег полу своего синего пальто.

—Посмотри в стекло, Гер да! — сказал он. Каждая снежинка увеличилась под стеклом во много раз и походила на роскошный цветок или на десятиконечную звезду. Это было очень красиво.

—Посмотри, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это куда интереснее, чем настоящие цветы. И какая точность! Ни одной кривой линии. Ах, если бы только они не таяли!

Немного погодя Кай пришел в больших рукавицах, с санками за спиной и крикнул Герде в самое ухо:

—Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!
— и убежал.

На площади каталось много детей. Самые храбрые мальчишки привязывали свои салазки к крестьянским саням и отъезжали довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый его разгар на площади появились большие белые сани; в них сидел человек, укутанный в пушистую, белую меховую шубу, на голове у него была такая же шапка. Сани два раза объехали площадь, Кай живо привязал к ним свои маленькие салазки и покатил. Большие сани понеслись быстрее и вскоре свернули с площади в переулок. Тот, кто сидел в них, обернулся и приветливо кивнул Каю, словно они были давно знакомы. Каждый раз, когда Кай хотел отвязать санки, седок в белой шубе кивал ему, и мальчик ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег вдруг повалил густыми хлопьями, так что мальчик ничего не видел на шаг впереди себя, а сани все мчались и мчались.

Мальчик попытался скинуть веревку, которую он зацепил за большие сани. Это не помогло: салазки его словно приросли к саням и все так же неслись вихрем. Кай громко закричал, но никто его не услышал. Метель бушевала, а сани все мчались, ныряя в сугробах; казалось, что они перескакивают через изгороди и канавы. Кай дрожал от страха, он хотел прочесть “Отче наш”, но в уме у него вертелась только таблица умножения.

Снежные хлопья все росли и росли, наконец, они превратились в больших белых кур. Вдруг куры разлетелись во все стороны, большие сани остановились, и человек, сидевший в них, встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

—Славно проехались! — сказала она. — Ух, какой мороз! Ну-ка, залезай ко мне под медвежью шубу!

Она посадила мальчика рядом с собой на большие сани и закутала его в свою шубу; Кай словно провалился в снежный сугроб.

—Тебе все еще холодно? — спросила она и поцеловала его в лоб. У! Поцелуй ее был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошел до самого сердца, а оно и так уже было наполовину ледяным. На мгновение Каю

показалось, что он вот-вот умрет, а потом ему стало хорошо, и он уже не чувствовал холода.

—Мои санки! Не забудь про мои санки! — спохватился мальчик. Салазки привязали на спину одной из белых куриц, и она полетела с ними вслед за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он забыл и маленькую Герду, и бабушку, всех-всех, кто остался дома.

—Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти!

Кай взглянул на нее, она была так хороша! Он и представить себе не мог более умного, более прелестного лица. Теперь она не казалась ему ледяной, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему. В его глазах она была совершенством. Кай уже не чувствовал страха и рассказал ей, что умеет считать в уме и даже знает дроби, а еще знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей ... А Снежная королева только улыбалась. И Каю показалось, что он, и в самом деле, знает так мало, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. Снежная королева подхватила мальчика и взвилась с ним на черную тучу.

Буря плакала и стонала, словно распевала старинные песни. Кай и Снежная королева летели над лесами и озерами, над морями и сушей. Под ними проносились со свистом холодные ветры, были волки, сверкал снег, а над головами с криком кружили черные вороны; но высоко вверху светил большой ясный месяц. Кай смотрел на него всю долгую-долгую зимнюю ночь, — днем он спал у ног Снежной королевы.

История третья

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с маленькой Гердой после того, как Кай не вернулся? Куда он исчез? Никто этого не знал, никто не мог ничего рассказать о нем. Мальчики говорили только, что видели, как он привязал свои салазки к большим великолепным саням, которые потом свернули на другую улицу и умчались за городские ворота. Никто не знал, куда он девался. Много слез было пролито: горько и долго плакала маленькая Герда. Наконец, все решили, что Кая больше нет в живых: может быть, он утонул в реке, которая протекала неподалеку от города. Ох, как тянулись эти мрачные зимние дни! Но вот пришла весна, засияло солнце.

—Кай умер, он больше не вернется, — сказала маленькая Герда.

—Я этому не верю! — возразил солнечный свет.

—Он умер, и больше не вернется! — сказала она ласточкам.

—Не верим! — ответили они, и, наконец, сама Герда перестала этому верить.

—Надену-ка я свои новые красные башмачки, — сказала она как-то утром.
— Кай еще ни разу не видел их. А потом спущусь к реке и спрошу о нем.

Было еще очень рано. Девочка поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки, одна-одинешенька вышла за ворота и спустилась к реке:

—Правда, что ты взяла моего маленького дружка? Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты мне его вернешь.

И девочке почудилось, будто волны как-то странно кивают ей; тогда она сняла свои красные башмачки — самое дорогое, что у нее было — бросила их в реку; но она не могла забросить их далеко, и волны тут же вынесли башмачки обратно на берег — видно, река не захотела взять ее сокровище, раз у нее не было маленького Кая. Но Герда подумала, что слишком близко бросила башмачки, вот она и вскочила в лодку, лежавшую на песчаной отмели, подошла к самому краю кормы и бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от резкого толчка соскользнула в воду. Герда заметила это и решила поскорее выбраться на берег, но пока она пробиралась обратно на нос, лодка отплыла на сажень от берега и понеслась по течению. Герда очень испугалась и заплакала, но никто, кроме воробьев, не слышал ее; а воробьи не могли перенести ее на сушу, но они летели вдоль берега и щебетали, словно хотели утешить ее:

—Мы тут! Мы тут!

Поток уносил лодку все дальше, Герда сидела совсем тихо в одних чулках — красные башмачки плыли за лодкой, но они не могли ее догнать: лодка плыла гораздо быстрее.

Берега реки были очень красивы: повсюду росли вековые деревья, пестрели чудесные цветы, на склонах паслись овцы и коровы, но нигде не было видно людей.

“Может быть, река несет меня прямо к Каю?” — подумала Герда. Она повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась живописными зелеными берегами; лодка подплыла к большому вишневному саду, в котором приютился маленький домик с чудесными красными и синими окнами и с соломенной крышей. Перед домиком стояли два деревянных

солдата и отдавали ружьями честь всем, кто проплывал мимо. Герда подумала, что они живые, и окликнула их, но солдаты, конечно, не ответили ей; лодка подплыла еще ближе, — она почти вплотную подошла к берегу.

Девочка закричала еще громче, и тогда из домика, опираясь на клюку, вышла дряхлая-предряхлая старушка в широкополой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

—Ах ты, бедняжка! — сказала, старушка. — Как это ты попала на такую большую, быструю реку, да еще заплыла так далеко?

Тут старушка вошла в воду, подцепила своей клюкой лодку, подтянула ее к берегу и высадила Герду.

Девочка была рада-радешенька, что наконец выбралась на берег, хоть и немного побаивалась незнакомой старухи.

—Ну, пойдем; Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать обо всем, что с ней приключилось, а старушка качала головой и говорила: “Гм! Гм!” Но вот Герда кончила и спросила ее, не видела ли она маленького Кая. Старушка ответила, что здесь он еще не проходил, но, наверное, скоро придет сюда, так что девочке нечего горевать — пусть отведаст ее вишен да посмотрит на цветы, что растут в саду; цветы эти красивее любых книжек с картинками, и каждый цветок рассказывает свою сказку. Тут старушка взяла Герду за руку, увела ее к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна в домике были высоко от полу и все из разных стекол: красных, синих и желтых, — поэтому и вся комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояли чудесные вишни, и старушка позволила Герде есть, сколько душе угодно. А пока девочка ела, старушка расчесывала ей волосы золотым гребешком, они блестели, словно золотые, и так чудесно вились вокруг ее нежного личика, кругленького и румяного, словно роза.

—Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как славно мы с тобой заживем!

И чем дольше расчесывала она Герде волосы, тем быстрее Герда забывала своего названного братца Кая: ведь эта старушка умела колдовать. Но она не была злой волшебницей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; а сейчас ей очень хотелось, чтобы маленькая Герда осталась у нее. И вот она пошла в сад, помахала своей клюкой над каждым розовым кустом, и те, как стояли в цвету, так все и ушли глубоко в землю — и следа

от них не осталось. Старушка боялась, что Герда, увидев розы, вспомнит свои собственные, а там и Кая, и убежит.

Сделав свое дело, старушка повела Герду в цветник. Ах, как там было красиво, как благоухали цветы! Все цветы, какие только есть на свете, всех времен года пышно цвели в этом саду; никакая книжка с картинками не могла быть пестрей и прекраснее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не скрылось за высокими вишневыми деревьями. Потом ее уложили в чудесную постельку с красными шелковыми перинками, а перинки те были набиты голубыми фиалками; девочка уснула, и ей снились такие чудесные сны, какие видит разве только королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть на солнышке в чудесном цветнике. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветок, но хоть их и было так много, ей все же казалось, что какого-то цветка недостает; только вот какого? Как-то раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и среди них прекраснее всех была роза. Старушка забыла стереть ее со шляпы, когда заколдовала живые розы и спрятала их под землю. Вот до чего доводит рассеянность!

—Как! Тут нет роз? — воскликнула Герда и побежала искать их на клумбах. Искала, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Но ее горячие слезы упали как раз на то место, где был спрятан розовый куст, и как только они смочили землю, он мгновенно появился на клумбе такой же цветущий, как прежде. Герда обвила его ручонками и стала целовать розы; тут она вспомнила о тех чудных розах, что цвели дома, а потом и о Кая.

—Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Ведь мне нужно искать Кая! Вы не знаете, где он? — спросила она у роз. — Вы верите, что его нет в живых?

—Нет, он не умер! — ответили розы. — Мы же побывали под землей, где лежат все умершие, но Кая меж ними нет.

—Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам. Она заглядывала в их чашечки и спрашивала:

—Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и грезил только своей собственной сказкой или историей; много их выслушала Герда, но никто из цветов ни слова не сказал о Кае.

Что же рассказала ей огненная лилия?

—Слышишь, как бьет барабан? “Бум!”, “Бум!”. Звуки очень однообразные, всего лишь два тона: “Бум!”, “Бум!”. Слушай заунывное пение женщин! Слушай крики жрецов ... В длинном алом одеянии стоит на костре вдова индийца. Языки пламени охватывают ее и тело умершего мужа, но женщина думает о живом человеке, что стоит тут же, — о том, чьи глаза горят ярче пламени, чьи взоры обжигают сердце горячее огня, который вот-вот испепелит ее тело. Может ли пламя сердца погаснуть в пламени костра!

—Ничего не понимаю! — сказала Герда.

—Это моя сказка, — объяснила огненная лилия. Что рассказал вьюнок?

—Старинный рыцарский замок возвышается над скалами. К нему ведет узкая горная тропинка. Старые красные стены увиты густым плющом, листья его цепляются друг за друга, плющ обвивает балкон; на балконе стоит прелестная девушка. Она перегнулась через перила и смотрит вниз на тропинку: ни одна роза не может сравниться с ней в свежести; и цветок яблони, сорванный порывом ветра, не трепещет так, как она. Как шелестит ее дивное шелковое платье! “Неужели он не придет?”

—Ты говоришь про Кая? — спросила Герда.

—Я рассказываю о своих грезах! Это моя сказка, — ответил вьюнок. Что рассказал крошка-подснежник?

—Между деревьями на толстых веревках висит длинная доска — это качели. На них стоят две маленькие девочки; платица на них белые, как снег, а на шляпах длинные зеленые шелковые ленты, они развеваются по ветру. Братишка, постарше их, стоит на качелях, обвив веревку рукой, чтобы не упасть; в одной руке у него чашечка с водой, а в другой трубочка, — он пускает мыльные пузыри; качели качаются, пузыри летают по воздуху и переливаются всеми цветами радуги. Последний пузырь еще висит на конце трубочки и раскачивается на ветру. Черная собачка, легкая, как мыльный пузырь, встает на задние лапы и хочет вспрыгнуть на качели: но качели взлетают вверх, собачонка падает, сердится и тявкает: дети дразнят ее, пузыри лопаются ... Качающаяся доска, разлетающаяся по воздуху мыльная пена — вот моя песенка!

—Что ж, она очень мила, но ты рассказываешь все это таким печальным голосом! И опять ни слова о Кае! Что рассказали гиацинты?

—Жили на свете три сестры, стройные, воздушные красавицы. На одной платье было красное, на другой голубое, на третьей — совсем белое. Взявшись за руки, танцевали они у тихого озера при ясном лунном свете. То были не эльфы, а настоящие живые девушки. В воздухе разлился сладкий аромат, а девушки исчезли в лесу. Но вот запахло еще сильнее, еще слаще — три гроба выплыли из лесной чащи на озеро. В них лежали девушки; светлячки кружили в воздухе, словно крошечные трепещущие огоньки. Спят юные плясуньи или умерли? Аромат цветов говорит, что умерли. Вечерний колокол звонит по усопшим!

—Вы совсем меня расстроили, — сказала Герда. — Вы тоже так сильно пахнете. Теперь у меня из головы не идут умершие девушки! Неужели Кай тоже умер! Но розы побывали под землей, и они говорят, что его там нет.

—Динь-дон! — зазвенели колокольчики гиацинтов. — Мы звонили не над Каем. Мы и не знаем его. Мы поем свою собственную песенку.

Герда подошла к лютику, сидевшему среди блестящих зеленых листьев.

—Маленькое ясное солнышко! — сказала Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего маленького дружка?

Лютик засиял еще ярче и взглянул на Герду. Какую же песенку спел лютик? Но и в этой песенке ни слова не было о Кае!

—Был первый весенний день, солнышко приветливо светило на маленький дворик и пригревало землю. Лучи его скользили по белой стене соседнего дома. Возле самой стены распустились первые желтые цветочки, словно золотые сверкали они на солнце; старая бабушка сидела во дворе на своем стуле;

вот вернулась из гостей домой ее внучка, бедная прелестная служанка. Она поцеловала бабушку; поцелуй ее — чистое золото, он идет прямо от сердца. Золото на устах, золото в сердце, золото на небе в утренний час. Вот она, моя маленькая история! — сказал лютик.

—Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Она, конечно, тоскует и страдает из-за меня; как она горевала о Кае! Но я скоро вернусь домой вместе с Каем. Незачем больше спрашивать цветы, они ничего не знают, кроме своих собственных песен, — все равно они мне ничего не посоветуют.

И она подвязала свое платьице повыше, чтобы удобнее было бежать. Но когда Герда хотела перепрыгнуть через нарцисс, он хлестнул ее по ноге. Девочка остановилась, посмотрела на длинный желтый цветок и спросила:

—Может, ты что-нибудь знаешь?

И она склонилась над нарциссом, ожидая ответа.

Что же сказал нарцисс?

—Я вижу себя! Я вижу себя! О, как я благоухаю! Высоко под самой крышей в маленькой каморке стоит полуодетая танцовщица. Она то стоит на одной ножке, то на обеих, она попирает весь свет, — ведь она лишь обман зрения. Вот она льет воду из чайника на кусок материи, который держит в руках. Это ее корсаж. Чистота — лучшая красота! Белое платье висит на гвозде, вбитом в стену; оно тоже выстирано водою из чайника и высушено на крыше. Вот девушка одевается и повязывает на шею ярко-желтый платочек, а он еще резче оттеняет белизну платья. Опять одна ножка в воздухе! Смотри, как прямо она держится на другой, точно цветок на своем стебельке! Я вижу в ней себя! Я вижу в ней себя!

—Какое мне до всего этого дело! — сказала Герда. — Нечего мне об этом рассказывать!

И она побежала в конец сада. Калитка была заперта, но Герда так долго расшатывала заржавевший засов, что он поддался, калитка распахнулась, и вот девочка босиком побежала по дороге. Раза три она оглядывалась, но никто не гнался за ней. Наконец, она устала, присела на большой камень и огляделась по сторонам: лето уже прошло, наступила поздняя осень. У старушки в волшебном саду этого не было заметно, — ведь там все время сияло солнце и цвели цветы всех времен года.

—Господи! Как я замешкалась!,— сказала Герда. — Ведь уже осень! Нет, мне нельзя отдыхать!

Она встала и пошла дальше.

Ах, как ныли ее усталые ножки! Как неприветливо и холодно было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, роса стекала с них крупными каплями. Листья падали на землю один за другим. Только на терновнике еще остались ягоды, но они были такие вяжущие, терпкие.

Ах, до чего серым и унылым казался весь мир!

Четвертая история

Принц и Принцесса

Герде пришлось опять присесть и отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон; долго-долго смотрел он на девочку, кивая головой, и, наконец, сказал:

—Карр-карр! Добррый день!

Лучше ворон не умел говорить, но от всей души желал девочке добра и спросил ее, куда это она бредет по белу свету одна-одинешенька. Слово “одна” Герда хорошо поняла, она почувствовала, что это значит. Вот она и рассказала ворону о своей жизни и спросила, не видел ли он Кая.

Ворон в раздумье покачал головой и прокаркал:

—Очень верроятно! Очень верроятно!

—Как? Правда? — воскликнула девочка; она осыпала ворона поцелуями и так крепко обняла его, что чуть не задушила.

—Будь благорразумна, будь благорразумна! — сказал ворон. — Я думаю, что это был Кай! Но он, верно, совсем забыл тебя из-за своей принцессы!

—Разве он живет у принцессы? — спросила Герда.

—Да вот, послушай! — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить на человеческом языке. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я бы тебе куда лучше все рассказал!

—Нет, этому я не научилась, — вздохнула Герда. — Но бабушка, та понимала, она даже знала “тайный” язык*. Вот и мне бы научиться!

—Ну, ничего, — сказал ворон. — Расскажу, как сумею, пусть хоть плохо. И он рассказал обо всем, что знал.

—В королевстве, где мы с тобой находимся, живет принцесса — такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты, какие только есть на свете, и тут же позабыла, что в них написано, — вот какая умница! Как-то недавно сидела она на троне — а люди говорят, что это скука смертная! — и вдруг начала напевать вот эту песенку: “Что бы мне бы не выйти замуж! Что бы мне бы не выйти замуж!”. “А почему бы и нет!” — подумала она, и ей захотелось выйти замуж. Но в мужья она хотела взять такого человека, который сумел бы ответить, если с ним заговорят, а не такого, который только и знает, что важничать, — ведь это так скучно. Она приказала

барабанщикам ударить в барабаны и созвать всех придворных дам; а когда придворные дамы собрались и узнали о намерениях принцессы, они очень обрадовались.

—Вот и хорошо! — говорили они. — Мы сами совсем недавно об этом думали . . .

—Верь, все, что я тебе говорю, истинная правда! — сказал ворон. У меня при дворе есть невеста, она ручная, и ей можно разгуливать по замку. Вот она-то мне обо всем и рассказала.

Невеста его была тоже ворона: ведь каждый ищет себе жену под стать.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердечек и с вензелями принцессы. В них было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может беспрепятственно явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того, кто будет говорить непринужденно, словно дома, и окажется всех красноречивей, принцесса возьмет себе в мужа.

—Да, да! — повторил ворон. — Все это так же верно, как то, что здесь сижу. Народ повалил во дворец толпами — какая там была толкотня, давка! Но ни в первый, ни во второй день никому не улыбнулось счастье. Все женихи бойко разговаривали, пока были на улице, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию в расшитых серебром мундирах, а на лестнице лакеев в золотых ливреях, залитые светом залы, как их брала оторопь. А как встанут они перед троном, на котором сидит принцесса, так ни звука из себя выдавить не могут, только повторяют последние принцессины слова. А ей вовсе неинтересно было слушать все это снова. Можно было подумать, что всех их дурманом опоили! Но стоило им снова очутиться на улице, как языки у них развязывались. Длинный-предлинный хвост женихов тянулся от городских ворот до самого дворца. Я сам там был и все видел. Женихи хотели пить и едва держались на ногах от голода, а во дворце им даже стакана теплой воды не поднесли. Правда, те, что поумнее, захватили с собой хлеба с маслом, но, конечно, никто и не подумал поделиться со своими соседями. “Нет, уж пусть лучше у него будет голодный вид, тогда принцесса его не выберет”, — рассуждали они.

—Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он появился? И он приходил свататься?

—Постой, постой! Теперь мы как раз и до него добрались! На третий день пришел маленький человек — ни в карете, ни верхом, а просто пешком и храбро зашагал прямо во дворец; глаза его сияли, как твои, у него были красивые длинные волосы, но одет был совсем бедно.

—Это Кай! — обрадовалась Герда. — Наконец-то я нашла его! От радости она захлопала в ладоши.

—За спиной у него была котомка, — сказал ворон.

—Нет, это были салазки! — возразила Герда. — Он ушел из дома с санками.

—А может, и санки, — согласился ворон. Я не разглядел хорошенько. Но моя невеста, ручная ворона, рассказала мне, что когда он вошел во дворец и увидел гвардию в расшитых серебром мундирах, а на лестнице лакеев в золотых ливреях, он ни капельки не смутился, а только приветливо кивнул им и сказал: “Должно быть, скучно стоять на лестнице! Пойду-ка я лучше в комнаты!” Залы были залиты светом; тайные советники и их превосходительства ходили без сапог и разносили золотые блюда, — ведь надо же держаться с достоинством!

А сапоги мальчика ужасно скрипели, но это его ничуть не смущало.

—Это, наверное, был Кай! — сказал Герда.—Я помню, у него были новые сапоги, я слышала, как они скрипели у бабушки в комнате!

—Да, скрипели они порядком, — продолжал ворон. — Но мальчик смело подошел к принцессе, которая сидела на жемчужине величиной с колесо прялки. Вокруг стояли все придворные дамы со своими служанками и со служанками своих служанок и все кавалеры со своими камердинерами, слугами своих камердинеров и прислужниками камердинерских слуг; и чем ближе к двери стояли они, тем надменнее держались. На прислужника камердинерских слуг, который всегда носит туфли, нельзя было взглянуть без трепета, до того важно стоял он у порога!

—Ах, наверное, было очень страшно! — сказала Герда. — Ну, так что же, женился Кай на принцессе?

—Не будь я вороном, я бы сам на ней женился, хоть я и помолвлен! Он стал беседовать с принцессой и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи. Так сказала моя милая невеста, ручная ворона. Мальчик был очень храбрый и в то же время милый; он заявил, что пришел во дворец не свататься, — просто ему захотелось побеседовать с умной принцессой; ну, так вот, она понравилась ему, а он ей.

—Да, конечно, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь ужасно умный! Он умел считать в уме, да еще знал дроби! Ах, пожалуйста, проводи меня во дворец!

—Легко сказать! — ответил ворон, — Да как это сделать? Я поговорю об этом с моей милой невестой, ручной вороной; может, она что-нибудь посоветует; должен тебе сказать, что такую маленькую девочку, как ты, ни за что не пустят во дворец!

—Меня пустят! — сказала Герда. — Как только Кай услышит, что я здесь, он сейчас же придет за мной.

—Подожди меня у решетки! — каркнул ворон, покачал головой и улетел. Он вернулся только поздно вечером.

—Карр! Карр! — закричал он. — Моя невеста шлет тебе наилучшие пожелания и кусочек хлеба. Она стащила его в кухне — там хлеба много, а ты, наверное, проголодалась. Тебе не попасть во дворец, — ведь ты босая. Гвардия в серебряных мундирах и лакеи в золотых ливреях ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты все-таки туда попадешь! Моя невеста знает маленькую заднюю лестницу, которая ведет прямо в спальню, и она сумеет раздобыть ключ.

Они вошли в сад, пошли по длинной аллее, где с деревьев один за другим падали осенние листья. А когда в окнах погасли огни, ворон подвел Герду к задней дверце, которая была чуть приоткрыта.

О, как билось сердце девочки от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, — а ведь ей только хотелось убедиться, Кай ли это! Да, да, конечно он здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза и длинные волосы. Девочка ясно видела, как он улыбается ей, словно в те дни, когда они сидели рядом под розами. Он, конечно, обрадуется, как только увидит ее и узнает, в какой длинный путь отправилась она из-за него и как горевали о нем все родные и близкие. Она была сама не своя от страха и радости!

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела маленькая лампа. На полу посреди лестничной площадки стояла ручная ворона, она вертела головой во все стороны и разглядывала Герду. Девочка присела и поклонилась вороне, как ее учила бабушка.

—Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, милая барышня, — сказала ручная ворона. —Ваша “vita”**, как принято говорить, тоже очень трогательна. Не угодно ли Вам взять лампу, а я пойду впереди. Мы пойдем напрямик, тут мы не встретим ни души.

—Мне кажется, что кто-то идет за нами, — сказала Герда, и в это мгновение какие-то тени с легким шумом промчались мимо нее: кони на стройных

ногах, с развевающимися гривами, охотники, дамы и кавалеры верхом на лошадях.

— Это сны! — сказала ворона. — Они пришли, чтобы унести мысли высоких особ на охоту. Тем лучше для нас, по крайней мере никто не помешает вам повнимательнее рассмотреть спящих. Но я надеюсь, что вы, заняв высокое положение при дворе, покажете себя с самой лучшей стороны и не забудете нас!

— Есть о чем говорить! Это сам собой разумеется, — сказал лесной ворон. Тут они вошли в первый зал. Стены его были обиты атласом, а на том атласе были вытканы дивные цветы; и тут мимо девочки опять пронеслись сны, но они летели так быстро, что Герда не смогла рассмотреть благородных всадников. Один зал был великолепнее другого; Герду эта роскошь совсем ослепила. Наконец, они вошли в спальню; потолок ее напоминал огромную пальму с листьями из драгоценного хрусталя; со середины пола к потолку поднимался толстый золотой ствол, а на нем висели две кровати в виде лилий; одна была белая — в ней лежала принцесса, а другая красная — в ней Герда надеялась найти Кая. Она отвела в сторону один из красных лепестков и увидела русский затылок. О, это Кай! Она громко его окликнула и поднесла лампу к самому его лицу, — сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову . . . Ах, это был не Кай!

Принц ходил на Кая только с затылка, но он тоже был молодой и красивый. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда расплакалась и рассказала обо всем, что с ней приключилось, упомянула она и о том, что сделали для нее ворон и его невеста.

— Ах ты, бедняжка! — пожалели девочку принц и принцесса; они похвалили ворон и сказали, что вовсе не сердятся на них, — но только впредь пусть этого не делают! А за этот поступок они даже решили их наградить.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили позволения остаться при дворе. Они подумали о старости и сказали:

— Хорошо иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде, пока он больше ничего не мог для нее сделать. А девочка сложила ручки и подумала: “До чего же добры люди и животные!” Потом она закрыла глаза и сладко заснула. Сны опять прилетели, но теперь они были похожи на божьих ангелов и везли

маленькие санки, на которых сидел Кай и кивал. Увы, это был только сон, и стоило девочке проснуться, как все исчезло.

На другой день Герду с ног до головы нарядили в шелк и бархат; ей предложили остаться во дворце и пожить в свое удовольствие; но Герда попросила только лошадь с повозкой и сапожки, — она хотела тут же отправиться на поиски Кая.

Ей дали и сапожки, и муфту, и нарядное платье, а когда она простилась со всеми, к дворцовым воротам подъехала новая карета из чистого золота: герб принца и принцессы сиял на ней, словно звезда. Кучер, слуги и фореиторы — да, там были даже фореиторы — сидели на своих местах, а на головах у них красовались маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастья. Лесной ворон — теперь он уже был женат — провожал девочку первые три мили; он сидел рядом с ней, потому что не переносил езды “задом-наперед”. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями; она не поехала вместе с ними: с тех пор, как ей пожаловали должность при дворе, она страдала головными болями от обжорства. Карета была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

—Прощай, прощай! — закричали принц и принцесса. Герда заплакала, и ворона тоже. Так они проехали три мили, потом ворон тоже простился с ней. Тяжело им было расставаться. Ворон взлетел на дерево и махал черными крыльями, пока карета, сверкавшая, как солнце, не скрылась из виду.

История пятая

Маленькая разбойница

Они ехали по темному лесу, карета горела, словно пламя, свет резал разбойникам глаза: этого они не потерпели.

—Золото! Золото! — закричали они, выскочили на дорогу, схватили лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

—Ишь, какая толстенькая! Орешками откормлена! — сказала старая разбойница с длинной жесткой бородой и мохнатыми нависшими бровями.

—Словно откормленный барашек! Посмотрим, какова она на вкус? И она вытащила свой острый нож; он так сверкал, что на него было страшно взглянуть.

—Ай! — закричала вдруг разбойница: это ее укусила за ухо собственная дочка, сидевшая у нее за спиной. Она была такая своенравная и озорная, что любо посмотреть.

—Ах ты, дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду она не успела.

—Пусть она со мной играет! — сказала маленькая разбойница. — Пусть отдаст мне свою муфту и свое хорошенькое платьице, а спать она будет со мной в моей постельке!

Тут она снова укусила разбойницу, да так, что та подпрыгнула от боли и завертелась на одном месте.

Разбойники хохотали и говорили:

—Ишь, как она пляшет со своей девчонкой!

—Я хочу в карету! — сказала маленькая разбойница и настояла на своем, — такая уж она была избалованная и упрямая.

Маленькая разбойница и Герда сели в карету и понеслись по корягам и камням, прямо в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире ее в плечах и гораздо смуглее; волосы у нее были темные, а глаза совсем черные и грустные. Она обняла Герду и сказала:

—Они не посмеют тебя убить, пока я сама не рассержусь на тебя. Ты, наверное, принцесса?

—Нет, — ответила Герда и рассказала ей обо всем, что ей пришлось пережить, и о том, как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьезно поглядела на нее и сказала:

—Они не посмеют тебя убить, даже если я на тебя рассержусь, — скорей уж я сама тебя убью!

Она вытерла Герде слезы и засунула руки в ее красивую, мягкую и теплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Замок потрескался сверху донизу; из трещин вылетали вороны и вороны. Огромные бульдоги, такие свирепые, точно им не терпелось проглотить человека, прыгали по двору; но лаять они не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромного, старого, почерневшего от дыма зала прямо на каменном полу пылал огонь. Дым поднимался к потолку и сам должен был искать себе выход; в большом котле варилась похлебка, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

—Эту ночь ты будешь спать со мной, рядом с моими зверюшками, — сказала маленькая разбойница.

Девочек накормили и напоили, и они ушли в свой угол, где лежала солома, покрытая коврами. Над этим ложем на жердочках и шестах сидело около сотни голубей: казалось, что все они спали, но когда девочки подошли, голуби слегка зашевелились.

—Это все мои! — сказала маленькая разбойница. Она схватила того, что сидел поближе, взяла его за лапку и так трянула, что он забил крыльями.

—На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя прямо в лицо Герде. — А там сидят лесные пройдохи! — продолжала она,—Это дикие голуби, витютни, вон те два! — и показала на деревянную решетку, закрывавшую углубление в стене. — Их нужно держать взаперти, не то улетят. А вот и мой любимец, старина-олень! — И девочка потянула за рога северного оленя в блестящем медном ошейнике; он был привязан к стене. — Его тоже нужно держать на привязи, не то мигом удерет. Каждый вечер я щекочу его шею своим острым ножом. Ух, как он его боится!

И маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя; бедное животное стало брыкаться, а маленькая разбойница захохотала и потащила Герду к постели.

—А ты что, спишь с ножом? — спросила Герда и испуганно покосилась на острый нож.

—Я всегда сплю с ножом! — ответила маленькая разбойница. — Мало ли что может случиться? А теперь расскажи еще раз о Кае и о том, как ты странствовала по белу свету.

Герда рассказала все с самого начала. Лесные голуби тихо ворковали за решеткой, а остальные уже спали. Маленькая разбойница обняла одной рукой Герду за шею, — в другой у нее был нож — и захрапела; но Герда не могла сомкнуть глаз: девочка не знала, убьют ее или оставят в живых. Разбойники сидели вокруг огня, пили вино и распевали песни, а старуха-разбойница кувыркалась. Девочка с ужасом смотрела на них.

Вдруг заворковали дикие голуби:

—Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его салазки, а сам он сидел рядом со Снежной королевой в ее санях; они мчались над лесом, когда мы еще лежали в гнезде; онадохнула на нас, и все птенцы, кроме меня и брата, умерли. Курр! Курр!

—Что вы говорите? — воскликнула Герда. — Куда умчалась Снежная королева? Знаете вы еще что-нибудь?

—Видно, она улетела в Лапландию, — ведь там вечный снег и лед. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

—Да, там лед и снег! Да, там чудесно! — сказал олень.—Там хорошо! Скачи себе на воле по необъятным сверкающим снежным равнинам! Там Снежная королева раскинула свой летний шатер, а постоянные ее чертоги у Северного полюса на острове Шпицберген!

—О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

—Лежи смирно! — проворчала маленькая разбойница. — Не то пырну тебя ножом!

Утром Герда пересказала ей все, что говорили лесные голуби. Маленькая разбойница серьезно посмотрела на нее и сказала:

—Ладно, ладно... А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она у северного оленя.

—Кому же это знать, как не мне! — ответил олень, и глаза у него заблестели. — Там я родился и вырос, там я скакал по снежным равнинам!

—Слушай! — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, только мать осталась дома; но она немного погодя хлебнет из большой бутылки и вздремнет, — тогда я кое-что сделаю для тебя.

Тут она спрыгнула с постели, обняла мать, дернула ее за бороду и сказала:

—Здравствуй, мой милый козлик!

А мать ущипнула ее за нос, так что он покраснел и посинел, — это они, любя, ласкали друг друга.

Потом, когда мать хлебнула из своей бутылки и задремала, маленькая разбойница подошла к оленю и сказала:

—Я бы еще не раз пощекотала тебя этим острым ножом! Ты ведь так смешно дрожишь. Ну, да ладно! Я отвяжу тебя и выпущу на волю! Можешь

убираться в свою Лапландию. Только беги, что есть силы, и отнеси эту девочку во дворец Снежной королевы к ее милому дружку. Ты ведь слышал, что она рассказывала? Говорила она довольно громко, а ты вечно подслушиваешь!

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала ее на всякий случай и даже подсунула под нее мягкую подушечку, чтобы ей удобно было сидеть.

—Так и быть, — сказала она, — бери свои меховые сапожки, ведь тебе будет холодно, а муфту я не отдам, уж очень она мне нравится! Но я не хочу, чтобы ты зябла. Вот тебе рукавицы моей матери. Они огромные, как раз до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей уродины-мамаши!

Гер да плакала от радости.

—Терпеть не могу, когда ревут, — сказала маленькая разбойница. — Ты теперь радоваться должна! Вот тебе две буханки хлеба и окорок; чтобы ты не голодала.

Маленькая разбойница привязала все это оленю на спину, открыла ворота, заманила собак в дом, перерезала веревку своим острым ножом и сказала оленю:

—Ну, беги! Да смотри, береги девочку!

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Олень пустился во всю прыть через пни и кусты, по лесам, по болотам, по степям. Выли волки, каркали вороны. “Трах! Трах!” — послышалось вдруг сверху. Казалось, что весь небосвод охватило алое зарево.

—Вот оно, мое родное северное сияние! — сказал олень. — Посмотри, как горит!

И он побежал еще быстрее, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Прошло много времени. Хлеб был съеден, ветчина тоже. И вот они в Лапландии.

История шестая

Лапландка и финка

Они остановились у жалкой лачужки; крыша почти касалась земли, а дверь была ужасно низенькая: чтобы войти в избушку или выйти из нее, людям приходилось проползать на четвереньках. Дома была только старая лапландка, жарившая рыбу при свете коптилки, в которой горела ворвань. Северный олень рассказал лапландке историю Герды, но сначала он поведал свою собственную, — она казалась ему гораздо важнее. А Герда так продрогла, что и говорить не могла.

— Ах вы, бедняжки! — сказала лапландка. — Вам еще предстоит долгий путь; нужно пробежать сто с лишним миль, тогда вы доберетесь до Финмарка; там дача Снежной королевы, каждый вечер она зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушеной треске — бумаги у меня нет — а вы снесите ее одной финке, что живет в тех местах. Она лучше меня научит вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, наелась и напилась, лапландка написала несколько слов на сушеной треске, наказала Герде хорошенько ее беречь, привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался во весь дух. “Трах! Трах!” — потрескивало что-то вверху, а небо всю ночь озаряло чудесное голубое пламя северного сияния.

Так добрались они до Финмарка и постучали в дымовую трубу лачуги финки — у нее и дверей-то не было.

В лачуге было так жарко, что финка ходила полунагая; это была маленькая, угрюмая женщина. Она живо раздела Герду, стащила с нее меховые сапожки и рукавицы, чтобы девочке не было слишком жарко, а оленю положила на голову кусок льда и только потом принялась читать то, что было написано на сушеной треске. Три раза она прочла письмо и запомнила его наизусть, а треску бросила в котел с супом: ведь треску можно было съесть, — у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка молча слушала его и только мигала своими умными глазами.

— Ты мудрая женщина, — сказал северный олень. — Я знаю, ты можешь связать одной ниткой все ветры на свете; развяжет моряк один узел — подует попутный ветер; развяжет другой — ветер станет крепче; развяжет третий и четвертый — разыграется такая буря, что деревья повалятся. Не могла бы ты дать девочке такого питья, чтобы она получила силу дюжины богатырей и одолела Снежную королеву?

—Силу дюжины богатырей? — повторила финка. — Да, это бы ей помогло! Финка подошла к какому-то ящичку, вынула из него большой кожаный свиток и развернула его; на нем были начертаны какие-то странные письмена. Финка принялась разбирать их и разбирала так усердно, что у нее на лбу выступил пот.

Олень снова принялся просить за маленькую Герду, а девочка глядела на финку такими умоляющими, полными слез глазами, что та опять замигала и отвела оленя в угол. Положив ему на голову новый кусочек льда, она прошептала:

—Кай в самом деле у Снежной королевы. Он всем доволен и уверен, что это самое лучшее место на земле. А причиной всему осколки волшебного зеркала, что сидят у него в глазу и в сердце. Нужно их вынуть, иначе Кай никогда не будет настоящим человеком, и Снежная королева сохранит над ним свою власть!

—А не можешь ли дать что-нибудь Герде, чтобы она справилась с этой злой силой?

—Сильнее, чем она есть, я не могу ее сделать. Разве ты не видишь, как велика ее сила? Разве ты не видишь, как ей служат люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Она не должна думать, что силу ей дали мы: сила эта в ее сердце, сила ее в том, что она милое, невинное дитя. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и вынуть осколки из сердца и из глаза Кая, мы ей ничем не сможем помочь. В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы; ту да ты можешь отнести девочку. Ссадишь ее около куста с красными ягодами, что стоит в снегу. Не трать времени на разговоры, а мигом возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на оленя и тот побежал со всех ног.

—Ах, я забыла мои сапожки и рукавицы! — закричала Герда: ее обожгло холодом. Но олень не посмел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами. Там он спустил девочку, поцеловал ее в губы, по его щекам покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой помчался назад. Бедная Герда стояла без сапожек, без рукавиц посреди ужасной ледяной пустыни.

Она побежала вперед, что было силы; навстречу ей несли целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, освещенное северным сиянием. Нет, снежные хлопья неслись по земле, и чем ближе они подлетали, тем крупнее становились. Вспомнила тут Герда большие красивые снежинки, которые она видела под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, и все живые. Это были

передовые отряды войска Снежной королевы. Вид у них был диковинный: одни напоминали больших безобразных ежей, другие — клубки змей, третьи — толстых медвежат со взъерошенной шерстью; но все они сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда принялась читать “Отче наш”, а холод был такой, что ее дыхание тотчас превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, и вдруг из него начали выделяться маленькие светлые ангелочки, которые, коснувшись земли, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах; все они были вооружены щитами и копьями. Ангелов становилось все больше и больше, а когда Герда дочитала молитву, ее окружал целый легион. Ангелы пронзали копьями снежных чудовищ, и они рассыпались на сотни кусков. Герда смело пошла вперед, теперь у нее была надежная защита; ангелы гладили ей руки и ноги, и девочка почти не ощущала холода.

Она быстро приближалась к чертогам Снежной королевы.

Ну, а что же в это время делал Кай? Конечно, он не думал о Герде; где уж ему было догадаться, что она стоит перед самым дворцом.

История седьмая

Что произошло в чертогах снежной королевы и что случилось потом

Стены дворца намели снежные метели, а окна и двери проделали буйные ветры. Во дворце было больше ста залов; они были разбросаны как попало, по прихоти вьюг; самый большой зал простирался на много-много миль. Весь дворец освещался ярким северным сиянием. Как холодно, как пустынно было в этих ослепительно белых залах!

Веселье никогда не заглядывало сюда! Ни разу не устраивались здесь медвежьи балы под музыку бури, балы, на которых белые медведи расхаживали бы на задних лапах, показывая свою грацию и изящные манеры; ни разу не собралось здесь общество, чтобы поиграть в жмурки или фанты; даже беленькие кумушки-лисиčky, и те никогда не забегали сюда поболтать за чашкой кофе. Холодно и пустынно было в огромных чертогах Снежной королевы. Северное сияние сияло так правильно, что можно было рассчитать, когда оно разгорится ярким пламенем и когда совсем ослабнет.

Посреди самого большого пустынного зала лежало замерзшее озеро. Лед на нем треснул и разбился на тысячи кусков; все куски были совершенно одинаковые и правильные, — настоящее произведение искусства! Когда Снежная королева бывала дома, она восседала посреди этого озера и

говорила потом, что она сидит на зеркале разума: по ее мнению, это было единственное и неповторимое зеркало, самое лучшее на свете.

Кай посинел и почти почернел от холода, но не замечал этого, — ведь поцелуй Снежной королевы сделали его нечувствительным к стуже, а сердце его давно превратилось в кусок льда. Он возился с остроконечными плоскими льдинками, укладывая их на все лады, — Кай хотел что-то сложить из них. Это напоминало игру, которая называется “китайской головоломкой”; состоит она в том, что из деревянных дощечек складываются различные фигуры. И Кай тоже складывал фигуры, одну затейливее другой. Эта игра называлась “ледяной головоломкой”. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. И все потому, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал целые слова из льдин, но никак не мог составить того, что ему так хотелось, — слова “вечность”. А Снежная королева сказала ему: “Сложи это слово, — и ты будешь сам себе господин, а я подарю тебе весь мир и новые коньки”. Но он никак не мог его сложить.

—Теперь я полечу в теплые края! — сказала Снежная королева. — Загляну в черные котлы!

Котлами она называла кратеры огнедышащих гор, Везувия и Этны.

—Побелю их немного. Так надо. Это полезно для лимонов и винограда! Снежная королева улетела, а Кай остался один в пустом ледяном зале, тянувшемся на несколько миль. Он смотрел на льдины и все думал, думал, так что голова у него трещала. Окоченевший мальчик сидел неподвижно. Можно было подумать, что он замерз.

А тем временем Герда входила в огромные ворота, где разгуливали свирепые ветры. Но она прочла вечернюю молитву, и ветры утихли, словно заснули. Герда вошла в необозримый пустынный ледяной зал, увидела Кая и тотчас узнала его. Девочка бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

—Кай, мой милый Кай! Наконец-то я тебя нашла!

Но Кай даже не пошевелинулся: он сидел все такой же невозмутимый и холодный. И тут Герда расплакалась: горячие слезы упали Каю на грудь и проникли в самое сердце; они растопили лед и расплавили осколок зеркала. Кай взглянул на Герду, а она запела:

—Розы в долинах цветут... Красота!
Скоро мы узрим младенца Христа

Кай вдруг залился слезами и плакал так сильно, что второй осколок выкатился из глаза. Он узнал Герду и радостно воскликнул:

—Герда! Милая Герда! Где ты пропадала? И где я сам был? — И он посмотрел по сторонам. — Как здесь холодно! Как пустынно в этих огромных залах!

Он крепко прижался к Герде, а она смеялась и плакала от радости. Да, радость ее была так велика, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись так, что из них составилось то самое слово, которое велела сложить Каю Снежная королева. За это слово она пообещала подарить ему свободу, весь свет и новые коньки.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять порозовели; поцеловала в глаза — и они засияли, как у нее; поцеловала его руки и ноги — и он снова стал бодрым и здоровым. Пусть Снежная королева возвращается, когда ей вздумается, — ведь его отпускная, написанная блестящими ледяными буквами, лежала здесь.

Кай и Герда взяли за руки и вышли из дворца. Они говорили о бабушке и розах, что росли дома под самой крышей. И повсюду, где они шли, стихали буйные ветры, а солнышко выглядывало из-за туч. У куста с красными ягодами их поджидал северный олень, он привел с собой и молодую олениху, вымя ее было полно молока. Она напоила детей теплым молоком и поцеловала их в губы. Потом она с оленем отвезла Кая и Герду сначала к Финке. У нее они отогрелись и узнали дорогу домой, а потом отправились к лапландке; та сшила им новую одежду и починила салазки Кая.

Олень с оленихой бежали рядом и провожали их до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда расстались с оленями и с лапландкой.

—Прощайте! Прощайте! — говорили они друг другу.

Щебетали первые птички, деревья покрылись зелеными почками. Из лесу верхом на великолепном коне выехала молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом в руках. Герда сразу узнала коня, когда-то он был впряжен в золотую карету. Это была маленькая разбойница; ей надоело сидеть дома и она захотела побывать на севере, а если там не понравится, — то и в других частях света.

Они с Гердой сразу узнали друг друга. Вот была радость!

—Ну и бродяга же ты! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда погладила ее по щеке и спросила про принца и принцессу.

—Они уехали в чужие края, — ответила девушка-разбойница.

—А ворон? — спросила Герда.

—Ворон умер; ручная ворона овдовела, теперь она носит на ножке в знак траура черную шерстинку и жалуется на свою судьбу. Но все это пустяки! Расскажи лучше, что было с тобой, и как ты его нашла?

Кай и Герда рассказали ей обо всем.

—Вот и сказке конец! — сказала разбойница, пожала им руки, пообещала навесить их, если ей когда-нибудь доведется побывать в их городе. Затем она отправилась странствовать по свету. Кай и Герда, взявшись за руки, пошли своей дорогой. Повсюду их встречала весна: цвели цветы, зеленела трава.

Послышался колокольный звон, и они узнали высокие башни своего родного города. Кай и Герда вошли в город, в котором жила бабушка; потом они поднялись по лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: часы тикали: “тик-так”, а стрелки все так же двигались. Но проходя в дверь, они заметили, что выросли и стали взрослыми. Розы цвели на желобке и заглядывали в открытые окна.

Тут же стояли их детские скамеечки. Кай с Гердой уселись на них и взялись за руки. Холодное, пустынное величие чертогов Снежной королевы они забыли, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и вслух читала евангелие: “Если не будете, как дети, не войдете в царствие небесное!”

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы в долинах цветут... Красота!

Скоро узрим мы младенца Христа!

Так сидели они, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло теплое, благодатное лето.

26. Госпожа Метелица (Урок 33)

<http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D0%B0-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0/>

Была у одной вдовы дочь, была у нее еще и падчерица. Падчерица прилежная, красивая, а дочка и лицом нехороша, и лентяйка страшная. Дочку свою вдова очень любила и все ей прощала, а падчерицу заставляла много работать и кормила очень плохо.

Каждое утро должна была падчерица садиться у колодца и прясть пряжу. И столько ей нужно было спрясть, что часто даже кровь выступала у нее на пальцах.

Однажды сидела она так, пряла и запачкала кровью веретено. Наклонилась девушка к колодцу, чтобы обмыть веретено, и вдруг выскользнуло у нее веретено из рук и упало в колодец.

Заплакала падчерица и побежала домой к мачехе рассказать о своей беде.

— Ты его уронила, ты его и доставай, — сказала мачеха сердито. — Да смотри, без веретена не возвращайся.

Пошла девушка обратно к колодцу и с горя взяла да и бросилась в воду. Бросилась в воду и сразу сознание потеряла.

А когда очнулась, увидела она, что лежит на зеленой лужайке, с неба солнце светит, а на лужайке цветы растут.

Пошла девушка по лужайке, смотрит: стоит на лужайке печь, а в печи хлебы пекутся. Хлебы крикнули ей:

— Ах, вынь нас, девушка, из печи поскорее:

Ах, вынь поскорее! Мы уже спеклись! А не то мы скоро совсем сгорим!

Взяла девушка лопату и вынула хлебы из печи. Потом пошла она дальше и пришла к яблоне. А на яблоне было много спелых яблок. Яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси! Яблоки давно уже спели!

Стала девушка трясти дерево. Яблоки дождем на землю посыпались. И до тех пор трясла она яблоню, пока не осталось на ней ни одного яблока.

Сложила девушка яблоки в кучу и пошла дальше. И вот наконец пришла она к избушке. В окно избушки выглянула старуха. Из рта у нее торчали огромные белые зубы. Увидела девушка старуху, испугалась и хотела бежать, но старуха крикнула ей:

— Чего ты испугалась, милая? Оставайся-ка лучше у меня. Будешь хорошо работать, и тебе хорошо будет. Ты мне только постель стели получше да перину и подушки взбивай посильнее, чтобы перья во все стороны летели. Когда от моей перины перья летят, на земле снег идет. Знаешь, кто я? Я — сама госпожа Метелица.

— Что же, — сказала девушка, — я согласна поступить к вам на службу.

Вот и осталась она работать у старухи. Девушка она была хорошая, примерная и делала все, что ей старуха приказывала.

Перину и подушки она так сильно взбивала, что перья, словно хлопья снега, летели во все стороны.

Хорошо жилось девушке у Метелицы. Никогда ее Метелица не ругала, а кормила всегда сытно и вкусно.

И все-таки скоро начала девушка скучать. Сначала она и сама понять не могла, отчего скучает, — ведь ей тут в тысячу раз лучше, чем дома, живет, а потом поняла, что скучает она именно породному дому. Как там ни плохо было, а все-таки она очень к нему привыкла.

Вот раз и говорит девушка старухе:

— Я очень стосковалась по дому. Как мне у вас ни хорошо, а все-таки не могу я здесь больше оставаться. Мне очень хочется родных увидеть.

Выслушала ее Метелица и сказала:

— Мне нравится, что ты своих родных не забываешь. Ты хорошо у меня поработала. За это я тебе сама покажу дорогу домой.

Взяла она девушку за руку и привела к большим воротам. Ворота раскрылись, и когда девушка проходила под ними, посыпалось на нее сверху золото. Так и вышла она из ворот, вся золотом обсыпанная.

— Это тебе в награду за твое старание, — сказала Метелица и дала ей веретено, то самое, которое в колодец упало.

Потом ворота закрылись, и девушка снова очутилась наверху, на земле. Скоро пришла она к мачехиному дому. Вошла она в дом, а петушок, сидевший на колодце, в это время запел:

— Ку-ка-ре-ку, девушка пришла!
Много золота в дом принесла!

Увидели мачеха с дочкой, что принесла падчерица с собой много золота, и встретили ее ласково. Даже ругать не стали за долгую отлучку.

Рассказала им девушка обо всем, что с нею случилось, и захотелось мачехе, чтобы ее дочка тоже стала богатой, чтобы она тоже много золота в дом принесла.

Посадила она свою дочь прясть у колодца. Села ленивая дочка у колодца, но прясть не стала. Только расцарапала себе палец терновником до крови, вымазала веретено кровью, бросила его в колодец и сама за ним в воду прыгнула.

И вот очутилась она на той же самой зеленой лужайке, где росли красивые цветы. Пошла она по тропинке и скоро пришла к печи. где пеклись хлебы.

— Ах, — крикнули ей хлебы, — вынь нас из печки! Вынь поскорее! Мы спеклись уже! Мы скоро сгорим!

— Как бы не так! — ответила лентяйка. — Стану я из-за вас пачкаться, — и пошла дальше.

Потом пришла она к яблоне, яблоня крикнула ей:

— Ах, потряси меня, девушка, потряси меня! Яблоки уже давно спели!

— Как же, как же, — отвечала она, — того и гляди. если я начну тебя трясти, какое-нибудь яблоко мне на голову свалится да шишку набьет!

Наконец подошла лентяйка к дому госпожи Метелицы. Она совсем не испугалась Метелицы. Ведь сестра рассказала ей о больших зубах Метелицы и о том, что она совсем не страшная.

Вот и поступила лентяйка к Метелице на работу.

Первый день она еще кое-как старалась побороть свою лень, слушалась госпожу Метелицу, взбивала ей перину и подушки так, что перья летели во все стороны.

А на второй и на третий день стала ее одолевать лень. Утром нехотя поднималась она с кровати, постель своей хозяйки стлала плохо, а перину и подушки совсем перестала взбивать.

Надоело Метелице держать такую служанку, вот она и говорит ей:

— Уходи-ка ты обратно к себе домой!

Тут лентяйка обрадовалась.

«Ну, — думает, — сейчас на меня золото посыплется».

Подвела ее Метелица к большим воротам. Распахнулись ворота. Но когда выходила из них лентяйка, не золото на нее посыпалось, а опрокинулся котел со смолой.

— Вот тебе награда за твою работу, — сказала Метелица и захлопнула ворота.

Пришла лентяйка домой, а петушок, сидевший на колодце, увидел ее и закричал:

— Будут смеяться все на селе:
Входит девушка вся в смоле!

И так эта смола к ней крепко пристала, что осталась у нее на коже на всю жизнь.

27. Луна (Урок 35)

[http://онлайн-
читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-
%D0%BB%D1%83%D0%BD%D0%B0/](http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D0%BB%D1%83%D0%BD%D0%B0/)

Давным-давно тому назад была такая земля, где ночь всегда была темной и небо было точно черным покровом укрыто, — а все оттого, что там никогда не всходила луна и не сияла в темноте ни одна звезда. В начале сотворения мира достаточно было и одного ночника. И вот отправились однажды из той стороны четверо парней странствовать. Пришли они в другое государство, а там вечером, только солнце скроется за горами, всходит на дубе светящийся круг и льет повсюду свой мягкий свет. И при свете том можно все хорошо видеть и различать, хотя свет и не такой яркий, как у солнца.

Остановились странники и спрашивают у проезжего крестьянина, что это за свет.

— Да это луна! — ответил он им. — Наш сельский староста купил ее за три талера и привязал к дубу. Надо в нее каждый день подливать масла и держать ее в чистоте и порядке, чтоб она всегда светила ярко. За это получает он с нас каждую неделю по талеру.

Поехал крестьянин дальше, а один из парней и говорит:

— Эту масляную лампу мы могли бы пустить в дело: ведь дома у нас есть дуб, такой же большой, как и этот, и мы могли бы ее повесить на нем. Вот была бы радость, если бы нам не приходилось бродить в потемках!

— Знаете что? — сказал второй. — Давайте-ка достанем повозку и лошадей и увезем отсюда луну. А они тут купят себе другую.

— Я умею хорошо лазить, — сказал третий, — я уж ее достану!

Четвертый привел повозку и лошадей, а третий взобрался на дерево, проделал в луне дырку, просунул в нее веревку и спустил ее вниз. Когда сияющий шар лежал уже на повозке, они накрыли его рядном, чтоб никто не заметил покражи. Они благополучно привезли луну к себе на родину и повесили на высоком дубу. Старые и малые — все радовались, когда новая лампа стала освещать кругом все поля и светила в горницы. Вышли карлики из горных пещер, а маленькие домовые в своих красных кафтанчиках стали вести на лугах хоровод.

Четверо парней заботились о том, чтоб было в луне масла достаточно, поправляли фитиль и получали за это каждую неделю талер.

Но вот, наконец, сделались они уже дряхлыми стариками, и когда один из них заболел и увидел, что смерть уже близка, он распорядился, чтобы четвертую часть луны, как принадлежащую ему собственность, положили с ним вместе в гроб. Когда он помер, сельский староста взобрался на дерево и отрезал садовыми ножницами четверть луны и положил ее в гроб. И стало лунного света меньше, но это было еле заметно. Когда умер второй, положили ему в гроб вторую четверть, и света стало еще меньше. Но еще слабее он стал после смерти третьего, который взял тоже свою часть, а умер четвертый — и наступила опять прежняя темень. Выйдут люди вечером без фонаря и натыкаются друг на друга лбами.

Когда части луны в преисподней опять соединились, то там, где прежде была всегда темнота, стало светлей, и мертвые зашевелились и очнулись от сна. Они удивились, что могут снова видеть; лунного света было для них

достаточно, ведь глаза у них ослабели, и они не могли переносить яркого солнца. Они поднялись, повеселели и стали опять жить по-прежнему. Одни из них начали играть и плясать, а другие бросились по харчевням, стали требовать себе вина и напились допьяна; начали меж собой ссориться и браниться и пустили в ход свои дубинки, и все передрались. Шум становился все сильнее и сильнее и дошел, наконец, до самого неба.

Святой Петр, стоявший на страже у небесных врат, подумал, что преисподняя подняла восстание, и он призвал тогда небесные силы, которые должны были прогнать злого врага, в случае если он напал бы на обиталище праведников. Но враг не явился, и сел тогда святой Петр на своего коня и направился через небесные врата в преисподнюю. Там успокоил он мертвецов, велел им лечь снова в свои гробы и взял с собой луну и повесил ее высоко-высоко на небе.

28. Золотой ключик, или Приключения Буратино (Уроки 37 и 45)

<https://deti-online.com/skazki/skazki-tolstogo/zolotoi-klyuchik-ili-prikladyeniya-buratino/>

Столяру Джузеппе попало под руку полено, которое пищало человеческим голосом

Давным-давно в городке на берегу Средиземного моря жил старый столяр Джузеппе, по прозвищу Сизый Нос. Однажды ему попало под руку полено, обыкновенное полено для топки очага в зимнее время.

- Неплохая вещь, - сказал сам себе Джузеппе, - можно смастерить из него что-нибудь вроде ножки для стола... Джузеппе надел очки, обмотанные бечевкой, - так как очки были тоже старые, - повертел в руке полено и начал его тесать топориком. Но только он начал тесать, чей-то необыкновенно тоненький голосок пропищал:

- Ой-ой, потише, пожалуйста!

Джузеппе сдвинул очки на кончик носа, стал оглядывать мастерскую, - никого... Он заглянул под верстак, - никого... Он посмотрел в корзине со стружками, - никого... Он высунул голову за дверь, - никого на улице...

"Неужели мне почудилось? - подумал Джузеппе. - Кто бы это мог пищать?.."

Он опять взял топорик и опять, - только ударил по полену...

- Ой, больно же, говорю! - завыл тоненький голосок.

На этот раз Джузеппе испугался не на шутку, у него даже вспотели очки... Он осмотрел все углы в комнате, залез даже в очаг и, свернув голову, долго смотрел в трубу.

- Нет никого...

"Может быть, я выпил чего-нибудь неподходящего и у меня звенит в ушах?" - размышлял про себя Джузеппе... Нет, сегодня он ничего неподходящего не пил... Немного успокоясь, Джузеппе взял рубанок, стукнул молотком по задней его части, чтобы в меру - не слишком много и не слишком мало - вылезло лезвие, положил полено на верстак и только повел стружку...

- Ой, ой, ой, ой, слушайте, чего вы щиплетесь? - отчаянно запищал тоненький голосок...

Джузеппе уронил рубанок, попятился, попятился и сел прямо на пол: он догадался, что тоненький голосок шел изнутри полена.

Джузеппе дарит говорящее полено своему другу Карло

В это время к Джузеппе зашел его старинный приятель, шарманщик, по имени Карло. Когда-то Карло в широкополой шляпе ходил с прекрасной шарманкой по городам и пением и музыкой добывал себе на хлеб. Сейчас Карло был уже стар и болен, и шарманка его давно сломалась.

- Здравствуй, Джузеппе, - сказал он, зайдя в мастерскую.

- Что ты сидишь на полу?

- А я, видишь ли, потерял маленький винтик... Да ну его! - ответил Джузеппе и покосился на полено. - Ну, а ты как живешь, старина?

- Плохо, - ответил Карло. - Все думаю - чем бы мне заработать на хлеб... Хоть бы ты мне помог, посоветовал бы, что ли...

- Чего проще, - сказал весело Джузеппе и подумал про себя: "Отделаюсь я сейчас от этого проклятого полена". - Чего проще: видишь - лежит на верстаке превосходное полено, возьми-ка ты это полено, Карло, и отнеси домой...

- Э-хе-хе, - уныло ответил Карло, - что же дальше-то? Принесу я домой полено, а у меня даже и очага в каморке нет.

- Я тебе дело говорю, Карло... Возьми ножик, вырежи из этого полена куклу, научи ее говорить всякие смешные слова, петь и танцевать, да и носи по дворам. Заработаешь на кусок хлеба и на стаканчик вина.

В это время на верстаке, где лежало полено, пискнул веселый голосок:

- Браво, прекрасно придумано, Сизый Нос!

Джузеппе опять затрясся от страха, а Карло только удивленно оглядывался, - откуда голос?

- Ну, спасибо, Джузеппе, что посоветовал. Давай, пожалуй, твое полено.

Тогда Джузеппе схватил полено и поскорее сунул его другу. Но то ли он неловко сунул, то ли оно само подскочило и стукнуло Карло по голове.

- Ах, вот какие твои подарки! - обиженно крикнул Карло.

- Прости, дружище, это не я тебя стукнул.

- Значит, я сам себя стукнул по голове?

- Нет, дружище, - должно быть, само полено тебя стукнуло.

- Врешь, ты стукнул...

- Нет, не я...

- Я знал, что ты пьяница, Сизый Нос, - сказал Карло, - а ты еще и лгун.

- Ах, ты ругаться! - крикнул Джузеппе. - Ну-ка, подойди ближе!..

- Сам подойди ближе, я тебя схвачу за нос!..

Оба старика надулись и начали насакивать друг на друга. Карло схватил Джузеппе за сизый нос. Джузеппе схватил Карло за седые волосы, росшие около ушей.

После этого они начали здорово тузить друг друга под микитки. Пронзительный голосок на верстаке в это время пищал и подначивал:

- Вали, вали хорошенько!

Наконец старики устали и запыхались. Джузеппе сказал:

- Давай помиримся, что ли...

Карло ответил:

- Ну что ж, давай помиримся...

Старики поцеловались. Карло взял полено под мышку и пошел домой.

Карло мастерит деревянную куклу и называет ее Буратино

Карло жил в каморке под лестницей, где у него ничего не было, кроме красивого очага - в стене против двери.

Но красивый очаг, и огонь в очаге, и котелок, кипящий на огне, были не настоящие - нарисованы на куске старого холста.

Карло вошел в каморку, сел на единственный стул у безногого стола и, повертев так и эдак полено, начал ножом вырезать из него куклу.

"Как бы мне ее назвать? - раздумывал Карло. — Назову я ее Буратино. Это имя принесет мне счастье. Я знал одно семейство - всех их звали Буратино: отец - Буратино, мать - Буратино, дети - тоже Буратино... Все они жили весело и беспечно..."

Первым делом он вырезал на полене волосы, потом - лоб, потом - глаза...

Вдруг глаза сами раскрылись и уставились на него...

Карло и виду не подал, что испугался, только ласково спросил:

- Деревянные глазки, почему вы так странно смотрите на меня?

Но кукла молчала, - должно быть, потому, что у нее еще не было рта. Карло выстругал щеки, потом выстругал нос - обыкновенный...

Вдруг нос сам начал вытягиваться, расти, и получился такой длинный острый нос, что Карло даже крикнул:

- Нехорошо, длинен...

И начал срезать у носа кончик. Не тут-то было!

Нос вертелся, вывертывался, так и остался - длинным-длинным, любопытным, острым носом.

Карло принялся за рот. Но только успел вырезать губы, - рот сразу открылся:

- Хи-хи-хи, ха-ха-ха!

И высунулся из него, дразнясь, узенький красный язык.

Карло, уже не обращая внимания на эти проделки, продолжал стругать, вырезывать, ковырять. Сделал кукле подбородок, шею, плечи, туловище, руки...

Но едва окончил выстругивать последний пальчик, Буратино начал колотить кулачками Карло по лысине, щипаться и щекотаться.

- Послушай, - сказал Карло строго, - ведь я еще не кончил тебя мастерить, а ты уже принялся баловаться... Что же дальше-то будет... А?..

И он строго поглядел на Буратино. И Буратино круглыми глазами, как мышь, глядел на папу Карло.

Карло сделал ему из лучинок длинные ноги с большими ступнями. На этом окончив работу, поставил деревянного мальчишку на пол, чтобы научить ходить.

Буратино покачался, покачался на тоненьких ножках, шагнул раз, шагнул другой, скок, скок, - прямо к двери, через порог и - на улицу.

Карло, беспокоясь, пошел за ним:

- Эй, плутишка, вернись!..

Куда там! Буратино бежал по улице, как заяц, только деревянные подошвы его - туки-тук, туки-тук - постукивали по камням...

- Держите его! - закричал Карло.

Прохожие смеялись, показывая пальцами на бегущего Буратино. На перекрестке стоял огромный полицейский с закрученными усами и в треугольной шляпе.

Увидев бегущего деревянного человечка, он широко расставил ноги, загородив ими всю улицу. Буратино хотел проскочить у него между ног, но полицейский схватил его за нос и так держал, покуда не подоспел папа Карло...

- Ну, погоди ж ты, я с тобой уже расправлюсь, - отпихиваясь, проговорил Карло и хотел засунуть Буратино в карман куртки...

- Буратино совсем не хотелось в такой веселый день при всем народе торчать ногами кверху из кармана куртки, - он ловко вывернулся, шлепнулся на мостовую и притворился мертвым...

- Ай, ай, - сказал полицейский, - дело, кажется, скверное!

Стали собираться прохожие. Глядя на лежащего Буратино, качали головами.

- Бедняжка, - говорили одни, - должно быть, с голоду...

- Карло его до смерти заколотил, - говорили другие, - этот старый шарманщик только притворяется хорошим человеком, он дурной, он злой человек...

Слыша все это, усатый полицейский схватил несчастного Карло за воротник и потащил в полицейское отделение.

Карло пылил башмаками и громко стонал:

- Ох, ох, на горе себе я сделал деревянного мальчишку!

Когда улица опустела, Буратино поднял нос, огляделся и вприпрыжку побежал домой...

Говорящий сверчок дает Буратино мудрый совет

Прибежав в каморку под лестницей, Буратино шлепнулся на пол около ножки стула.

- Чего бы еще такое придумать?

Не нужно забывать, что Буратино шел всего первый день от рождения. Мысли у него были маленькие-маленькие, коротенькие-коротенькие, пустяковые-пустяковые.

В это время слышалось:

- Крри-кри, крри-кри, крри-кри...

Буратино завертел головой, оглядывая каморку.

- Эй, кто здесь?

- Здесь я, - крри-кри...

Буратино увидел существо, немного похожее на таракана, но с головой, как у кузнечика. Оно сидело на стене над очагом и тихо потрескивало, - крри-кри, - глядело выпуклыми, как из стекла, радужными глазами, шевелило усиками.

- Эй, ты кто такой?

- Я - Говорящий Сверчок, - ответило существо, - живу в этой комнате больше ста лет.

- Здесь я хозяин, убирайся отсюда.

- Хорошо, я уйду, хотя мне грустно покидать комнату, где я прожил сто лет, - ответил Говорящий Сверчок, - но, прежде чем я уйду, послушай полезный совет.

- Очччень мне нужны советы старого сверчка...

- Ах, Буратино, Буратино, - проговорил сверчок, - брось баловство, слушайся Карло, без дела не убегай из дома и завтра начни ходить в школу. Вот мой совет. Иначе тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения. За твою жизнь я не дам и дохлой сухой мухи.

- Почччему? - спросил Буратино.

- А вот ты увидишь - почччему, - ответил Говорящий Сверчок.

- Ах ты, столетняя букашка-таракашка! - крикнул Буратино. - Больше всего на свете я люблю страшные приключения. Завтра чуть свет убегу из дома - лазить по заборам, разорять птичьи гнезда, дразнить мальчишек, таскать за хвосты собак и кошек... Я еще не то придумаю!..

- Жаль мне тебя, жаль, Буратино, прольешь ты горькие слезы.

- Почччему? - опять спросил Буратино.

- Потому, что у тебя глупая деревянная голова.

Тогда Буратино вскочил на стул, со стула на стол, схватил молоток и запустил его в голову Говорящему Сверчку.

Старый умный сверчок тяжело вздохнул, пошевелил усами и уполз за очаг, - навсегда из этой комнаты.

Буратино едва не погибает по собственному легкомыслию. Папа Карло клеит ему одежду из цветной бумаги и покупает азбуку

После случая с Говорящим Сверчком в каморке под лестницей стало совсем скучно. День тянулся и тянулся. В животе у Буратино тоже было скучновато. Он закрыл глаза и вдруг увидел жареную курицу на тарелке. Живо открыл глаза, - курица на тарелке исчезла.

Он опять закрыл глаза, - увидел тарелку с манной кашей пополам с малиновым вареньем. Открыл глаза, - нет тарелки с манной кашей пополам с малиновым вареньем.

Тогда Буратино догадался, что ему ужасно хочется есть. Он подбежал к очагу и сунул нос в кипящий на огне котелок, но длинный нос Буратино проткнул насквозь котелок, потому что, как мы знаем, и очаг, и огонь, и дым, и котелок были нарисованы бедным Карло на куске старого холста.

Буратино вытащил нос и поглядел в дырку, - за холстом в стене было что-то похожее на небольшую дверцу, но там было так затянуто паутиной, что ничего не разобрать.

Буратино пошел шарить по всем углам, - не найдется ли корочки хлебца или куриной косточки, обглоданной кошкой.

Ах, ничего-то, ничего-то не было у бедного Карло запасено на ужин!

Вдруг он увидел в корзинке со стружками куриное яйцо. Схватил его, поставил на подоконник и носом - тюк-тюк - разбил скорлупу.

Внутри яйца пискнул голосок:

- Спасибо, деревянный человечек!

Из разбитой скорлупы вылез цыпленок с пухом вместо хвоста и с веселыми глазами.

- До свиданья! Мама Кура давно меня ждет на дворе.

И цыпленок выскочил в окно, - только его и видели.

- Ой, ой, - закричал Буратино, - есть хочу!..

День наконец кончил тянуться. В комнате стало сумеречно.

Буратино сидел около нарисованного огня и от голода потихоньку икал.

Он увидел - из-под лестницы, из-под пола, показалась толстая голова. Высунулось, понюхало и вылезло серое животное на низких лапах.

Не спеша оно пошло к корзине со стружками, влезло туда, нюхая и шаря, - сердито зашуршало стружками. Должно быть, оно искало яйцо, которое разбил Буратино.

Потом оно вылезло из корзины и подошло к Буратино. Понюхало его, крутя черным носом с четырьмя длинными волосками с каждой стороны. От Буратино съестным не пахло, - оно пошло мимо, таща за собой длинный тонкий хвост.

Ну как его было не схватить за хвост! Буратино сейчас же и схватил.

Это оказалась старая злая крыса Шушара.

С испугу она, как тень, кинулась было под лестницу, волоча Буратино, но увидела, что это всего-навсего деревянный мальчишка, - обернулась и с бешеной злобой набросилась, чтобы перегрызть ему горло.

Теперь уж Буратино испугался, отпустил холодный крысиный хвост и вспрыгнул на стул. Крыса - за ним.

Он со стула перескочил на подоконник. Крыса - за ним.

С подоконника он через всю каморку перелетел на стол. Крыса - за ним... И тут, на столе, она схватила Буратино за горло, повалила, держа его в зубах, соскочила на пол и поволокла под лестницу, в подполье.

- Папа Карло! - успел только пискнуть Буратино.

- Я здесь! - ответил громкий голос.

Дверь распахнулась, вошел папа Карло. Стащил с ноги деревянный башмак и запустил им в крысу.

Шушара, выпустив деревянного мальчишку, скрипнула зубами и скрылась.

- Вот до чего доводит баловство! - проворчал папа Карло, поднимая с пола Буратино. Посмотрел, все ли у него цело. Посадил его на колени, вынул из кармана луковку, очистил. - На, ешь!..

- Буратино вонзил голодные зубы в луковицу и съел ее, хрустя и причмокивая. После этого стал тереться головой о щетинистую щеку папы Карло.

- Я буду умненький - благоразумненький, папа Карло... Говорящий Сверчок велел мне ходить в школу.

- Славно придумано, малыш...

- Папа Карло, но ведь я - голенький, деревянненький, - мальчишки в школе меня засмеют.

- Эге, - сказал Карло и почесал щетинистый подбородок. - Ты прав, малыш!

Он зажег лампу, взял ножницы, клей и обрывки цветной бумаги. Вырезал и склеил курточку из коричневой бумаги и ярко-зеленые штанишки. Смастерил туфли из старого голенища и шапочку - колпачком с кисточкой - из старого носка. Все это надел на Буратино:

- Носи на здоровье!

- Папа Карло, - сказал Буратино, - а как же я пойду в школу без азбуки?

- Эге, ты прав, малыш...

Папа Карло почесал в затылке. Накинул на плечи свою единственную старую куртку и пошел на улицу.

Он скоро вернулся, но без куртки. В руке он держал книжку с большими буквами и занимательными картинками.

- Вот тебе азбука. Учись на здоровье.

- Папа Карло, а где твоя куртка?

- Куртку-то я продал. Ничего, обойдусь и так... Только ты живи на здоровье.

Буратино уткнулся носом в добрые руки папы Карло.

- Выучусь, вырасту, куплю тебе тысячу новых курток...

Буратино всеми силами хотел в этот первый в его жизни вечер жить без баловства, как научил его Говорящий Сверчок.

Буратино продает азбуку и покупает билет в кукольный театр

Рано поутру Буратино положил азбуку в сумочку и вприпрыжку побежал в школу.

По дороге он даже не смотрел на сласти, выставленные в лавках, - маковые на меду треугольнички, сладкие пирожки и леденцы в виде петухов, насаженных на палочку.

Он не хотел смотреть на мальчишек, запускающих бумажный змей...

Улицу переходил полосатый кот Базилио, которого можно было схватить за хвост. Но Буратино удержался и от этого.

Чем ближе он подходил к школе, тем громче неподалеку, на берегу Средиземного моря, играла веселая музыка.

- Пи-пи-пи, - пищала флейта.

- Ла-ла-ла-ла, - пела скрипка.

- Дзинь-дзинь, - звякали медные тарелки.

- Бум! - бил барабан.

В школу нужно поворачивать направо, музыка слышалась налево.

Буратино стал спотыкаться. Сами ноги поворачивали к морю, где:

- Пи-пи, пиинии...

- Дзинь-лала, дзинь-ла-ла...

- Бум!

- Школа же никуда же не уйдет же, - сам себе громко начал говорить Буратино, - я только взгляну, послушаю - и бегом в школу.

Что есть духу он пустился бежать к морю. Он увидел полотняный балаган, украшенный разноцветными флагами, хлопающими от морского ветра.

Наверху балагана, приплясывая, играли четыре музыканта.

Внизу полная улыбающаяся тетя продавала билеты.

Около входа стояла большая толпа - мальчики и девочки, солдаты, продавцы лимонада, кормилицы с младенцами, пожарные, почтальоны, - все, все читали большую афишу:

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

ТОЛЬКО ОДНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ТОРОПИТЕСЬ!

ТОРОПИТЕСЬ!

ТОРОПИТЕСЬ!

Буратино дернул за рукав одного мальчишку:

- Скажите, пожалуйста, сколько стоит входной билет?

Мальчик ответил сквозь зубы, не спеша:

- Четыре сольдо, деревянный человечек.

- Понимаете, мальчик, я забыл дома мой кошелек... Вы не можете мне дать займы четыре сольдо?..

Мальчик презрительно свистнул:

- Нашел дурака!..

- Мне ужжжжжжасно хочется посмотреть кукольный театр! - сквозь слезы сказал Буратино. - Купите у меня за четыре сольдо мою чудную курточку...

- Бумажную куртку за четыре сольдо? Ищи дурака.

- Ну, тогда мой хорошенький колпачок...

- Твоим колпачком только ловить головастики... Ищи дурака.

У Буратино даже похолодел нос - так ему хотелось попасть в театр.

- Мальчик, в таком случае возьмите за четыре сольдо мою новую азбуку...

- С картинками?

- С ччччччудными картинками и большими буквами.

- Давай, пожалуй, - сказал мальчик, взял азбуку и нехотя отсчитал четыре сольдо.

Буратино подбежал к полной улыбающейся тете и пропищал:

- Послушайте, дайте мне в первом ряду билет на единственное представление кукольного театра.

Во время представления комедии куклы узнают Буратино

Буратино сел в первом ряду и с восторгом глядел на опущенный занавес.

На занавесе были нарисованы танцующие человечки, девочки в черных масках, страшные бородатые люди в колпаках со звездами, солнце, похожее на блин с носом и глазами, и другие занимательные картинки.

Три раза ударили в колокол, и занавес поднялся.

На маленькой сцене справа и слева стояли картонные деревья. Над ними висел фонарь в виде луны и отражался в кусочке зеркала, на котором плавали два лебедя, сделанные из ваты, с золотыми носами.

Из-за картонного дерева появился маленький человечек в длинной белой рубашке с длинными рукавами. Его лицо было обсыпано пудрой, белой, как зубной порошок. Он поклонился почтеннейшей публике и сказал грустно:

- Здравствуйте, меня зовут Пьеро... Сейчас мы разыграем перед вами комедию под названием: "Девочка с голубыми волосами, или Тридцать три подзатыльника". Меня будут колотить палкой, давать пощечины и подзатыльники. Это очень смешная комедия...

Из-за другого картонного дерева выскочил другой человек, весь клетчатый, как шахматная доска. Он поклонился почтеннейшей публике:

- Здравствуйте, я - Арлекин!

После этого обернулся к Пьеро и отпустил ему две пощечины, такие звонкие, что у того со щек посыпалась пудра.

- Ты чего хнычешь, дуралей?

- Я грустный потому, что я хочу жениться, - ответил Пьеро.

- А почему ты не женился?

- Потому что моя невеста от меня убежала...

- Ха-ха-ха, - покатылся со смеху Арлекин, - видели дуралея!..

Он схватил палку и отколотил Пьеро.

- Как зовут твою невесту?

- А ты не будешь больше драться?

- Ну нет, я еще только начал.

- В таком случае, ее зовут Мальвина, или девочка с голубыми волосами.

- Ха-ха-ха! - опять покатылся Арлекин и отпустил Пьеро три подзатыльника.

- Послушайте, почтеннейшая публика... Да разве бывают девочки с голубыми волосами?

Но тут он, повернувшись к публике, вдруг увидел на передней скамейке деревянного мальчишку со ртом до ушей, с длинным носом, в колпачке с кисточкой...

- Глядите, это Буратино! - закричал Арлекин, указывая на него пальцем.

- Живой Буратино! - завопил Пьеро, взмахивая длинными рукавами.

Из-за картонных деревьев выскочило множество кукол - девочки в черных масках, страшные бородачи в колпаках, мохнатые собаки с пуговицами вместо глаз, горбуны с носами, похожими на огурец...

Все они подбежали к свечам, стоявшим вдоль рампы, и, вглядываясь, затараторили:

- Это Буратино! Это Буратино! К нам, к нам, веселый плутишка Буратино!

Тогда он с лавки прыгнул на суфлерскую будку, а с нее на сцену.

Куклы схватили его, начали обнимать, целовать, щипать... Потом все куклы запели "Польку Птичку":

Птичка		польку		танцевала
На	лужайке	в	ранний	час.
Нос	налево,	хвост	направо,	-
Это		полька		Карабас.
Два	жука	-	на	барабане,
Дует	жаба		в	контрабас.
Нос	налево,	хвост	направо,	-
Это		полька		Барабас.
Птичка		польку		танцевала,
Потому		что		весела.
Нос	налево,	хвост	направо,	-
Вот так полечка была.				

Зрители были растроганы. Одна кормилица даже прослезилась. Один пожарный плакал навзрыд.

Только мальчишки на задних скамейках сердились и топали ногами:

- Довольно лизаться, не маленькие, продолжайте представление!

Услышав весь этот шум, из-за сцены высунулся человек, такой страшный с виду, что можно было окоченеть от ужаса при одном взгляде на него.

Густая нечесаная борода его волочилась по полу, выпученные глаза вращались, огромный рот лязгал зубами, будто это был не человек, а крокодил. В руке он держал семихвостую плетку.

Это был хозяин кукольного театра, доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас.

- Га-га-га, гу-гу-гу! - заревел он на Буратино. - Так это ты помешал представлению моей прекрасной комедии?

Он схватил Буратино, отнес в кладовую театра и повесил на гвоздь. Вернувшись, погрозил куклам семихвостой плеткой, чтобы они продолжали представление.

Куклы кое-как закончили комедию, занавес закрылся, зрители разошлись.

Доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас пошел на кухню ужинать.

Сунув нижнюю часть бороды в карман, чтобы не мешала, он сел перед очагом, где на вертеле жарились целый кролик и два цыпленка.

Помуслив пальцы, он потрогал жаркое, и оно показалось ему сырым.

В очаге было мало дров. Тогда он три раза хлопнул в ладоши.

Вбежали Арлекин и Пьеро.

- Принесите-ка мне этого бездельника Буратино, - сказал синьор Карабас Барабас. - Он сделан из сухого дерева, я его подкину в огонь, мое жаркое живо зажарится.

Арлекин и Пьеро упали на колени, умоляли пощадить несчастного Буратино.

- А где моя плетка? - закричал Карабас Барабас.

Тогда они, рыдая, пошли в кладовую, сняли с гвоздя Буратино и приволокли на кухню.

Синьор Карабас Барабас вместо того, чтобы сжечь Буратино, дает ему пять золотых монет и отпускает домой

Когда куклы приволокли Буратино и бросили на пол у решетки очага, синьор Карабас Барабас, страшно сопя носом, мешал кочергой угли.

Вдруг глаза его налились кровью, нос, затем все лицо собралось поперечными морщинами. Должно быть, ему в ноздри попал кусочек угля.

- Аап... аап... аап... - завыл Карабас Барабас, закатывая глаза, - аап-чхи!..

И он чихнул так, что пепел поднялся столбом в очаге.

Когда доктор кукольных наук начинал чихать, то уже не мог остановиться и чихал пятьдесят, а иногда и сто раз подряд.

От такого необыкновенного чихания он обессиливал и становился добрее.

Пьеро украдкой шепнул Буратино:

- Попробуй с ним заговорить между чиханьем...

- Аап-чхи! Аап-чхи! - Карабас Барабас забирал разинутым ртом воздух и с треском чихал, тряся башкой и топая ногами.

На кухне все тряслось, дребезжали стекла, качались сковороды и кастрюли на гвоздях.

Между этими чиханьями Буратино начал подвывать жалобным тоненьким голоском:

- Бедный я, несчастный, никому-то меня не жалко!

- Перестань реветь! - крикнул Карабас Барабас. - Ты мне мешаешь... Аап-чхи!

- Будьте здоровы, синьор, - всхлипнул Буратино.

- Спасибо... А что - родители у тебя живы? Аап-чхи!

- У меня никогда, никогда не было мамы, синьор. Ах, я несчастный! - И Буратино закричал так пронзительно, что в ушах Карабаса Барабаса стало колоть, как иголкой.

Он затопал подошвами.

- Перестань визжать, говорю тебе!.. Аап-чхи! А что - отец у тебя жив?

- Мой бедный отец еще жив, синьор.

- Воображаю, каково будет узнать твоему отцу, что я на тебе изжарил кролика и двух цыплят... Аап-чхи!

- Мой бедный отец все равно скоро умрет от голода и холода. Я его единственная опора в старости. Пожалейте, отпустите меня, синьор.

- Десять тысяч чертей! - заорал Карабас Барабас. - Ни о какой жалости не может быть и речи. Кролик и цыплята должны быть зажарены. Полезай в очаг.

- Синьор, я не могу этого сделать.

- Почему? - спросил Карабас Барабас только для того, чтобы Буратино продолжал разговаривать, а не визжал в уши.

- Синьор, я уже пробовал однажды сунуть нос в очаг и только проткнул дырку.

- Что за вздор! - удивился Карабас Барабас. - Как ты мог носом проткнуть в очаге дырку?

- Потому, синьор, что очаг и котелок над огнем были нарисованы на куске старого холста.

- Аап-чхи! - чихнул Карабас Барабас с таким шумом, что Пьеро отлетел налево, Арлекин - направо, а Буратино завертелся волчком.

- Где ты видел очаг, и огонь, и котелок нарисованными на куске холста?

- В каморке моего папы Карло.

- Твой отец - Карло! - Карабас Барабас вскочил со стула, взмахнул руками, борода его разлетелась. - Так, значит, это в каморке старого Карло находится потайная...

Но тут Карабас Барабас, видимо не желая проговориться о какой-то тайне, обоими кулаками заткнул себе рот. И так сидел некоторое время, глядя выпученными глазами на погасающий огонь.

- Хорошо, - сказал он наконец, - я поужинаю недожаренным кроликом и сырыми цыплятами. Я тебе дарю жизнь, Буратино. Мало того...

Он залез под бороду в жилетный карман, вытащил пять золотых монет и протянул их Буратино:

- Мало того... Возьми эти деньги и отнеси их Карло. Кланяйся и скажи, что я прошу его ни в коем случае не умирать от голода и холода и самое главное - не уезжать из его каморки, где находится очаг, нарисованный на куске старого холста. Ступай, выпись и утром пораньше беги домой.

Буратино положил пять золотых монет в карман и ответил с вежливым поклоном:

- Благодарю вас, синьор. Вы не могли доверить деньги в более надежные руки...

Арлекин и Пьеро отвели Буратино в кукольную спальню, где куклы опять начали обнимать, целовать, толкать, щипать и опять обнимать Буратино, так непонятно избежавшего страшной гибели в очаге.

Он шепотом говорил куклам:

- Здесь какая-то тайна.

По дороге домой Буратино встречает двух нищих - кота Базилио и лису Алису

Рано утром Буратино пересчитал деньги, - золотых монет было столько, сколько пальцев на руке, - пять.

Зажав золотые в кулаке, он вприпрыжку побежал домой и напевал:

- Куплю папе Карло новую куртку, куплю много маковых треугольничков, леденцовых петухов на палочках.

Когда из глаз скрылся балаган кукольного театра и развевающиеся флаги, он увидел двух нищих, уныло бредущих по пыльной дороге: лису Алису, ковыляющую на трех лапах, и слепого кота Базилио.

Это был не тот кот, которого Буратино встретил вчера на улице, но другой - тоже Базилио и тоже полосатый. Буратино хотел пройти мимо, но лиса Алиса сказала ему умильно:

- Здравствуй, добренький Буратино! Куда так спешишь?

- Домой, к папе Карло.

Лиса вздохнула еще умильнее:

- Уж не знаю, застанешь ли ты в живых бедного Карло, он совсем плох от голода и холода...

- А ты это видела? - Буратино разжал кулак и показал пять золотых.

Увидев деньги, лиса невольно потянулась к ним лапой, а кот вдруг широко раскрыл слепые глаза, и они сверкнули у него, как два зеленых фонаря.

Но Буратино ничего этого не заметил.

- Добренький, хорошенький Буратино, что же ты будешь делать с этими деньгами?

- Куплю куртку для папы Карло... Куплю новую азбуку...

- Азбуку, ох, ох! - сказала лиса Алиса, качая головой. - Не доведет тебя до добра это ученье... Вот я училась, училась, а - гляди - хожу на трех лапах.

- Азбуку! - проворчал кот Базилио и сердито фыркнул в усы.

- Через это проклятое ученье я глаз лишился...

На сухой ветке около дороги сидела пожилая ворона. Слушала, слушала и каркнула:

- Врут, врут!...

Кот Базилио сейчас же высоко подскочил, лапой сшиб ворону с ветки, выдрал ей полхвоста, - едва она улетела. И опять представился, будто он слепой.

- Вы за что так ее, кот Базилио? - удивленно спросил Буратино.

- Глаза-то слепые, - ответил кот, - показалось - это собачонка на дереве...

Пошли они втроем по пыльной дороге. Лиса сказала:

- Умненький, благоразумненький Буратино, хотел бы ты, чтобы у тебя денег стало в десять раз больше?

- Конечно, хочу! А как это делается?

- Проще простого. Пойдем с нами.

- Куда?

- В Страну Дураков.

Буратино немного подумал.

- Нет, уж я, пожалуй, сейчас домой пойду.

- Пожалуйста, мы тебя за веревку не тянем, - сказала лиса, - тем хуже для тебя.

- Тем хуже для тебя, - проворчал кот.
- Ты сам себе враг, - сказала лиса.
- Ты сам себе враг, - проворчал кот.
- А то бы твои пять золотых превратились в кучу денег...

Буратино остановился, разинул рот...

- Врешь!

Лиса села на хвост, облизнулась:

- Я тебе сейчас объясню. В Стране Дураков есть волшебное поле, - называется Поле Чудес... На этом поле выкопай ямку, скажи три раза: "Крекс, фекс, пекс", положи в ямку золотой, засыпь землей, сверху посыпь солью, полей хорошенько и иди спать. Наутро из ямки вырастет небольшое деревце, на нем вместо листьев будут висеть золотые монеты. Понятно?

Буратино даже подпрыгнул:

- Врешь!

- Идем, Базилио, - обиженно свернув нос, сказала лиса, - нам не верят - и не надо...

- Нет, нет, - закричал Буратино, - верю, верю!.. Идемте скорее в Страну Дураков!..

В харчевне "Трех пескарей"

Буратино, лиса Алиса и кот Базилио спустились под гору и шли, шли - через поля, виноградники, через сосновую рощу, вышли к морю и опять повернули от моря, через ту же рощу, виноградники...

Городок на холме и солнце над ним виднелись то справа, то слева...

Лиса Алиса говорила, вздыхая:

- Ах, не так-то легко попасть в Страну Дураков, все лапы сотрешь...

Под вечер они увидели сбоку дороги старый дом с плоской крышей и с вывеской над входом: "ХАРЧЕВНЯ ТРЕХ ПЕСКАРЕЙ".

Хозяин выскочил навстречу гостям, сорвал с плешивой головы шапочку и низко кланялся, прося зайти.

- Не мешало бы нам перекусить хоть сухой корочкой, - сказала лиса.

- Хотя коркой хлеба угостили бы, - повторил кот.

Зашли в харчевню, сели около очага, где на вертелах исковородках жарилась всякая всячина.

Лиса поминутно облизывалась, кот Базилио положил лапы на стол, усатую морду - на лапы, - уставился на пищу.

- Эй, хозяин, - важно сказал Буратино, - дайте нам три корочки хлеба...

Хозяин едва не упал навзничь от удивления, что такие почтенные гости так мало спрашивают.

- Веселенький, остроумненький Буратино шутит с вами, хозяин, - захихикала лиса.

- Он шутит, - буркнул кот.

- Дайте три корочки хлеба и к ним - вон того чудно зажаренного барашка, - сказала лиса, - и еще того гусенка, да парочку голубей на вертеле, да, пожалуй, еще печеночки...

- Шесть штук самых жирных карасей, - приказал кот, - и мелкой рыбы сырой на закуску.

Короче говоря, они взяли все, что было на очаге: для Буратино осталась одна корочка хлеба.

Лиса Алиса и кот Базилио съели все вместе с костями. Животы у них раздулись, морды залоснились.

- Отдохнем часок, - сказала лиса, - а ровно в полночь выйдем. Не забудьте нас разбудить, хозяин...

Лиса и кот завалились на двух мягких кроватях, захрапели и засвистели. Буратино прикорнул в углу на собачьей подстилке...

Ему снилось деревце с кругленькими золотыми листьями...

Только он протянул руку...

- Эй, синьор Буратино, пора, уже полночь...

В дверь стучали. Буратино вскочил, протер глаза. На кровати - ни кота, ни лисы, - пусто.

Хозяин объяснил ему:

- Ваши почтенные друзья изволили раньше подняться, подкрепились холодным пирогом и ушли...

- Мне ничего не велели передать?

- Очень даже велели, - чтобы вы, синьор Буратино, не теряя минуты, бежали по дороге к лесу...

Буратино кинулся к двери, но хозяин стал пороге, прищурился, руки упер в бока:

- А за ужин кто будет платить?

- Ой, - пискнул Буратино, - сколько?

- Ровно один золотой...

Буратино сейчас же хотел прошмыгнуть мимо его ног, но хозяин схватил вертел, - щетинистые усы, даже волосы над ушами у него встали дыбом.

- Плати, негодяй, или проткну тебя, как жука!

Пришлось заплатить один золотой из пяти. Пошмыгивая от огорчения, Буратино покинул проклятую харчевню.

Ночь была темна, - этого мало - черна, как сажа. Все кругом спало. Только над головой Буратино неслышно летала ночная птица Сплюшка.

Задевая мягким крылом за его нос, Сплюшка повторяла:

- Не верь, не верь, не верь!

Он с досадой остановился:

- Чего тебе?

- Не верь коту и лисе...

- А ну тебя!..

Он побежал дальше и слышал, как Сплюшка верещала вдогонку:

- Бойся разбойников на этой дороге...

На Буратино нападают разбойники

На краю неба появился зеленоватый свет, - восходила луна.

Впереди стал виден черный лес.

Буратино пошел быстрее. Кто-то позади него тоже пошел быстрее.

Он припустился бегом. Кто-то бежал за ним вслед бесшумными скачками.

Он обернулся.

Его догоняли двое, - на головах у них были надеты мешки с прорезанными дырками для глаз.

Один, пониже ростом, размахивал ножом, другой, повыше, держал пистолет, у которого дуло расширилось, как воронка...

- Ай-ай! - завизжал Буратино и, как заяц, припустился к черному лесу.

- Стой, стой! - кричали разбойники.

Буратино хотя и был отчаянно перепуган, все же догадался, - сунул в рот четыре золотых и свернул с дороги к изгороди, заросшей ежевикой... Но тут двое разбойников схватили его...

- Кошелек или жизнь!

Буратино, будто бы не понимая, чего от него хотят, только часто-часто дышал носом. Разбойники трясли его за шиворот, один грозил пистолетом, другой обшаривал карманы.

- Где твои деньги? - рычал высокий.

- Деньги, паршшшивец! - шипел низенький.

- Разорву в клочки!

- Голову отъем!

Тут Буратино от страха так затрясся, что золотые монеты зазвенели у него во рту.

- Вот где у него деньги! - завывали разбойники. - Во рту у него деньги...

Один схватил Буратино за голову, другой - за ноги. Начали его подбрасывать. Но он только крепче сжимал зубы.

Перевернув его кверху ногами, разбойники стукали его головой об землю. Но и это ему было нипочем.

Разбойник, тот, что пониже, принялся широким ножом разжимать ему зубы. Вот-вот уже и разжал... Буратино изловчился - изо всей силы укусил его за руку... Но это оказалась не рука, а кошачья лапа. Разбойник дико взвыл. Буратино в это время вывернулся, как ящерица, кинулся к изгороди, нырнул в колючую ежевику, оставив на колючках клочки штанишек и курточки, перелез на ту сторону и помчался к лесу.

У лесной опушки разбойники опять нагнали его. Он подпрыгнул, схватился за качающуюся ветку и полез на дерево. Разбойники - за ним. Но им мешали мешки на головах.

Вскарабкавшись на вершину, Буратино раскачался и перепрыгнул на соседнее дерево. Разбойники - за ним...

Но оба тут же сорвались и шлепнулись на землю.

Пока они кряхтели и почесывались, Буратино соскользнул с дерева и припустился бежать, так быстро перебирая ногами, что их даже не было видно.

От луны деревья отбрасывали длинные тени. Весь лес был полосатый...

Буратино то пропадал в тени, то белый колпачок его мелькал в лунном свете.

Так он добрался до озера. Над зеркальной водой висела луна, как в кукольном театре.

Буратино кинулся направо - топко. Налево - топко... А позади опять затрещали сучья...

- Держи, держи его!..

Разбойники уже подбегали, они высоко подскакивали из мокрой травы, чтобы увидеть Буратино.

- Вот он!

Ему оставалось только броситься в воду. В это время он увидел белого лебедя, спавшего близ берега, засунув голову под крыло. Буратино кинулся в озерцо, нырнул и схватил лебедя за лапы.

- Го-го, - гоготнул лебедь, пробуждаясь, - что за неприличные шутки! Оставьте мои лапы в покое!

Лебедь раскрыл огромные крылья, и в то время, когда разбойники уже хватали Буратино за ноги, торчащие из воды, лебедь важно полетел через озеро.

На том берегу Буратино выпустил его лапы, шлепнулся, вскочил и по моховым кочкам, через камыши пустился бежать прямо к большой луне - над холмами.

Разбойники вешают Буратино на дерево

От усталости Буратино едва перебирал ногами, как муха осенью на подоконнике.

Вдруг сквозь ветки орешника он увидел красивую лужайку и посреди ее - маленький, освещенный луной домик в четыре окошка. На ставнях нарисованы солнце, луна и звезды. Вокруг росли большие лазоревые цветы.

Дорожки посыпаны чистым песочком. Из фонтана била тоненькая струя воды, в ней подплясывал полосатый мячик.

Буратино на четвереньках влез на крыльцо. Постучал в дверь.

В домике было тихо. Он постучал сильнее, - должно быть, там крепко спали.

В это время из лесу опять выскочили разбойники. Они переплыли озеро, вода лила с них ручьями. Увидев Буратино, низенький разбойник гнусно зашипел по-кошачьи, высокий затыкал по-лисий...

Буратино колотил в дверь руками и ногами:

- Помогите, помогите, добрые люди!..

Тогда в окошко высунулась кудрявая хорошенькая девочка с хорошеньким приподнятым носиком.

Глаза у нее были закрыты.

- Девочка, откройте дверь, за мной гонятся разбойники!

- Ах, какая чушь! - сказала девочка, зевая хорошеньким ртом. - Я хочу спать, я не могу открыть глаза...

Она подняла руки, сонно потянулась и скрылась в окошке.

Буратино в отчаянии упал носом в песок и притворился мертвым.

Разбойники подскочили:

- Ага, теперь от нас не уйдешь!..

Трудно вообразить, чего они только не выделявали, чтобы заставить Буратино раскрыть рот. Если бы во время погони они не обронили ножа и пистолета, - на этом месте и можно было бы окончить рассказ про несчастного Буратино.

Наконец разбойники решили его повесить вниз головой, привязали к ногам веревку, и Буратино повис на дубовой ветке... Они сели под дубом, протянув мокрые хвосты, и ждали, когда у него вывалятся изо рта золотые...

На рассвете поднялся ветер, зашумели на дубу листья.

Буратино качался, как деревяшка. Разбойникам наскучило сидеть на мокрых хвостах...

- Повиси, дружок, до вечера, - сказали они зловеще и пошли искать какую-нибудь придорожную харчевню.

Девочка с голубыми волосами возвращает Буратино к жизни

За ветвями дуба, где висел Буратино, разлилась утренняя заря. Трава на поляне стала сизой, лазоревые цветы покрылись капельками росы.

Девочка с кудрявыми голубыми волосами опять высунулась в окошко, протерла и широко открыла заспанные хорошенькие глаза.

Эта девочка была самой красивой куклой из кукольного театра синьора Карабаса Барабаса.

Не в силах выносить грубых выходок хозяина, она убежала из театра и поселилась в уединенном домике на сизой поляне.

Звери, птицы и некоторые из насекомых очень полюбили ее, - должно быть, потому, что она была воспитанная и кроткая девочка.

Звери снабжали ее всем необходимым для жизни.

Крот приносил питательные корни.

Мыши - сахар, сыр и кусочки колбасы.

Благородная собака-пудель Артемон приносил булки.

Сорока воровала для нее на базаре шоколадные конфеты в серебряных бумажках.

Лягушки приносили в ореховых скорлупах лимонад.

Ястреб - жареную дичь.

Майские жуки - разные ягоды.

Бабочки - пыльцу с цветов - пудриться.

Гусеницы выдавливали из себя пасту для чистки зубов и смазывания скрипящих дверей.

Ласточки уничтожали вблизи дома ос и комаров...

Итак, открыв глаза, девочка с голубыми волосами сейчас же увидела Буратино, висящего вниз головой.

Она приложила ладони к щекам и вскрикнула:

- Ах, ах, ах!

Под окном, трепля ушами, появился благородный пудель Артемон. Он только что выстриг себе заднюю половину туловища, что делал каждый день. Кудрявая шерсть на передней половине туловища была расчесана, кисточка на конце хвоста перевязана черным бантом. На передней лапе - серебряные часы.

- Я готов!

Артемон свернул в сторону нос и приподнял верхнюю губу над белыми зубами.

- Позови кого-нибудь, Артемон! - сказала девочка. - Надо снять бедняжку Буратино, отнести в дом и пригласить доктора...

- Готов!

Артемон от готовности так завертелся, что сырой песок полетел от его задних лап... Он кинулся к муравейнику, лаем разбудил все население и послал четыреста муравьев - перегрызть веревку, на которой висел Буратино.

Четыреста серьезных муравьев поползли гуськом по узенькой тропинке, влезли на дуб и перегрызли веревку.

Артемон подхватил передними лапами падающего Буратино и отнес его в дом... Положив Буратино на кровать, собачьим галопом помчался в лесную заросль и тотчас привел оттуда знаменитого доктора Сову, фельдшерицу Жабу и народного знахаря Богомола, похожего на сухой сучок.

Сова приложила ухо к груди Буратино.

- Пациент скорее мертв, чем жив, - прошептала она и отвернула голову назад на сто восемьдесят градусов.

Жаба долго мяла влажной лапой Буратино. Раздумывая, глядела выпученными глазами сразу в разные стороны. Прошлепала большим ртом:

- Пациент скорее жив, чем мертв...

Народный лекарь Богомол сухими, как травинки, руками начал дотрагиваться до Буратино.

- Одно из двух, - прошелестел он, - или пациент жив, или он умер. Если он жив - он останется жив или он не останется жив. Если он мертв - его можно оживить или нельзя оживить.

- Шшшшарлатанство, - сказала Сова, взмахнула мягкими крыльями и улетела на темный чердак.

У Жабы от злости вздулись все бородавки.

- Какакое отврратительное невежество! - квакнула она и, шлепая животом, запрыгала в сырой подвал.

Лекарь Богомол на всякий случай притворился высохшим сучком и вывалился за окошко.

Девочка всплеснула хорошенькими руками:

- Ну, как же мне его лечить, граждане?

- Касторкой, - квакнула Жаба из подполья.

- Касторкой! - презрительно захохотала Сова на чердаке.

- Или касторкой, или не касторкой, - проскрежетал за окном Богомол.

Тогда ободранный, в синяках, несчастный Буратино простонал:

- Не нужно касторки, я очень хорошо себя чувствую!

Девочка с голубыми волосами заботливо наклонилась над ним:

- Буратино, умоляю тебя - зажмурься, зажми нос и выпей.

- Не хочу, не хочу, не хочу!..

- Я тебе дам кусочек сахару...

Тотчас же по одеялу на кровать взобралась белая мышь, она держала кусочек сахару.

- Ты его получишь, если будешь меня слушаться, - сказала девочка.

- Один сааааахар дайте...

- Да пойми же, - если не выпьешь лекарства, ты можешь умереть...

- Лучше умру, чем пить касторку...

Тогда девочка сказала строго, взрослым голосом:

- Зажми нос и гляди в потолок... Раз, два, три.

Она влила касторку в рот Буратино, сейчас же сунула ему кусочек сахару и поцеловала.

- Вот и все...

Благородный Артемон, любивший все благополучное, схватил зубами свой хвост, вертелся под окном, как вихрь из тысячи лап, тысячи ушей, тысячи блестящих глаз.

Девочка с голубыми волосами хочет воспитывать Буратино

Наутро Буратино проснулся веселый и здоровый как ни в чем не бывало.

Девочка с голубыми волосами ждала его в саду, сидя за маленьким столом, накрытым кукольной посудой. Ее лицо было свежевымыто, на вздернутом носике и щеках - цветочная пыльца.

Ожидая Буратино, она с досадой отмахивалась от надоевших бабочек:

- Да ну вас, в самом деле...

Оглянула деревянного мальчишку с головы до ног, поморщилась. Велела ему сесть за стол и налила в крошечную чашечку какао.

Буратино сел за стол, подвернул под себя ногу. Миндальные пирожные он запихивал в рот целиком и глотал не жуя. В вазу с вареньем залез прямо пальцами и с удовольствием их обсасывал. Когда девочка отвернулась, чтобы бросить несколько крошек пожилой жужелице, он схватил кофейник и выпил все какао из носика. Поперхнулся, пролил какао на скатерть.

Тогда девочка сказала ему строго:

- Вытащите из-под себя ногу и опустите ее под стол. Не ешьте руками, для этого есть ложки и вилки.

От возмущения она хлопала ресницами.

- Кто вас воспитывает, скажите, пожалуйста?

- Когда папа Карло воспитывает, а когда никто.

- Теперь я займусь вашим воспитанием, будьте покойны.

"Вот так влип!" - подумал Буратино.

На траве вокруг дома носился пудель Артемон за маленькими птичками. Когда они садились на деревья, он задира голову, подпрыгивал и лаял с подвыванием.

"Здорово птиц гоняет", - с завистью подумал Буратино.

От приличного сидения за столом у него по всему телу ползли мурашки.

Наконец мучительный завтрак окончился. Девочка велела ему вытереть с носа какао. Оправила складочки и бантики на платье, взяла Буратино за руку и повела в дом - заниматься воспитанием.

А веселый пудель Артемон носился по траве и лаял; птицы, несколько не боясь его, весело свистали; ветерок весело летал над деревьями.

- Снимите ваши лохмотья, вам дадут приличную куртку и штанишки, - сказала девочка.

Четверо портных - мастер-одиночка, угрюмый рак Шепталло, серый Дятел с хохолком, большой жук Рогач и мышь Лизетта - шили из старых девочкиных платьев красивый мальчишеский костюм.

Шепталло кроил, Дятел клювом протыкал дырки и шил. Рогач задними ногами сучил нитки, Лизетта их перегрызала.

Буратино было стыдно надевать девчонкины обноски, но пришлось все-таки переодеться. Сопя носом, он спрятал в карман новой куртки четыре золотые монеты.

- Теперь сядьте, положите руки перед собой. Не горбитесь, - сказала девочка и взяла кусочек мела. - Мы займемся арифметикой... У вас в кармане два яблока...

Буратино хитро подмигнул:

- Врете, ни одного...

- Я говорю, - терпеливо повторила девочка, - предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

- Два.

- Подумайте хорошенько.

Буратино сморщился, - так здорово подумал. - Два...

- Почему?

- Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись!

- У вас нет никаких способностей к математике, - с огорчением сказала девочка. - Займемся диктантом.

Она подняла к потолку хорошенькие глаза.

- Пишите: "А роза упала на лапу Азора". Написали? Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот.

Нам уже известно, что Буратино никогда даже не видел пера и чернильницы. Девочка сказала: "Пишите", - и он сейчас же сунул в чернильницу свой нос и страшно испугался, когда с носа на бумагу упала чернильная клякса.

Девочка всплеснула руками, у нее даже брызнули слезы.

- Вы гадкий шалун, вы должны быть наказаны!

Она высунулась в окошко:

- Артемон, отведи Буратино в темный чулан!

Благородный Артемон появился в дверях, показывая белые зубы. Схватил Буратино за курточку и, пятась, потащил в чулан, где по углам в паутине висели большие пауки. Запер его там, порычал, чтобы хорошенько напугать, и опять умчался за птичками.

Девочка, бросившись на кукольную кружевную кровать, зарыдала оттого, что ей пришлось поступить так жестоко с деревянным мальчиком. Но если уж взялась за воспитание, дело нужно довести до конца.

Буратино ворчал в темном чулане:

- Вот дура девчонка... Нашлась воспитательница, подумаешь... У самой фарфоровая голова, туловище, ватой набитое...

В чулане слышался тоненький скрип, будто кто-то скрежетал мелкими зубами:

- Слушай, слушай...

Он поднял испачканный в чернилах нос и в темноте различил висящую под потолком вниз головой летучую мышь.

- Тебе чего?

- Дождись ночи, Буратино.

- Тише, тише, - шуршали пауки по, углам, - не качайте наших сетей, не отпугивайте наших мушек...

Буратино сел на сломанный горшок, подпер щеку. Он был в переделках и похуже этой, но возмущала несправедливость.

- Разве так воспитывают детей?.. Это мученье, а не воспитание... Так не сиди да так не ешь... Ребенок, может, еще букваря не освоил, - она сразу за чернильницу хватается... А кобель небось гоняет за птицами, - ему ничего...

Летучая мышь опять пискнула:

- Дождись ночи, Буратино, я тебя поведу в Страну Дураков, там ждут тебя друзья - кот и лиса, счастье и веселье. Жди ночи.

Буратино попадает в Страну Дураков

Девочка с голубыми волосами подошла к двери чулана.

- Буратино, мой друг, вы раскаиваетесь наконец?

Он был очень сердит, к тому же у него совсем другое было на уме.

- Очень нужно мне раскаиваться! Не дождетесь...

- Тогда вам придется просидеть в чулане до утра...

Девочка горько вздохнула и ушла.

Настала ночь. Сова захохотала на чердаке. Жаба выползла из подполья, чтобы шлепать животом по отражениям луны в лужах.

Девочка легла спать в кружевную кроватку и долго огорченно всхлипывала засыпая.

Артемон, уткнув нос под хвост, спал у дверей ее спальни.

В домике часы с маятником пробили полночь.

Летучая мышь сорвалась с потолка.

- Пора, Буратино, беги! - пискнула ему над ухом. - В углу чулана есть крысиный ход в подполье... Жду тебя на лужайке.

Она вылетела в слуховое окно. Буратино кинулся в угол чулана, путаясь в паутиновых сетях. Вслед ему злобно шипели пауки.

Он пополз крысиным ходом в подполье. Ход был все уже и уже. Буратино теперь едва протискивался под землей... И вдруг вниз головой полетел в подполье.

Там он едва не попал в крысоловку, наступил на хвост ужу, только что напившемуся молока из кувшина в столовой, и через кошачий лаз выскочил на лужайку.

Над лазоревыми цветами бесшумно летала мышь.

- За мной, Буратино, в Страну Дураков!

У летучих мышей нет хвоста, поэтому мышь летает не прямо, как птицы, а вверх и вниз - на перепончатых крыльях, вверх и вниз, похожая на чертика; рот у нее всегда открыт, чтобы не теряя времени, по пути ловить, кусать, глотать живьем комаров и ночных бабочек.

Буратино бежал за ней по шею в траве; мокрые кашки хлестали его по щекам.

Вдруг мышь высоко метнулась к круглой луне и оттуда крикнула кому-то:

- Привела!

Буратино сейчас же кубарем полетел вниз с крутого обрыва. Катился, катился и шлепнулся в лопухи.

Исцарапанный, полон рот песку, с вытаращенными глазами сел.

- Ух, ты!..

Перед ним стояли кот Базилио и лиса Алиса.

- Храбренький, отваженький Буратино, должно быть, свалился с луны, - сказала лиса.

- Странно, как он жив остался, - мрачно сказал кот.

Буратино обрадовался старым знакомым, хотя ему показалось подозрительным, что у кота перевязана тряпкой правая лапа, а у лисы весь хвост испачкан в болотной тине.

- Нет худа без добра, - сказала лиса, - зато ты попал в Страну Дураков...

И она лапой указала на сломанный мост через высохший ручей. По ту сторону ручья среди куч мусора виднелись полуразвалившиеся домишки, чахлые деревья с обломанными ветвями и колокольни, покосившиеся в разные стороны...

- В этом городе продаются знаменитые куртки на заячьем меху для папы Карло, - облизываясь, пела лиса, - азбуки с раскрашенными картинками... Ах, какие продаются сладкие пирожки и леденцовые петушки на палочках! Ты ведь не потерял еще твои денежки, чудненький Буратино?

Лиса Алиса помогла ему встать на ноги; помуслив лапу, почистила ему курточку и повела через сломанный мост. Кот Базилио угрюмо ковылял сзади.

Была уже середина ночи, но в Городе Дураков никто не спал.

По кривой, грязной улице бродили тощие собаки в репьях, зевали от голода:

- Э-хе-хе...

Козы с драной шерстью на боках щипали пыльную траву у тротуара, трясли огрызками хвостов.

- Б-э-э-э-э-да...

Повесив голову, стояла корова; у нее кости торчали сквозь кожу.

- Мууучение... - повторяла она задумчиво.

На кочках грязи сидели общипанные воробьи, - они не улетали - хоть дави их ногами...

Шатались от истощения куры с выдранными хвостами...

Зато на перекрестках стояли навтыжку свирепые бульдоги-полицейские в треугольных шляпах и в колючих ошейниках.

Они кричали на голодных и шелудивых жителей:

- Пррроходи! Держи пррраво! Не задерррживайся!..

Лиса тащила Буратино дальше по улице. Они увидели гуляющих под луной по тротуару сытых котов в золотых очках, под руку с кошками в чепчиках.

Гулял толстый Лис - губернатор этого города, важно подняв нос, и с ним - спесивая лисица, державшая в лапе цветок ночной фиалки.

Лиса Алиса шепнула:

- Это гуляют те, кто посеял деньги на Поле Чудес... Сегодня последняя ночь, когда можно сеять. К утру соберешь кучу денег и купишь всякой всячины... Идем скорее.

Лиса и кот привели Буратино на пустырь, где валялись битые горшки, рваные башмаки, дырявые калоши и тряпки... Перебивая друг друга, затараторили:

- Рой ямку.

- Клади золотые.

- Посыпь солью.

- Зачерпни из лужи, полей хорошенько.

- Да не забудь сказать "крекс, фекс, пекс"...

Буратино почесал нос, испачканный в чернилах.

- А вы уйдите все-таки подальше...

- Боже мой, да мы и смотреть не хотим, где ты зароешь деньги! - сказала лиса.

- Боже сохрани! - сказал кот.

Они отошли немного и спрятались за кучей мусора.

Буратино выкопал ямку. Сказал три раза шепотом: "Крекс, фекс, пекс", положил в ямку четыре золотые монеты, засыпал, из кармана вынул щепотку соли, посыпал сверху. Набрал из лужи пригоршню воды, полил.

И сел ждать, когда вырастет дерево...

Полицейские хватают Буратино и не дают ему сказать ни одного слова в свое оправдание

Лиса Алиса думала, что Буратино уйдет спать, а он все сидел на мусорной куче, терпеливо вытянув нос.

Тогда Алиса велела коту остаться караулить, а сама побежала в ближайшее полицейское отделение.

Там в накуренной комнате, за столом, закапанным чернилами, густо храпел дежурный бульдог.

Лиса самым благонамеренным голоском сказала ему:

- Господин мужественный дежурный, нельзя ли задержать одного беспризорного воришку? Ужасная опасность грозит всем богатеньким и почтенненьким гражданам этого города.

Спросонок дежурный бульдог так рявкнул, что под лисой со страха оказалась лужа.

- Воррришка! Гам!

Лиса объяснила, что опасный воришка-Буратино обнаружен на пустыре.

Дежурный, все еще рыча, позвонил. Ворвались два добермана-пинчера, сыщики, которые никогда не спали, никому не верили и даже самих себя подозревали в преступных намерениях.

Дежурный приказал им доставить опасного преступника живым или мертвым в отделение. Сыщики ответили коротко:

- Тяф!

И помчались на пустырь особым хитрым галопом, заноса задние ноги вбок.

Последние сто шагов они ползли на животах и враз кинулись на Буратино, схватили его под мышки и потащили в отделение.

Буратино болтал ногами, умолял сказать - за что? за что? Сыщики отвечали:

- Там разберут...

Лиса и кот, не теряя времени, выкопали четыре золотые монеты. Лиса так ловко начала делить деньги, что у кота оказалась одна монета, у нее - три.

Кот молча вцепился когтями ей в рожу.

Лиса плотно обхватила его лапами. И они оба некоторое время катались клубком по пустырю. Кошачья и лисья шерсть летела клочками в лунном свете.

Ободрав друг другу бока, они разделили монеты поровну и в ту же ночь скрылись из города.

Тем временем сыщики привели Буратино в отделение. Дежурный бульдог вылез из-за стола и сам обыскал его карманы. Не обнаружив ничего, кроме

кусочка сахара и крошек миндального пирожного, дежурный кровожадно засопел на Буратино:

- Ты совершил три преступления, негодяй: ты - беспризорный, беспаспортный и безработный. Отвести его за город и утопить в пруду.

Сыщики ответили:

- Тяф!

Буратино пытался рассказать про папу Карло, про свои приключения. Все напрасно! Сыщики подхватили его, галопом оттащили за город и с моста бросили в глубокий грязный пруд, полный лягушек, пиявок и личинок водяного жука.

Буратино шлепнулся в воду, и зеленая ряска сомкнулась над ним.

Буратино знакомится с обитателями пруда, узнает о пропаже четырех золотых монет и получает от черепахи Тортилы золотой ключик

Не нужно забывать, что Буратино был деревянный и поэтому не мог утонуть. Все же он до того испугался, что долго лежал на воде, весь облепленный зеленой ряской.

Вокруг него собрались обитатели пруда: всем известные своей глупостью черные пузатые головастики, водяные жуки с задними лапами, похожими на весла, пиявки, личинки, которые кушали все, что попадалось, вплоть до самих себя, и, наконец, разные мелкие инфузории.

Головастики щекотали его жесткими губами и с удовольствием жевали кисточку на колпаке. Пиявки заползли в карман курточки. Один водяной жук несколько раз влезал на его нос, высоко торчавший из воды, и оттуда бросался в воду - ласточкой.

Мелкие инфузории, извиваясь и торопливо дрожа волосками, заменявшими им руки и ноги, пытались подхватить что-нибудь съедобное, но сами попадали в рот к личинкам водяного жука.

Буратино это наконец надоело, он зашлепал пятками по воде:

- Пошли прочь! Я вам не дохлая кошка.

Обитатели шарахнулись кто куда. Он перевернулся на живот и поплыл.

На круглых листьях водяных лилий под луной сидели большеротые лягушки, выпученными глазами глядели на Буратино.

- Какая-то каракатица плывет, - квакнула одна.

- Нос, как у аиста, - квакнула другая.

- Это морская лягушка, - квакнула третья.

Буратино, чтобы передохнуть, вылез на большой лист водяной лилии. Сел на нем, плотно обхватил коленки и сказал, стуча зубами:

- Все мальчики и девочки напились молока, спят в теплых кроватках, один я сижу на мокром листе... Дайте поесть чего-нибудь, лягушки.

Лягушки, как известно, очень хладнокровны. Но напрасно думать, что у них нет сердца. Когда Буратино, мелко стуча зубами, начал рассказывать про свои несчастные приключения, лягушки одна за другой подскочили, мелькнули задними ногами и нырнули на дно пруда.

Они принесли оттуда дохлого жука, стрекозиное крылышко, кусочек тины, зернышко рачьей икры и несколько гнилых корешков.

Положив все эти съедобные вещи перед Буратино, лягушки опять вспрыгнули на листья водяных лилий и сидели как каменные, подняв большеротые головы с выпученными глазами.

Буратино понюхал, попробовал лягушиное угощение.

- Меня стошнило, - сказал он, - какая гадость!..

Тогда лягушки опять все враз - бултыхнулись в воду...

Зеленая ряска на поверхности пруда заколебалась, и появилась большая, страшная змеиная голова. Она поплыла к листу, где сидел Буратино.

У него дыбом встала кисточка на колпаке. Он едва не свалился в воду от страха.

Но это была не змея. Это была никому не страшная, пожилая черепаха Тортила с подслеповатыми глазами.

- Ах ты, безмозглый, доверчивый мальчишка с коротенькими мыслями! - сказала Тортила. - Сидеть бы тебе дома да прилежно учиться! Занесло тебя в Страну Дураков!

- Так я же хотел же добыть побольше золотых монет для папы Карло... Я оччень хороший и благоразумный мальчик...

- Деньги твои украли кот и лиса, - сказала черепаха. - Они пробежали мимо пруда, остановились попить, и я слышала, как они хвастались, что выкопали твои деньги, и как подрались из-за них... Ох ты, безмозглый, доверчивый дурачок с коротенькими мыслями!..

- Не ругаться надо, - проворчал Буратино, - тут помочь надо человеку... Что я теперь буду делать? Ой-ой-ой!.. Как я вернусь к папе Карло? Ай-ай-ай!..

Он тер кулаками глаза и хныкал так жалобно, что лягушки вдруг все враз вздохнули:

- Ух-ух... Тортила, помоги человеку.

Черепаха долго глядела на луну, что-то вспоминала...

- Однажды я вот так же помогла одному человеку, а он потом из моей бабушки и моего дедушки наделал черепаховых гребенок, - сказала она. И опять долго глядела на луну. - Что ж, посиди тут, человечек, а я поползаю по дну, - может быть, найду одну полезную вещицу.

Она втянула змеиную голову и медленно опустилась под воду.

Лягушки прошептали:

- Черепаха Тортила знает великую тайну.

Прошло долгое-долгое время.

Луна уже клонилась за холмы...

Снова заколебалась зеленая ряска, появилась черепаха, держа во рту маленький золотой ключик.

Она положила его на лист у ног Буратино.

- Безмозглый, доверчивый дурачок с коротенькими мыслями, - сказала Тортила, - не горюй, что лиса и кот украли у тебя золотые монеты. Я даю тебе этот ключик. Его обронил на дно пруда человек с бородой такой длины, что он ее засовывал в карман, чтобы она не мешала ему ходить. Ах, как он просил, чтобы я отыскала на дне этот ключик!..

Тортила вздохнула, помолчала и опять вздохнула так, что из воды пошли пузыри...

- Но я не помогла ему, я тогда была очень сердита на людей за мою бабушку и моего дедушку, из которых наделали черепаховых гребенок. Бородатый

человек много рассказывал про этот ключик, но я все забыла. Помню только, что нужно отворить им какую-то дверь и это принесет счастье...

У Буратино забилося сердце, загорелись глаза. Он сразу забыл все свои несчастья. Вытащил из кармана курточки пиявок, положил туда ключик, вежливо поблагодарил черепаху Тортилу и лягушек, бросился в воду и поплыл к берегу.

Когда он черненькой тенью показался на краю берега, лягушки ухнули ему вслед:

- Буратино, не потеряй ключик!

Буратино бежит из Страны Дураков и встречает товарища по несчастью

Черепаха Тортила не указала дороги из Страны Дураков.

Буратино бежал куда глаза глядят. За черными деревьями блестели звезды. Над дорогой свешивались скалы. В ущелье лежало облако тумана.

Вдруг впереди Буратино запрыгал серый комочек. Сейчас же послышался собачий лай.

Буратино прижался к скале. Мимо него, свирепо сопя носами, промчались два полицейских бульдога из Города Дураков.

Серый комочек метнулся с дороги вбок - на откос. Бульдоги - за ним.

Когда топот и лай ушли далеко, Буратино припустился бежать так быстро, что звезды быстро-быстро поплыли за черными ветвями.

Вдруг серый комочек опять перескочил дорогу. Буратино успел разглядеть, что это заяц, а на нем верхом, держа его за уши, сидит бледный маленький человечек.

С откоса посыпались камешки, - бульдоги вслед за зайцем перескочили дорогу, и опять все стихло.

Буратино бежал так быстро, что звезды теперь, как бешеные, неслись за черными ветвями.

В третий раз серый заяц перескочил дорогу. Маленький человечек, задев головой за ветку, свалился с его спины и шлепнулся прямо под ноги Буратино.

- Ррр-гаф! Держи его! - проскакали вслед за зайцем полицейские бульдоги: глаза их были так налиты злостью, что не заметили ни Буратино, ни бледного человечка.

- Прощай, Мальвина, прощай навсегда! - плаксивым голосом пропищал человечек.

Буратино наклонился над ним и с удивлением увидел, что это был Пьеро в белой рубашке с длинными рукавами.

Он лежал головой вниз в колесной борозде и, очевидно, считал себя уже мертвым и пропищал загадочную фразу: "Прощай, Мальвина, прощай навсегда!", расставаясь с жизнью.

Буратино начал его тормошить, потянул за ногу, - Пьеро не шевелился. Тогда Буратино отыскал завалившуюся в кармане пиявку и приставил ее к носу бездыханного человечка.

Пиявка недолго думая цапнула его за нос. Пьеро быстро сел, замотал головой, отодрал пиявку и простонал:

- Ах, я еще жив, оказывается!

Буратино схватил его за щеки, белые, как зубной порошок, целовал, спрашивал:

- Как ты сюда попал? Почему ты скакал верхом на сером зайце?

- Буратино, Буратино, - ответил Пьеро, пугливо оглядываясь, - спрячь меня поскорее... Ведь собаки гнались не за серым зайцем, - они гнались за мной... Синьор Карабас

Карабас преследует меня день и ночь. Он нанял в Городе Дураков полицейских собак и поклялся схватить меня живым или мертвым.

Вдали опять затаивались псы. Буратино схватил Пьеро за рукав и потащил его в заросли мимозы, покрытой цветами в виде круглых желтых пахучих пупырышков.

Там, лежа на прелых листьях. Пьеро шепотом начал рассказывать ему:

- Понимаешь, Буратино, однажды ночью шумел ветер, лил дождь как из ведра...

Пьеро рассказывает, каким образом он, верхом на зайце, попал в Страну Дураков

- Понимаешь, Буратино, однажды ночью шумел ветер, лил дождь как из ведра. Синьор Карабас Барабас сидел около очага и курил трубку. Все куклы уже спали. Я один не спал. Я думал о девочке с голубыми волосами...

- Нашел о ком думать, вот дурень! - перебил Буратино. - Я вчера вечером убежал от этой девчонки - из чулана с пауками...

- Как? Ты видел девочку с голубыми волосами? Ты видел мою Мальвину?

- Подумаешь - невидаль! Плакса и приставала...

Пьеро вскочил, размахивая руками.

- Веди меня к ней... Если ты мне поможешь отыскать Мальвину, я тебе открою тайну золотого ключика...

- Как! - закричал Буратино радостно. - Ты знаешь тайну золотого ключика?

- Знаю, где ключик лежит, как его достать, знаю, что им нужно открыть одну дверцу... Я подслушал тайну, и поэтому синьор Карабас Барабас разыскивает меня с полицейскими собаками.

Буратино ужасно захотелось сейчас же похвастаться, что таинственный ключик лежит у него в кармане. Чтобы не проговориться, он стащил с головы колпачок и запихал его в рот.

Пьеро умолял вести его к Мальвине. Буратино при помощи пальцев объяснил этому дуралею, что сейчас темно и опасно, а вот когда рассветет - они побегут к девчонке.

Заставив Пьеро опять спрятаться под кусты мимозы, Буратино проговорил шерстяным голосом, так как рот его был заткнут колпачком:

- Шашкаживай...

- Так вот, - однажды ночью шумел ветер...

- Про это ты уже шашкаживал...

- Так вот, - продолжал Пьеро, - я, понимаешь, не сплю и вдруг слышу: в окно кто-то громко постучался.

Синьор Карабас Барабас заворчал:

- Кого это принесло в такую собачью погоду?

- Это я - Дуремар - ответили за окном, - продавец лечебных пиявок. Позвольте мне обсушиться у огня.

Мне, понимаешь, очень захотелось посмотреть, какие бывают продавцы лечебных пиявок. Я потихоньку отогнул угол занавески и просунул голову в комнату. И - вижу:

Синьор Карабас Барабас поднялся с кресла, наступил, как всегда, на бороду, выругался и открыл дверь.

Вошел длинный, мокрый-мокрый человек с маленьким-маленьким лицом, таким сморщенным, как гриб-сморчок. На нем было старое зеленое пальто, на поясе болтались щипцы, крючки и шпильки. В руках он держал жестяную банку и сачок.

- Если у вас болит живот, - сказал он, кланяясь, будто спина у него была сломана посередине, - если у вас сильная головная боль или стучит в ушах, я могу вам приставить за уши полдюжины превосходных пиявок.

Синьор Карабас Барабас проворчал:

- К черту-дьяволу, никаких пиявок! Можете сушиться у огня сколько влезет.

Дуремар стал спиной к очагу. Сейчас же от его зеленого пальто пошел пар и запахло тинной.

- Плохо идет торговля пиявками, - сказал он опять. - За кусок холодной свинины и стакан вина я готов вам приставить к ляжке дюжину прекраснейших пиявочек, если у вас ломоть в костях...

- К черту-дьяволу, никаких пиявок! - закричал Карабас Барабас. - Ешьте свинину и пейте вино.

Дуремар начал есть свинину, лицо у него сжималось и растягивалось, как резиновое. Поев и выпив, он попросил щепотку табаку.

- Синьор, я сыт и согрет, - сказал он. - Чтобы отплатить за ваше гостеприимство, я вам открою тайну.

Синьор Карабас Барабас посопел трубкой и ответил:

- Есть только одна тайна на свете, которую я хочу знать. На все остальное я плевал и чихал.

- Синьор, - опять сказал Дуремар, - я знаю великую тайну, ее сообщила мне черепаха Тортила.

При этих словах Карабас Барабас выпучил глаза, вскочил, запутался в бороде, полетел прямо на испуганного Дуремара, прижал его к животу и заревел, как бык:

- Любезнейший Дуремар, драгоценнейший Дуремар, говори, говори скорее, что тебе сообщила черепаха Тортила!

Тогда Дуремар рассказал ему следующую историю: "Я ловил пиявок в одном грязном пруду около Города Дураков. За четыре сольдо в день я нанимал одного бедного человека, - он раздевался, заходил в пруд по шею и стоял там, покуда к его голому телу не присасывались пиявки. Тогда он выходил на берег, я собирал с него пиявок и опять посылал его в пруд. Когда мы выловили таким образом достаточное количество, из воды вдруг показалась змеиная голова.

- Послушай, Дуремар, - сказала голова, - ты перепугал все население нашего прекрасного пруда, ты мутишь воду, ты не даешь мне спокойно отдыхать после завтрака... Когда кончится это безобразие?..

Я увидел, что это обыкновенная черепаха, и, нисколько не боясь, ответил:

- Покуда не выловлю всех пиявок в вашей грязной луже...

- Я готова откупиться от тебя, Дуремар, чтобы ты оставил в покое наш пруд и больше никогда не приходил.

Тогда я стал издеваться над черепахой:

- Ах ты, старый плавучий чемодан, глупая тетка Тортила, чем ты можешь от меня откупиться? Разве своей костяной крышкой, куда прячешь лапы и голову... Я бы продал твою крышку на гребешки...

Черепаха позеленела от злости и сказала мне:

- На дне пруда лежит волшебный ключик... Я знаю одного человека, - он готов сделать все на свете, чтобы получить этот ключик..."

Не успел Дуремар произнести эти слова, как Карабас Барабас завопил что есть мочи:

- Этот человек - я! я! я! Любезнейший Дуремар, так отчего же ты не взял у Черепахи ключик?

- Вот еще! - ответил Дуремар и собрал морщинами все лицо, так что оно стало похоже на вареный сморчок. - Вот еще! - променять превосходнейших пиявок на какой-то ключик... Короче говоря, мы разругались с черепахой, и она, подняв из воды лапу, сказала:

- Клянусь - ни ты и никто другой не получают волшебного ключика. Клянусь - его получит только тот человек, кто заставит все население пруда просить меня об этом...

С поднятой лапой черепаха погрузилась в воду.

- Не теряя секунды, бежать в Страну Дураков! - закричал Карабас Барабас, торопливо засовывая конец бороды в карман, хватая шапку и фонарь. - Я сяду на берег пруда. Я буду умильно улыбаться. Я буду умолять лягушек, головастика, водяных жуков, чтобы они просили черепаху... Я обещаю им полтора миллиона самых жирных мух... Я буду рыдать, как одинокая корова, стонать, как больная курица, плакать, как крокодил. Я стану на колени перед самым маленьким лягушонком... Ключик должен быть у меня! Я пойду в город, я войду в один дом, я проникну в комнату под лестницей... Я отыщу маленькую дверцу, - мимо нее все ходят, и никто не замечает ее. Всуну ключик в замочную скважину...

- В это время, понимаешь, Буратино, - рассказывал Пьеро, сидя под мимозой на прелых листьях, - мне так стало интересно, что я весь высунулся из-за занавески. Синьор Карабас Барабас увидел меня.

- Ты подслушиваешь, негодяй! - И он кинулся, чтобы схватить меня и бросить в огонь, но опять запутался в бороде и со страшным грохотом, опрокидывая стулья, растянулся на полу.

Не помню, как я очутился за окном, как перелез через изгородь. В темноте шумел ветер и хлестал дождь.

Над моей головой черная туча осветилась молнией, и в десяти шагах позади я увидел бегущих Карабаса Барабаса и продавца пиявок... Я подумал: "Погиб", споткнулся, упал на что-то мягкое и теплое, схватился за чьи-то уши...

Это был серый заяц. Он со страху заверещал, высоко подскочил, но я крепко держал его за уши, и мы поскакали в темноте через поля, виноградники, огороды.

Когда заяц уставал и садился, обиженно жуя раздвоенной губой, я целовал его в лобик.

- Ну пожалуйста, ну еще немножко поскачем, серенький...

Заяц вздыхал, и опять мы мчались неизвестно куда-то вправо, то влево...

Когда тучи разнесло и взошла луна, я увидел под горой городишко с покосившимися в разные стороны колокольнями.

По дороге к городу бежали Карабас Барабас и продавец пиявок.

Заяц сказал:

- Эхе-хе, вот оно, заячье счастье! Они идут в Город Дураков, чтобы нанять полицейских собак. Готово, мы пропали!

Заяц упал духом. Уткнулся носом в лапки и повесил уши.

Я просил, я плакал, я даже кланялся ему в ноги. Заяц не шевелился.

Но когда из города выскочили галопом два курносых бульдога с черными повязками на правых лапах, заяц мелко задрожал всей кожей, - я едва успел вскочить на него верхом, и он дал отчаянного стрекача по лесу... Остальное ты сам видел, Буратино.

Пьеро окончил рассказ, и Буратино спросил его осторожно:

- А в каком доме, в какой комнате под лестницей находится дверца, которую отпирает ключик?

- Карабас Барабас не успел рассказать об этом... Ах, не все ли нам равно, - ключик на дне озера... Мы никогда не увидим счастья...

- А это ты видел? - крикнул ему в ухо Буратино. И, вытащив из кармана ключик, повертел им перед носом Пьеро. - Вот он!

Буратино и Пьеро приходят к Мальвине, но им сейчас же приходится бежать вместе с Мальвиной и пуделем Артемоном

Когда солнце поднялось над скалистой горной вершиной, Буратино и Пьеро вылезли из-под куста и побежали через поле, по которому вчера ночью летучая мышь увела Буратино из дома девочки с голубыми волосами в Страну Дураков.

На Пьеро смешно было смотреть, - так он спешил поскорее увидеть Мальвину.

- Послушай, - спрашивал он через каждые пятнадцать секунд, - Буратино, а что, она мне обрадуется?

- А я почему знаю...

Через пятнадцать секунд опять:

- Послушай, Буратино, а вдруг она не обрадуется?

- А я почему знаю...

Наконец они увидели белый домик с нарисованными на ставнях солнцем, луной и звездами. Из трубы поднимался дымок. Выше его плыло небольшое облако, похожее на кошачью голову.

Пудель Артемон сидел на крыльце и время от времени рычал на это облако.

Буратино не очень хотелось возвращаться к девочке с голубыми волосами. Но он был голоден и еще издали потянул носом запах кипяченого молока.

- Если девчонка опять надумает нас воспитывать, напьемся молока, - и ни о чем я здесь не останусь.

В это время Мальвина вышла из домика. В одной руке она держала фарфоровый кофейник, в другой - корзиночку с печеньем.

Глаза у нее все еще были заплаканные, - она была уверена, что крысы утащили Буратино из чулана и съели.

Только она уселась за кукольный стол на песчаной дорожке, - лазоревые цветы заколебались, бабочки поднялись над ними, как белые и желтые листья, и появились Буратино и Пьеро.

Мальвина так широко раскрыла глаза, что оба деревянных мальчика могли бы свободно туда прыгнуть.

Пьеро при виде Мальвины начал бормотать слова - столь бессвязные и глупые, что мы их здесь не приводим.

Буратино сказал как ни в чем не бывало:

- Вот я его привел, - воспитывайте...

Мальвина наконец поняла, что это не сон.

- Ах, какое счастье! - прошептала она, но сейчас же прибавила взрослым голосом: - Мальчики, ступайте немедленно мыться и чистить зубы. Артемон, проводи мальчиков к колодцу.

- Ты видел, - проворчал Буратино, - у нее бзик в голове - мыться, чистить зубы! Кого угодно со света сживет чистотой...

Все же они помылись. Артемон кисточкой на конце хвоста почистил им курточки...

Сели за стол. Буратино набивал еду за обе щеки. Пьеро даже не надкусил ни кусочка пирожного; он глядел на Мальвину так, будто она была сделана из миндального теста. Ей это наконец надоело.

- Ну, - сказала она ему, - что вы такое увидели у меня на лице? Завтракайте, пожалуйста, спокойно.

- Мальвина, - ответил Пьеро, - я давно уже ничего не ем, я сочиняю стихи...

Буратино затрясся от смеха.

Мальвина удивилась и опять широко раскрыла глаза.

- В таком случае - почитайте ваши стишки.

Хорошенькой рукой она подперла щеку и подняла хорошенькие глаза к облаку, похожему на кошачью голову.

Пьеро начал читать стишки с таким завываньем, будто он сидел на дне глубокого колодца:

Мальвина бежала в чужие края,

Мальвина пропала, невеста моя...

Рыдаю, не знаю - куда мне деваться...

Не лучше ли с кукольной жизнью расстаться?

Не успел Пьеро прочитать, не успела Мальвина похвалить стишки, которые ей очень понравились, как на песчаной дорожке появилась жаба.

Страшно выпучив глаза, она проговорила:

- Сегодня ночью выжившая из ума черепаха Тортила рассказала Карабасу Барабасу все про золотой ключик...

Мальвина испуганно вскрикнула, хотя ничего не поняла. Пьеро, рассеянный, как все поэты, произнес несколько бестолковых восклицаний, которые мы здесь не приводим. Зато Буратино сразу вскочил и начал засовывать в карманы печенье, сахар и конфеты.

- Бежим как можно скорее. Если полицейские собаки приведут сюда Карабаса Барабаса - мы погибли.

Мальвина побледнела, как крыло белой бабочки. Пьеро, подумав, что она умирает, опрокинул на нее кофейник, и хорошенькое платье Мальвины оказалось залитым какао.

Подскочивший с громким лаем Артемон, - а ему-то приходилось стирать Мальвинины платья, - схватил Пьеро за шиворот и начал трясти, покуда Пьеро не проговорил, заикаясь:

- Довольно, пожалуйста...

Жаба глядела выпученными глазами на эту суету и опять сказала:

- Карабас Барабас с полицейскими собаками будет здесь через четверть часа.

Мальвина побежала переодеваться. Пьеро отчаянно заламывал руки и пробовал даже бросаться навзничь на песчаную дорожку.

Артемон тащил узлы с домашними вещами. Двери хлопали. Воробьи отчаянно тараторили на кусте. Ласточки проносились над самой землей. Сова для увеличения паники дико захохотала на чердаке.

Один Буратино не растерялся. Он навьючил на Артемона два узла с самыми необходимыми вещами. На узлы посадили Мальвину, одетую в хорошенькое дорожное платье. Пьеро он велел держаться за собачий хвост. Сам стал впереди:

- Никакой паники! Бежим!

Когда они, - то есть Буратино, мужественно шагающий впереди собаки, Мальвина, подпрыгивающая на узлах, и позади Пьеро, начиненный вместо здравого смысла глупыми стихами, - когда они вышли из густой травы на гладкое поле, - из леса высунулась всклокоченная, борода Карабаса Барабаса. Он ладонью защитил глаза от солнца и оглядывал окрестность.

Страшный бой на опушке леса

Синьор Карабас держал на привязи двух полицейских собак. Увидев на ровном поле беглецов, он разинул зубастый рот.

- Ага! - закричал он и спустил собак.

Свирепые псы сначала стали кидать задними лапами землю. Они даже не рычали, они даже глядели в другую сторону, а не на беглецов, - так гордились своей силой. Потом псы медленно пошли к тому месту, где в ужасе остановились Буратино, Артемон, Пьеро и Мальвина.

Казалось, все погибло. Карабас Барабас косолапо шел вслед за полицейскими псами. Борода его поминутно вылезала из кармана куртки и путалась под ногами.

Артемон поджал хвост и злобно рычал. Мальвина трясла руками:

- Боюсь, боюсь!

Пьеро опустил рукава и глядел на Мальвину, уверенный, что все кончено.

Первым опомнился Буратино.

- Пьеро, - закричал он, - бери за руку девчонку, бегите к озеру, где лебеди!.. Артемон, скидывай тюки, снимай часы, - будешь драться!..

Мальвина, едва только услышала это мужественное распоряжение, соскочила с Артемона и, подобрав платье, побежала к озеру. Пьеро - за ней.

Артемон сбросил тюки, снял с лапы часы и бант с кончика хвоста. Оскалил белые зубы и прыгнул влево, прыгнул вправо, расправляя мускулы, и тоже стал с оттяжкой кидать задними ногами землю.

Буратино взобрался по смолистому стволу на вершину итальянской сосны, одиноко стоявшей на поле, и оттуда закричал, завыл, запищал во всю глотку:

- Звери, птицы, насекомые! наших бьют! Спасайте ни в чем не виноватых деревянных человечков!..

Полицейские бульдоги будто бы только сейчас увидели Артемона и разом кинулись на него. Ловкий пудель увернулся и зубами тяпнул одного пса за огрызок хвоста, другого за ляжку.

Бульдоги неуклюже повернулись и снова кинулись на пуделя. Он высоко подскочил, пропустив их под собой, и опять успел ободрать одному бок, другому - спину.

В третий раз бросились на него бульдоги. Тогда Артемон, опустив хвост по траве, помчался кругами по полю, то подпуская близко полицейских псов, то кидаясь в сторону перед самым их носом...

Курносые бульдоги теперь по-настоящему обозлились, засопели, бежали за Артемоном не спеша, упрямо, готовые лучше сдохнуть, но добраться до горла суетливого пуделя.

Тем временем Карабас Барабас подошел к итальянской сосне, схватил за ствол и начал трясти:

- Слезай, слезай!

Буратино руками, ногами, зубами уцепился за ветку. Карабас Барабас затряс дерево так, что закачались все шишки на ветвях.

На итальянской сосне шишки - колючие и тяжелые, величиной с небольшую дыню. Наладить такой шишкой по голове - так ой-ой!

Буратино едва держался на качающейся ветке. Он видел, что Артемон уже высунул язык красной тряпкой и скачет все медленнее.

- Отдавай ключик! - заорал Карабас Барабас, разинув пасть.

Буратино пополз по ветке, добрался до здоровенной шишки и начал перекусывать стебель, на котором она висела. Карабас Барабас потрянул сильнее, и тяжелая шишка полетела вниз, - бах! - прямо ему в зубастую пасть.

Карабас Барабас даже присел.

Буратино отодрал вторую шишку, и она - бах! - Карабасу Барабасу прямо в темя, как в барабан.

- Наших бьют! - опять закричал Буратино. - На помощь ни в чем не виноватым деревянным человечкам!

Первыми на помощь прилетели стрижи, - бреющим полетом начали стричь воздух перед носом у бульдогов.

Псы напрасно щелкали зубами, - стриж не муха: как серая молния - ж-жик мимо носа!

Из облака, похожего на кошачью голову, упал черный коршун - тот, что обыкновенно приносил Мальвине дичь; он вонзил когти в спину полицейской собаки, взмыл на великолепных крыльях, поднял пса и выпустил его...

Пес, визжа, шлепнулся кверху лапами.

Артемон сбоку налетел на другого пса, ударил его грудью, повалил, укусил, отскочил...

И опять помчались по полю вокруг одинокой сосны Артемон и за ним помятые и покусанные полицейские псы.

На помощь Артемону шли жабы. Они тащили двух ужей, ослепших от старости. Ужам все равно нужно было помирать - либо под гнилым пнем, либо в желудке у цапли. Жабы уговорили их погибнуть геройской смертью.

Благородный Артемон решил теперь вступить в открытый бой. Сел на хвост, оскалил клыки.

Бульдоги налетели на него, и все втроем покатались клубком.

Артемон щелкал челюстями, драл когтями. Бульдоги, не обращая внимания на укусы и царапины, ждали одного: добраться до Артемонова горла - мертвой хваткой. Визг и вой стояли по всему полю.

На помощь Артемону шло семейство ежей: сам еж, ежиха, ежова теща, две ежовы незамужние тетки и маленькие еженята.

Летели, гудели толстые черно-бархатные шмели в золотых плащах, шипели крыльями свирепые шершни. Ползли жужелицы и кусачие жуки с длинными усами.

Все звери, птицы и насекомые самоотверженно накинулись на ненавистных полицейских собак.

Еж, ежиха, ежова теща, две ежовы незамужние тетки и маленькие еженята сворачивались клубком и со скоростью крокетного шара ударяли иголками бульдогов в морду.

Шмели, шершни с налета жалили их отравленными жалами.

Серьезные муравьи не спеша залезали в ноздри и там пускали ядовитую муравьиную кислоту.

Жужелицы и жуки кусали за пупок череп.

Бабочки и мухи плотным облачком толклись перед их глазами, застилая свет.

Жабы держали наготове двух ужей, готовых умереть геройской смертью.

И вот, когда один из бульдогов широко разинул пасть, чтобы вычихнуть ядовитую муравьиную кислоту, старый слепой уж бросился головой вперед ему в глотку и винтом пролез в пищевод. То же случилось и с другим бульдогом: второй слепой уж кинулся ему в пасть. Оба пса, исколотые, изжаленные, исцарапанные, задыхаясь, начали беспомощно кататься по земле. Благородный Артемон вышел из боя победителем.

Тем временем Карабас Барабас вытащил наконец из огромного рта колючую шишку.

От удара по темени у него выпучились глаза. Пошатываясь, он опять схватился за ствол итальянской сосны. Ветер развеивал его бороду.

Буратино заметил, сидя на самой верхушке, что конец бороды Карабаса Барабаса, приподнятой ветром, приклеился к смолистому стволу.

Буратино повис на суку и, дразнясь, запищал:

- Дяденька, не догонишь, дяденька, не догонишь!...

Спрыгнул на землю и начал бегать кругом сосны.

Карабас-Барабас, протянув руки, чтобы схватить мальчишку, побежал за ним, пошатываясь, кругом дерева. Обежал раз, вот-вот уж, кажется, и схватил скрюченными пальцами удирающего мальчишку, обежал другой, обежав в третий раз... Борода его обматывалась вокруг ствола, плотно приклеивалась к смоле.

Когда борода окончилась и Карабас Барабас уперся носом в дерево, Буратино показал ему длинный язык и побежал к Лебединому озеру - искать Мальвину и Пьеро. Потрепанный Артемон на трех лапах, поджав четвертую, ковылял за ним хромой собачьей рысью.

На поле остались два полицейских пса, за жизнь которых, по-видимому, нельзя было дать и дохлой сухой мухи, и растерянный доктор кукольных наук синьор Карабас Барабас, плотно приклеенный бородой к итальянской сосне.

В пещере

Мальвина и Пьеро сидели на сырой теплой кочке в камышах.

Сверху их прикрывала паутиновая сеть, замусоренная стрекозиными крыльями и высосанными комарами.

Маленькие голубые птички, перелетая с камышины на камышину, с веселым изумлением поглядывали на горько плачущую девочку.

Издалека доносились отчаянные вопли и визг, - это Артемон и Буратино, очевидно, дорого продавали свою жизнь.

- Боюсь, боюсь! - повторяла Мальвина и листочком лопуха в отчаянии закрывала мокрое лицо.

Пьеро пытался утешать ее стихами:

Мы сидим на кочке, -

Желтые, приятные,

Очень ароматные.

Будем жить все лето

Мы на кочке этой,

Ах, - в уединении,

Всем на удивление...

Мальвина затопала на него ногами:

- Вы мне надоели, надоели, мальчик! Сорвите свежий лопух, - видите же - этот весь промок и в дырках.

Внезапно шум и визг вдали затихли. Мальвина всплеснула руками:

- Артемон и Буратино погибли...

И бросилась лицом на кочку, в зеленый мох.

Пьеро бестолково затоптался около нее. Ветер тихо посвистывал метелками камыша. Наконец послышались шаги.

Несомненно, это шел Карабас Барабас, чтобы грубо схватить и засунуть в свои бездонные карманы Мальвину и Пьеро. Камыш раздвинулся, - и появился Буратино: нос торчком, рот до ушей.

За ним прихрамывал ободранный Артемон, навьюченный двумя тюками...

- Тоже - захотели со мной драться! - сказал Буратино, не обращая внимания на радость Мальвины и Пьеро. - Что мне кот, что мне лиса, что мне полицейские собаки, что мне сам Карабас Барабас - тьфу! Девчонка, полезай на собаку, мальчишка, держись за хвост. Пошли...

И он мужественно зашагал по кочкам, локтями раздвигая камыш, - кругом озера на ту сторону...

Мальвина и Пьеро не смели даже спросить его, чем кончился бой с полицейскими собаками и почему их не преследует Карабас Барабас.

Когда добрались до того берега озера, благородный Артемон начал скулить и хромать на все лапы. Надо было сделать привал, чтобы перевязать ему раны. Под огромными корнями сосны, растущей на каменистом пригорке, увидели пещеру. Туда втащили тюки, и туда же вполз Артемон. Благородная собака сначала облизывала каждую лапу, потом протягивала ее Мальвине. Буратино рвал Мальвинину старую рубашку на бинты, Пьеро их держал, Мальвина перевязывала лапы.

После перевязки Артемонку поставили градусник, и собака спокойно заснула.

Буратино сказал:

- Пьеро, катись к озеру, принеси воды.

Пьеро послушно поплелся, бормоча стихи и спотыкаясь, по дороге потерял крышку, едва принес воды на дне чайника.

Буратино сказал:

- Мальвина, слетай-ка, набери веток для костра.

Мальвина с укоризной взглянула на Буратино, пожала плечиком - и принесла несколько сухих стебельков.

Буратино сказал:

- Вот наказание с этими, хорошо воспитанными...

Сам принес воды, сам набрал веток и сосновых шишек, сам развел у входа в пещеру костер, такой шумный, что закачались ветви на высокой сосне... Сам сварил какао на воде.

- Живо! Садись завтракать...

Мальвина все это время молчала, поджав губы. Но теперь она сказала очень твердо, взрослым голосом:

- Не думайте, Буратино, что если вы дрались с собаками и победили, спасли нас от Карабаса Барабаса и в дальнейшем вели себя мужественно, то вас это избавляет от необходимости мыть руки и чистить зубы перед едой...

Буратино так и сел: - вот тебе раз! - выпучил глаза на девчонку с железным характером.

Мальвина вышла из пещеры и хлопнула в ладоши:

- Бабочки, гусеницы, жуки, жабы...

Не прошло минуты - прилетели большие бабочки, испачканные цветочной пылью. Приползли гусеницы и угрюмые навозные жуки. На животах пришлепали жабы...

Бабочки, вздыхая крыльями, сели на стены пещеры, чтобы внутри было красиво и обсыпавшаяся земля не попадала в кушанье.

Навозные жуки скатывали в шарики весь мусор на полу пещеры и выкидывали их прочь.

Жирная белая гусеница вползла на голову Буратино и, свесившись с его носа, выдавила немного пасты ему на зубы. Хочешь не хочешь, пришлось их почистить.

Другая гусеница почистила зубы Пьеро.

Появился заспанный барсук, похожий на мохнатого поросенка...

Он брал лапой коричневых гусениц, выдавливал из них коричневую пасту на обувь и хвостом отлично вычистил все три пары башмаков - у Мальвины, Буратино и Пьеро. Почистив, зевнул:

- А-ха-ха, - и ушел вперевалку.

Влетел суетливый, пестрый, веселый удод с красным хохолком, который вставал дыбом, когда он чему-нибудь удивлялся.

- Кого причесать?

- Меня, - сказала Мальвина. - Завейте и причешите, я растрепана...

- А где же зеркало? Послушайте, душечка...

Тогда пучеглазые жабы сказали:

- Мы принесем...

Десять жаб зашлепали животами к озеру. Вместо зеркала они приволокли зеркального карпа, такого жирного и сонного, что ему было все равно, куда его тащат под плавники.

Карпа поставили на хвост перед Мальвиной. Чтобы он не задыхался, ему в рот лили из чайника воду. Суетливый удад завил и причесал Мальвину. Осторожно взял со стены одну из бабочек и припудрил ею девчонкин нос.

- Готово, душечка...

И-ффрр! - пестрым клубком вылетел из пещеры.

Жабы утащили зеркального карпа обратно в озеро. Буратино и Пьеро - хочешь не хочешь - вымыли руки и даже шею. Мальвина разрешила сесть завтракать.

После завтрака, смахнув крошки с колен, она сказала:

- Буратино, мой друг, в прошлый раз мы с вами остановились на диктанте. Продолжим урок...

Буратино захотелось выскочить из пещеры - куда глаза глядят. Но нельзя же было бросить беспомощных товарищей и больную собаку! Он проворчал:

- Письменных принадлежностей не взяли...

- Неправда, взяли, - простонал Артемон. Дополз до узла, зубами развязал его и вытащил пузырек с чернилами, пенал, тетрадь и даже маленький глобус.

- Не держите вставочку судорожно и слишком близко к перу, иначе вы испачкаете пальцы в чернилах, - сказала Мальвина.

Подняла хорошенькие глаза к потолку пещеры на бабочек и...

В это время слышался хруст веток, грубые голоса, - мимо пещеры прошли продавец лечебных пиявок Дуремар и волочащий ноги Карабас Барабас.

На лбу у директора кукольного театра багровела огромная шишка, нос распух, борода - в клочьях и вымазана в смоле.

Охая и отплеываясь, он говорил:

- Они далеко не могли убежать. Они где-нибудь здесь, в лесу.

Несмотря ни на что, Буратино решает вывести у Карабаса Барабаса тайну золотого ключика

Карабас Барабас и Дуремар медленно прошли мимо пещеры.

Во время боя на равнине продавец лечебных пиявок в страхе сидел за кустом. Когда все кончилось, он подождал, куда Артемон и Буратино не скроются в густой траве, и тогда только с большими трудностями отодрал от ствола итальянской сосны бороду Карабаса Барабаса.

- Ну и отделал же вас мальчишка! - сказал Дуремар. - Придется вам приставить к затылку две дюжины самых лучших пиявок...

Карабас Барабас заревел:

- Сто тысяч чертей! Живо в погоню за негодяями!..

Карабас Барабас и Дуремар пошли по следам беглецов. Они раздвигали руками траву, осматривали каждый куст, обшаривали каждую кочку.

Они видели дымок костра у корней старой сосны, но им и в голову не пришло, что в этой пещере скрывались деревянные человечки да еще зажгли костер.

- Этого негодяя Буратино разрежу перочинным ножом на кусочки! - ворчал Карабас Барабас.

Беглецы притаились в пещере.

Что теперь делать? Бежать? Но Артемон, весь забинтованный, крепко спал. Пес должен был спать двадцать четыре часа, чтобы зажили раны. Неужели же бросить благородную собаку одну в пещере? Нет, нет, спастись - так всем вместе, погибать - так всем вместе...

Буратино, Пьеро и Мальвина в глубине пещеры, уткнувшись носами, долго совещались. Решили: прождать здесь до утра, вход в пещеру замаскировать ветками и для скорейшего выздоровления Артемону сделать питательную клизму. Буратино сказал:

- Я все-таки хочу во что бы то ни стало узнать у Карабаса Барабаса, где эта дверца, которую открывает золотой ключик. За дверцей хранится что-нибудь замечательное, удивительное... И оно должно принести нам счастье.

- Боюсь без вас оставаться, боюсь, - простонала Мальвина.

- А Пьеро вам на что?

- Ах, он только читает стишки...

- Я буду защищать Мальвину, как лев, - проговорил Пьеро хриплым голосом, каким разговаривают крупные хищники, - вы меня еще не знаете...

- Молодчина Пьеро, давно бы так!

И Буратино пустился бежать по следам Карабаса Барабаса и Дуремара.

Он их вскоре увидел. Директор кукольного театра сидел на берегу ручья, Дуремар ставил ему на шишку компресс из листьев конского щавеля. Издалека было слышно свирепое урчанье в пустом желудке у Карабаса Барабаса и скучное попискивание в пустом желудке у продавца лечебных пивовок.

- Синьор, нам необходимо подкрепиться, - говорил Дуремар, - поиски негодяев могут затянуться до глубокой ночи.

- Я бы съел сейчас целого поросеночка да парочку уток, - мрачно ответил Карабас Барабас.

Приятели побрели к харчевне "Трех пескарей" - ее вывеска виднелась на пригорке. Но скорее, чем Карабас Барабас и Дуремар, припустился туда Буратино, пригибаясь к траве, чтобы его не заметили.

Около дверей харчевни Буратино подкрался к большому петуху, который, найдя зернышко или кусочек цыплячьей кишки, гордо встряхивал красным гребешком, шаркал когтями и с тревогою звал кур на угощение:

- Ко-ко-ко!

Буратино протянул ему на ладони крошки миндального пирожного:

- Угощайтесь, синьор главнокомандующий.

Петух строго взглянул на деревянного мальчишку, но не удержался и клюнул его в ладонь.

- Ко-ко-ко!..

- Синьор главнокомандующий, мне нужно бы пройти в харчевню, но так, чтобы хозяин меня не заметил. Я спрячусь за ваш великолепный разноцветный хвост, и вы доведете меня до самого очага. Ладно?

- Ко-ко! - еще более гордо произнес петух.

Он ничего не понял, но, чтобы не показать, что ничего не понял, важно пошел к открытой двери харчевни. Буратино схватил его под крылья за бока, прикрылся его хвостом и на корточках пробрался на кухню, к самому очагу, где суеился плешивый хозяин харчевни, крутя на огне вертела и сковороды.

- Пошел прочь, старое бульонное мясо! - крикнул на петуха хозяин и так поддал ногой, что петух - ку-дах-тах-тах! - с отчаянным криком вылетел на улицу к перепуганным курам.

Буратино, незамеченный, шмыгнул мимо ног хозяина и присел за большим глиняным кувшином.

В это время слышались голоса Карабаса Барабаса и Дуремара.

Хозяин, низко кланяясь, вышел им навстречу.

Буратино влез внутрь глиняного кувшина и там притаился.

Буратино узнает тайну золотого ключика

Карабас Барабас и Дуремар подкреплялись жареным поросеночком. Хозяин подливал вина в стаканы.

Карабас Барабас, обсасывая пороссячью ногу, сказал хозяину:

- Дрянь у тебя вино, налей-ка мне вон из того кувшина! - И указал костью на кувшин, где сидел Буратино.

- Синьор, этот кувшин пуст, - ответил хозяин.

- Врешь, покажи.

Тогда хозяин поднял кувшин и перевернул его. Буратино изо всей силы уперся локтями в бока кувшина, чтобы не вывалиться.

- Там что-то чернеется, - прохрипел Карабас Барабас.

- Там что-то белеется, - подтвердил Дуремар.

- Синьоры, чирей мне на язык, прострел мне в поясницу - кувшин пуст!

- В таком случае, ставь его на стол - мы будем кидать туда кости.

Кувшин, где сидел Буратино, поставили между директором кукольного театра и продавцом лечебных пиявок. На голову Буратино посыпались обглоданные кости и корки.

Карабас Барабас, выпив много вина, протянул к огню очага бороду, чтобы с нее капала налипшая смола.

- Положу Буратино на ладонь, - хвастливо говорил он, - другой ладонью прихлопну, - мокрое место от него останется.

- Негодяй вполне этого заслуживает, - подтверждал Дуремар, - но сначала к нему хорошо бы приставить пиявок, чтобы они высосали всю кровь...

- Нет! - стучал кулаком Карабас Барабас. - Сначала я отниму у него золотой ключик...

В разговор вмешался хозяин, - он уже знал про бегство деревянных человечков.

- Синьор, вам нечего утомлять себя поисками. Сейчас я позову двух расторопных ребят, - покуда вы подкрепляетесь вином, они живо обыщут весь лес и притащат сюда Буратино.

- Ладно. Посылай ребят, - сказал Карабас Барабас, подставляя к огню огромные подошвы. И так как он был уже пьян, то во всю глотку запел песню:

Мой народец странный,

Глупый, деревянный.

Кукольный владыка,

Вот кто я, поди-ка...

Грозный Карабас,

Славный Барабас...

Куклы предо мною

Стелются травой.

Будь ты хоть красотка -

У меня есть плетка,

Плетка в семь хвостов,

Плетка в семь хвостов.

Погрожу лишь плеткой -

Мой народец кроткий

Песни распевает,

Денежки собирает

В мой большой карман,

В мой большой карман...

Тогда Буратино завывающим голосом проговорил из глубины кувшина:

- Открой тайну, несчастный, открой тайну!..

Карабас Барабас от неожиданности громко щелкнул челюстями и выпучился на Дуремара.

- Это ты?

- Нет, это не я...

- Кто же сказал, чтобы я открыл тайну?

Дуремар был суеверен; кроме того, он тоже выпил много вина. Лицо у него посинело и сморщилось от страха, как гриб-сморчок.

Глядя на него, и Карабас Барабас застучал зубами.

- Открой тайну, - опять завыл таинственный голос из глубины кувшина, - иначе не сойдешь с этого стула, несчастный!

Карабас Барабас попытался вскочить, но не мог даже приподняться.

- Как-ка-какую та-та-тайну? - спросил он заикаясь.

Голос ответил:

- Тайну черепахи Тортилы.

От ужаса Дуремар медленно полез под стол. У Карабаса Барабаса отвалилась челюсть.

- Где находится дверь, где находится дверь? - будто ветер в трубе в осеннюю ночь, провыл голос...

- Отвечу, отвечу, замолчи, замолчи! - прошептал Карабас Барабас. - Дверь - у старого Карло в каморке, за нарисованным очагом...

Едва он произнес эти слова, со двора вошел хозяин.

- Вот надежные ребята, за деньги они приведут к вам, синьор, хоть самого черта...

И он указал на стоящих на пороге лису Алису и кота Базилио.

Лиса почтительно сняла старую шляпу:

- Синьор Карабас Барабас подарит нам на бедность десять золотых монет, и мы отдадим вам в руки негодяя Буратино, не сходя с этого места.

Карабас Барабас залез под бороду в жилетный карман, вынул десять золотых.

- Вот деньги, а где Буратино?

Лиса несколько раз пересчитала монеты, вздохнула, отдавая половину коту, и указала лапой:

- Он в этом кувшине, синьор, у вас под носом...

Карабас Барабас схватил со стола кувшин и бешено швырнул его о каменный пол. Из осколков и кучи обглоданных костей выскочил Буратино. Пока все стояли, разинув рты, он, как стрела, кинулся из харчевни на двор - прямо к петуху, который гордо рассматривал то одним глазом, то другим дохлого червячка.

- Это ты меня предал, старый котлетный фарш! - свирепо вытянув нос, сказал ему Буратино. - Ну, теперь лупи что есть духу...

И он плотно вцепился в его генеральский хвост. Петух, ничего не понимая, растопырил крылья и пустился бежать на голенастых ногах. Буратино - в вихре - за ним, - под гору, через дорогу, по полю, к лесу.

Карабас Барабас, Дуремар и хозяин харчевни опомнились наконец от удивления и выбежали вслед за Буратино. Но сколько они ни оглядывались, его нигде не было видно, только вдалеке по полю лупил что есть духу петух. Но так как всем было известно, что он дурак, то на этого петуха никто не обратил внимания.

Буратино первый раз в жизни приходит в отчаяние, но все кончается благополучно

Глупый петух умирался, едва бежал, разинув клюв. Буратино отпустил наконец его помятый хвост.

- Ступай, генерал, к своим курам...

И один пошел туда, где сквозь листву ярко блестело Лебединое озеро.

Вот и сосна на каменистом пригорке, вот и пещера. Вокруг разбросаны наломанные ветки. Трава примята следами колес.

У Буратино отчаянно забилося сердце. Он соскочил с пригорка, заглянул под корявые корни...

Пещера была пуста!!!

Ни Мальвины, ни Пьеро, ни Артемона.

Только валялись две тряпочки. Он их поднял, - это были оторванные рукава от рубашки Пьеро.

Друзья кем-то похищены! Они погибли! Буратино упал ничком, - нос его глубоко воткнулся в землю.

Он только теперь понял, как дороги ему друзья. Пусть Мальвина занимается воспитанием, пусть Пьеро хоть тысячу раз подряд читает стишки, - Буратино отдал бы даже золотой ключик, чтобы увидеть снова друзей.

Около его головы бесшумно поднялся рыхлый бугорок земли, вылез бархатный крот с розовыми ладонями, пискляво чихнул три раза и сказал:

"- Я слеп, но я отлично слышу. Сюда подъезжала тележка, запряженная овцами. В ней сидел Лис, губернатор Города Дураков, и сыщики. Губернатор приказал:

- Взять негодяев, которые поколотили моих лучших полицейских при исполнении обязанностей! Взять!

Сыщики ответили:

- Тяф!

Бросились в пещеру, и там началась отчаянная возня. Твоих друзей связали, кинули в тележку вместе с узлами и уехали."

Что за польза была лежать, завязив нос в земле! Буратино вскочил и побежал по следам колес. Обогнул озеро, вышел на поле с густой травой. Шел, шел... У него не было никакого плана в голове. Надо спасти товарищей, - вот и все. Дошел до обрыва, откуда позапрошлой ночью сорвался в лопухи. Внизу увидел грязный пруд, где жила черепаха Тортила. По дороге к пруду спускалась тележка; ее тащили две худые, как скелеты, овцы с ободранной шерстью.

На козлах сидел жирный кот, с надутыми щеками, в золотых очках, - он служил при губернаторе тайным нашептывателем в ухо. Позади него - важный Лис, губернатор... На узлах лежали Мальвина, Пьеро и весь забинтованный Артемон, - всегда такой расчесанный хвост его волочился кисточкой по пыли.

Позади тележки шли два сыщика - добермана-пинчера.

Вдруг сыщики подняли собачьи морды и увидели на верху обрыва белый колпачок Буратино.

Сильными прыжками пинчеры начали взбираться по крутому косоугору. Но прежде чем они доскакали до верха, Буратино, - а ему уже никуда не скрыться, не убежать, - сложил руки над головой и - ласточкой - с самого крутого места кинулся вниз, в грязный пруд, затянутый зеленой ряской.

Он описал в воздухе кривую и, конечно, угодил бы в пруд под защиту тетке Тортилы, если бы не сильный порыв ветра.

Ветер подхватил легонького деревянного Буратино, закружил, завертел его "двойным штопором", швырнул в сторону, и он, падая, шлепнулся прямо в тележку, на голову губернатора Лиса.

Жирный кот в золотых очках от неожиданности свалился с козел, и так как он был подлец и трус, то притворился, что упал в обморок.

Губернатор Лис, тоже отчаянный трус, с визгом кинулся удирать по косогору и тут же залез в барсучью нору. Там ему пришлось не сладко: барсуки сурово расправляются с такими гостями.

Овцы шарахнулись, тележка опрокинулась, Мальвина, Пьеро и Артемон вместе с узлами покатались в лопухи.

Все это произошло так быстро, что вы, дорогие читатели, не успели бы сосчитать всех пальцев на руке.

Доберманы-пинчеры огромными прыжками кинулись вниз с обрыва. Подскочив к опрокинутой тележке, увидели жирного кота в обмороке. Увидели в лопухах валяющихся деревянных человечков и забинтованного пуделя. Но нигде не было видно губернатора Лиса. Он исчез, - будто сквозь землю провалился тот, кого сыщики должны охранять, как зеницу ока.

Первый сыщик, подняв морду, издал собачий вопль отчаяния.

Второй сыщик сделал то же самое:

- Ай, ай, ай, ай-у-у-у!..

Они кинулись и обыскали весь косогор. Снова тоскливо взвыли, потому что им уже мерещились плетка и железная решетка.

Униженно виляя задами, они побежали в Город Дураков, чтобы наврать в полицейском отделении, будто губернатор был взят на небо живым, - так по дороге они придумали в свое оправданье.

Буратино потихоньку ощупал себя, - ноги, руки были целы. Он пополз в лопухи и освободил от веревок Мальвину и Пьеро.

Мальвина, не говоря ни слова, обхватила Буратино за шею, но поцеловать не могла - помешал его длинный нос.

У Пьеро по локоть были оторваны рукава, белая пудра осыпалась со щек, и оказалось, что щеки у него обыкновенные - румяные, несмотря на его любовь к стихам.

- Я здорово дрался, - грубым голосом сказал он. - Кабы мне не дали подножку - нипочем бы меня не взять.

Мальвина подтвердила:

- Он дрался, как лев.

Она обхватила Пьеро за шею и поцеловала в обе щеки.

- Довольно, довольно лизаться, - проворчал Буратино, - бежимте. Артемона потащим за хвост.

Они ухватились все трое за хвост несчастной собаки и потащили ее по кособору наверх.

- Пустите, я сам пойду, мне так унижительно, - стонал забинтованный пудель.

- Нет, нет, ты слишком слаб.

Но едва они взобрались до половины кособора, наверху показались Карабас Барабас и Дуремар. Лиса Алиса показывала лапой на беглецов, кот Базилио щетинил усы и отвратительно шипел.

- Ха-ха-ха, вот так ловко! - захохотал Карабас Барабас. - Сам золотой ключик идет мне в руки!

Буратино торопливо придумывал, как выпутаться из новой беды. Пьеро прижал к себе Мальвину, намереваясь дорого продать жизнь. На этот раз не было никакой надежды на спасение.

Дуремар хихикал наверху кособора.

- Больную собачку-пуделя, синьор Карабас Барабас, вы мне отдайте, я ее брошу в пруд пиявочкам, чтобы мои пиявочки разжирели...

Толстому Карабасу Барабасу лень было спускаться вниз, он манил беглецов пальцем, похожим на сардельку:

- Идите, идите ко мне, деточки...

- Ни с места! - приказал Буратино. - Погибать - так весело! Пьеро, говори какие-нибудь свои самые гадкие стишки. Мальвина, хохочи во всю глотку...

Мальвина, несмотря на некоторые недостатки, была хорошим товарищем. Она вытерла слезы и засмеялась очень обидно для тех, кто стоял на верху кособора.

Пьеро сейчас же сочинил стихи и завыв неприятным голосом:

Лису Алису жалко -

Плачет по ней палка.

Кот Базилио нищий -

Вор, гнусный котище.

Дуремар, наш дурачок, -

Безобразнейший сморчок.

Карабас ты Барабас,

Не боимся очень вас...

В то же время Буратино кривлялся и дразнился:

- Эй ты, директор кукольного театра, старый пивной бочонок, жирный мешок, набитый глупостью, спустись, спустись к нам, - я тебе наплюю в драную бороду!

В ответ Карабас Барабас страшно зарычал, Дуремар поднял тощие руки к небу.

Лиса Алиса криво усмехнулась:

- Разрешите свернуть шеи этим нахалам?

Еще минута, и все было бы кончено... Вдруг со свистом примчались стрижи:

- Здесь, здесь, здесь!..

Над головой Карабаса Барабаса пролетела сорока, громко тараторя:

- Скорее, скорее, скорее!..

И на верху косогора появился старый папа Карло. Рукава у него были засучены, в руке - сучковатая палка, брови нахмурены...

Он плечом толкнул Карабаса Барабаса, локтем - Дуремара, дубинкой вытянул по спине лису Алису, сапогом швырнул в сторону кота Базилио...

После этого, нагнувшись и глядя с косогора вниз, где стояли деревянные человечки, сказал радостно:

- Сын мой, Буратино, плутишка, ты жив и здоров, - иди же скорее ко мне!

Буратино наконец возвращается домой вместе с папой Карло, Мальвиной, Пьеро и Артемоном

Неожиданное появление Карло, его дубинка и нахмуренные брови навели ужас на негодяев.

Лиса Алиса уползла в густую траву и там дала стрекача, иногда лишь останавливаясь, чтобы поежиться после удара дубинкой. Кот Базилио, отлетев шагов на десять, шипел от злости, как проткнутая велосипедная шина.

Дуремар подобрал полы зеленого пальто и полез с косогора вниз, повторяя:

- Я ни при чем, я ни при чем...

Но на крутом месте сорвался, покатился и с ужасным шумом и плеском шлепнулся в пруд.

Карабас Барабас остался стоять, где стоял. Он только втянул всю голову до макушки в плечи; борода его висела, как пакля.

Буратино, Пьеро и Мальвина взобрались наверх. Папа Карло брал их поодиночке на руки, грозил пальцем:

- Вот я вас ужо, баловники!

И клал за пазуху.

Потом он спустился на несколько шагов с косогора и присел над несчастной собакой. Верный Артемон поднял морду и лизнул Карло в нос. Буратино тотчас высунулся из-за пазухи:

- Папа Карло, мы без собаки домой не пойдем.

- Э-хе-хе, - ответил Карло, - тяжеленько будет, ну да уж как-нибудь донесу вашего песика.

Он взвалил Артемона на плечо и, отдуваясь от тяжелого груза, полез наверх, где, все так же втянув голову, выпучив глаза, стоял Карабас Барабас.

- Куклы мои... - проворчал он.

Папа Карло ответил ему сурово:

- Эх, ты! С кем на старости лет связался, - с известными всему свету жуликами, с Дуремаром, с котом, с лисой. Маленьких обижаете! Стыдно, доктор!

И Карло пошел по дороге в город.

Карабас Барабас со втянутой головой шел за ним следом.

- Куклы мои, отдай!..

- Нипочем не отдавай! - завопил Буратино, высовываясь из-за пазухи.

Так шли, шли. Миновали харчевню "Трех пескарей", где, в дверях кланялся плешивый хозяин, показывая обеими руками на шипящие сковородки.

Около дверей взад и вперед, взад и вперед расхаживал петух с выдранном хвостом и возмущенно рассказывал о хулиганском поступке Буратино. Куры сочувственно поддакивали:

- Ах-ах, какой страх! Ух-ух, наш петух!..

Карло поднялся на холм, откуда было видно море, кое-где покрытое матовыми полосками от веяния ветерка, у берега - старый городок песочного цвета под знойным солнцем и полотняная крыша кукольного театра.

Карабас Барабас, стоя в трех шагах позади Карло, проворчал:

- Я тебе дам за куклу сто золотых монет, продай.

Буратино, Мальвина и Пьеро перестали дышать - ждали, что скажет Карло.

Он ответил:

- Нет! Если бы ты был добрым, хорошим директором театра, я бы тебе, так и быть, отдал маленьких человечков. А ты - хуже всякого крокодила. Не отдам и не продам, убирайся.

Карло спустился с холма и, уже более не обращая внимания на Карабаса Барабаса, вошел в городок.

Там на пустой площади неподвижно стоял полицейский.

От жары и скуки у него повисли усы, веки слиплись, над треугольной шляпой кружились мухи.

Карабас Барабас вдруг засунул бороду в карман, схватил Карло сзади за рубашку и заорал на всю площадь:

- Держите вора, он украл у меня куклы!..

Но полицейский, которому было жарко и скучно, даже и не пошевелился. Карабас Барабас подскочил к нему, требуя арестовать Карло.

- А ты кто такой? - лениво спросил полицейский.

- Я доктор кукольных наук, директор знаменитого театра, кавалер высших орденов, ближайший друг Тарабарского короля, синьор Карабас Барабас...

- А ты не кричи на меня, - ответил полицейский.

Покуда Карабас Барабас с ним препирался, папа Карло, торопливо стуча палкой по плитам мостовой, подошел к дому, где он жил. Отпер дверь в полутемную каморку под лестницей, снял с плеча Артемона, положил на койку, из-за пазухи вынул Буратино, Мальвину и Пьеро и посадил их рядышком на стол.

Мальвина сейчас же сказала:

- Папа Карло, прежде всего займитесь больной собакой. Мальчики, немедленно мыться...

Вдруг она в отчаянии всплеснула руками:

- А мои платья! Мои новенькие туфельки, мои хорошенькие ленточки остались на дне оврага, в лопухах!..

- Ничего, не горюй, - сказал Карло, - вечером я схожу, принесу твои узлы.

Он заботливо разбинтовал Артемоновы лапы. Оказалось, что раны почти уже зажили и собака не могла пошевелиться только потому, что была голодна.

- Тарелочку овсяной болтушки да косточку с мозгом, - простонал Артемон, - и я готов драться со всеми собаками в городе.

- Ай-ай-ай, - сокрушался Карло, - а у меня дома ни крошки, и в кармане ни сольдо...

Мальвина жалобно всхлипнула. Пьеро тер кулаком лоб, соображая.

- Я пойду на улицу читать стихи, прохожие надают мне кучу сольдо.

Карло покачал головой:

- И будешь ты ночевать, сынок, за бродяжничество в полицейском отделении.

Все, кроме Буратино, приуныли. Он же хитро улыбался, вертелся так, будто сидел не на столе, а на перевернутой кнопке.

- Ребята, довольно хныкать! - Он соскочил на пол и что-то вытащил из кармана. - Папа Карло, возьми молоток, отдели от стены дырявый холст.

И он задранным носом указал на очаг, и на котелок над очагом, и на дым, нарисованные на куске старого холста.

Карло удивился:

- Зачем, сынок, ты хочешь сдирать со стены такую прекрасную картину? В зимнее время я смотрю на нее и воображаю, что это настоящий огонь и в котелке настоящая баранья похлебка с чесноком, и мне становится немного теплее.

- Папа Карло, даю честное кукольное слово, - у тебя будет настоящий огонь в очаге, настоящий чугунный котелок и горячая похлебка. Сдери холст.

Буратино сказал это так уверенно, что папа Карло почесал в затылке, покачал головой, покряхтел, покряхтел, - взял клещи и молоток и начал отдирать холст. За ним, как мы уже знаем, все было затянуто паутиной и висели дохлые пауки.

Карло старательно обмел паутину. Тогда стала видна небольшая дверца из потемневшего дуба. На четырех углах на ней были вырезаны смеющиеся рожицы, а посередине - пляшущий человечек с длинным носом.

Когда с него смахнули пыль, Мальвина, Пьеро, папа Карло, даже голодный Артемон воскликнули в один голос:

- Это портрет самого Буратино!

- Я так и думал, - сказал Буратино, хотя он ничего такого не думал и сам удивился. - А вот и ключ от дверцы. Папа Карло, открой...

- Эта дверца и этот золотой ключик, - проговорил Карло, - сделаны очень давно каким-то искусным мастером. Посмотрим, что спрятано за дверцей.

Он вложил ключик в замочную скважину и повернул... Раздалась негромкая, очень приятная музыка, будто заиграл органчик в музыкальном ящике...

Папа Карло толкнул дверцу. Со скрипом она начала открываться.

В это время раздались торопливые шаги за окном, и голос Карабаса Барабаса проревел:

- Именем Тарабарского короля - арестуйте старого плута Карло!

Карабас Барабас врывается в каморку под лестницей

Карабас Барабас, как мы знаем, тщетно старался уговорить сонного полицейского, чтобы он арестовал Карло. Ничего не добившись, Карабас Барабас побежал по улице.

Развевающаяся борода его цеплялась за пуговицы и зонтики прохожих.

Он толкался и лязгал зубами. Вслед ему пронзительно свистели мальчишки, запускали в спину ему гнилыми яблоками.

Карабас Барабас вбежал к начальнику города. В этот жаркий час начальник сидел в саду, около фонтана, в одних трусиках и пил лимонад.

У начальника было шесть подбородков, нос его утонул в розовых щеках. За спиной его, под липой, четверо мрачных полицейских то и дело откупоривали бутылки с лимонадом.

Карабас Барабас бросился перед начальником на колени и, бородой размазывая слезы по лицу, завопил:

- Я несчастный сирота, меня обидели, обокрали, избили...

- Кто тебя, сироту, обидел? - отдуваясь, спросил начальник.

- Злейший враг, старый шарманщик Карло. Он украл у меня три самые лучшие куклы, он хочет сжечь мой знаменитый театр, он подожжет и ограбит весь город, если его сейчас же не арестовать.

В подкрепление своих слов Карабас Барабас вытащил горсть золотых монет и положил в туфлю начальника.

Короче говоря, он такое наплел и наврал, что испуганный начальник приказал четверем полицейским под липой:

- Идите за почтенным сиротой и сделайте все нужное именем закона.

Карабас Барабас побежал с четырьмя полицейскими к каморке Карло и крикнул:

- Именем Тарабарского короля - арестуйте вора и негодяя!

Но двери были закрыты. В камере никто не отозвался. Карабас Барабас приказал:

- Именем Тарабарского короля - ломайте дверь!

Полицейские нажали, гнилые половинки дверей сорвались с петель, и четыре бравых полицейских, гремя саблями, с грохотом свалились в камеру под лестницей.

Это было в ту самую минуту, когда в потайную дверцу в стене, нагнувшись, уходил Карло.

Он скрылся последним. Дверца - дзынь!.. - захлопнулась.

Тихая музыка перестала играть. В камере под лестницей валялись только грязные бинты и рваный холст с нарисованным очагом...

Карабас Барабас подскочил к потайной дверце, заколотил в нее кулаками и каблуками:

- Тра-та-та-та!

Но дверца была прочна.

Карабас Барабас разбежался и ударил в дверцу задом. Дверца не подалась. Он затопал на полицейских:

- Ломайте проклятую дверь именем Тарабарского короля!..

Полицейские ощупывали друг у друга - кто нашлапку на носу, кто шишку на голове.

- Нет, здесь работа очень тяжелая, - ответили они и пошли к начальнику города сказать, что ими все сделано по закону, но старому шарманщику, видимо, помогает сам дьявол, потому что он ушел сквозь стену.

Карабас Барабас рванул себя за бороду, повалился на пол и начал реветь, выть и кататься, как бешеный, по пустой камере под лестницей.

Что они нашли за потайной дверью

Пока Карабас Барабас катался, как бешеный, и рвал на себе бороду, Буратино впереди, а за ним Мальвина, Пьеро, Артемон и - последним - папа Карло спускались по крутой каменной лестнице в подземелье.

Папа Карло держал огарок свечи. Ее колеблющийся огонек отбрасывал от Артемоновой лохматой головы или от протянутой руки Пьеро большие тени, но не мог осветить темноты, куда спускалась лестница.

Мальвина, чтобы не зареветь от страха, щипала себя за уши.

Пьеро, - как всегда, ни к селу ни к городу, - бормотал стишки:

Пляшут тени на стене, -

Ничего не страшно мне.

Лестница пускай крута,

Пусть опасна темнота, -

Все равно подземный путь

Приведет куда-нибудь...

Буратино опередил товарищей, - его белый колпачок едва был виден глубоко внизу.

Вдруг там что-то зашипело, упало, покатилося, и донесся его жалобный голос:

- Ко мне, на помощь!

Мгновенно Артемон, забыв раны и голод, опрокинул Мальвину и Пьеро, черным вихрем кинулся вниз по ступенькам. Лязгнули его зубы. Гнусно взвизгнуло какое-то существо. Все затихло. Только у Мальвины громко, как в будильнике, стучало сердце.

Широкий луч света снизу ударил по лестнице. Огонек свечи, которую держал папа Карло, стал желтым.

- Смотрите, смотрите скорее! - громко позвал Буратино.

Мальвина задом наперед торопливо начала слезать со ступеньки на ступеньку, за ней запрыгал Пьеро. Последним, нагнувшись, сходил Карло, то и дело теряя деревянные башмаки.

Внизу, там, где кончалась крутая лестница, на каменной площадке сидел Артемон. Он облизывался. У его ног валялась задушенная крыса Шушара.

Буратино обеими руками приподнимал истлевший войлок, - им было занавешено отверстие в каменной стене. Оттуда лился голубой свет.

Первое, что они увидели, когда пролезли в отверстие, - это расходящиеся лучи солнца. Они падали со сводчатого потолка сквозь круглое окно.

Широкие лучи с танцующими в них пылинками освещали круглую комнату из желтоватого мрамора. Посреди нее стоял чудной красоты кукольный театр. На занавесе его блестел золотой зигзаг молнии.

С боков занавеса поднимались две квадратные башни, раскрашенные так, будто они были сложены из маленьких кирпичиков. Высокие крыши из зеленой жести ярко блестели.

На левой башне были часы с бронзовыми стрелками. На циферблате против каждой цифры нарисованы смеющиеся рожицы мальчика и девочки.

На правой башне - круглое окошко из разноцветных стекол.

Над этим окошком, на крыше из зеленой жести, сидел Говорящий Сверчок. Когда все, разинув рты, остановились перед чудным театром, сверчок проговорил медленно и ясно:

- Я предупреждал, что тебя ждут ужасные опасности и страшные приключения, Буратино. Хорошо, что все кончилось благополучно, а могло кончиться и неблагоприятно... Так-то...

Голос у сверчка был старый и слегка обиженный, потому что Говорящему Сверчку в свое время все же попало по голове молотком и, несмотря на столетний возраст и природную доброту, он не мог забыть незаслуженной обиды. Поэтому он больше ничего не прибавил, - дернул усиками, точно смахивая с них пыль, и медленно уполз куда-то в одинокую щель - подальше от суеты.

Тогда папа Карло проговорил:

- А я-то думал - мы тут, по крайней мере, найдем кучу золота и серебра, - а нашли всего-навсего старую игрушку.

Он подошел к часам, вделанным в башенку, постучал ногтем по циферблату, и так как сбоку часов на медном гвоздике висел ключик, он взял его и завел часы...

Раздалось громкое тиканье. Стрелки двинулись. Большая стрелка подошла к двенадцати, маленькая - к шести. Внутри башни загудело и зашипело. Часы звонко пробили шесть...

Тотчас на правой башне раскрылось окошко из разноцветных стекол, выскочила заводная пестрая птица и, затрепетав крыльями, пропела шесть раз:

- К нам - к нам, к нам - к нам, к нам - к нам...

Птица скрылась, окошко захлопнулось, заиграла шарманочная музыка. И занавес поднялся...

Никто, даже папа Карло, никогда не видывал такой красивой декорации.

На сцене был сад. На маленьких деревьях с золотыми и серебряными листьями пели заводные скворцы величиной с ноготь.

На одном дереве висели яблоки, каждое из них не больше гречишного зерна. Под деревьями прохаживались павлины и, приподнимаясь на цыпочках, клевали яблоки. На лужайке прыгали и бодались два козленка, а в воздухе летали бабочки, едва заметные глазу.

Так прошла минута. Скворцы замолкли, павлины и козлята попятились за боковые кулисы. Деревья провалились в потайные люки под пол сцены.

На задней декорации начали расходиться тюлевые облака. Показалось красное солнце над песчаной пустыней. Справа и слева, из боковых кулис, выкинулись ветки лиан, похожие на змей, - на одной действительно висела змея-удав. На другой раскачивалось, схватившись хвостами, семейство обезьян.

Это была Африка.

По песку пустыни под красным солнцем проходили звери.

В три скачка промчался гривастый лев, - хотя был он не больше котенка, но страшен.

Переваливаясь, проковылял на задних лапах плюшевый медведь с зонтиком.

Прополз отвратительный крокодил, - его маленькие дрянные глазки притворялись добренькими. Но все же Артемон не поверил и зарычал на него.

Проскакал носорог, - для безопасности на его острый рог был надет резиновый мячик.

Пробежал жираф, похожий на полосатого, рогатого верблюда, изо всей силы вытянувшего шею.

Потом шел слон, друг детей, - умный, добродушный, - помахивал хоботом, в котором держал соевую конфету.

Последней протрусила бочком страшно грязная дикая собака-шакал. Артемон с лаем кинулся на нее, - папе Карло с трудом удалось оттащить его за хвост от сцены.

Звери прошли. Солнце вдруг погасло. В темноте какие-то вещи опустились сверху, какие-то вещи надвинулись с боков. Раздался звук, будто провели смычком по струнам.

Вспыхнули матовые уличные фонарики. На сцене была городская площадь. Двери в домах раскрылись, выбежали маленькие человечки, полезли в игрушечный трамвай. Кондуктор зазвонил, вагоновожатый завертел ручку, мальчишка живо прицепился к колбасе, милиционер засвистел, - трамвай укатился в боковую улицу между высокими домами.

Проехал велосипедист на колесах - не больше блюдечка для варенья. Пробежал газетчик, - вчетверо сложенные листки отрывного календаря - вот какой величины были у него газеты.

Мороженщик прокатил через площадку тележку с мороженым. На балкончики домов выбежали девочки и замахали ему, а мороженщик развел руками и сказал:

- Все съели, приходите в другой раз.

Тут занавес упал, и на нем опять заблестел золотой зигзаг молнии.

Папа Карло, Мальвина, Пьеро не могли опомниться от восхищения. Буратино, засунув руки в карманы, задрал нос, сказал хвастливо:

- Что - видели? Значит, не даром я мокнул в болоте у тетки Тортилы... В этом театре мы поставим комедию - знаете, какую? "Золотой ключик, или Необыкновенные приключения Буратино и его друзей". Карабас Барабас лопнет с досады.

Пьеро потер кулаками наморщенный лоб:

- Я напишу эту комедию роскошными стихами.

- Я буду продавать мороженое и билеты, - сказала Мальвина. - Если вы найдете у меня талант, попробую играть роли хорошеньких девочек...

- Пойдите, ребята, а учиться когда же? - спросил папа Карло.

Все враз ответили:

- Учиться будем утром... А вечером играть в театре...

- Ну, то-то, деточки, - сказал папа Карло, - а уж я, деточки, буду играть на шарманке для увеселения почтенной публики, а если станем разъезжать по Италии из города в город, буду править лошадей да варить баранью похлебку с чесноком...

Артемон слушал, задрал ухо, вертел головой, глядел блестящими глазами на друзей, спрашивал: а ему что делать?

Буратино сказал:

- Артемон будет заведовать бутафорией и театральными костюмами, ему дадим ключи от кладовой. Во время представления он может изображать за кулисами рычание льва, топот носорога, скрип крокодиловых зубов, вой ветра - посредством быстрого верчения хвоста и другие необходимые звуки.

- Ну а ты, ну а ты, Буратино? - спрашивали все. - Кем хочешь быть при театре?

- Чудаки, в комедии я буду играть самого себя и прославлюсь на весь свет!

Новый кукольный театр дает первое представление

Карабас Барабас сидел перед очагом в отвратительном настроении. Сырые дрова едва тлели. На улице лил дождь. Дырявая крыша кукольного театра протекала. У кукол отсырели руки и ноги, на репетициях никто не хотел работать, даже под угрозой плетки в семь хвостов. Куклы уже третий день ничего не ели и зловеще перешептывались в кладовой, висая на гвоздях.

С утра не было продано ни одного билета в театр. Да и кто пошел бы смотреть у Карабаса Барабаса скучные пьесы и голодных, оборванных актеров!

На городской башне часы пробили шесть. Карабас Барабас мрачно побрел в зрительный зал, - пусто.

- Черт бы побрал всех почтеннейших зрителей, - проворчал он и вышел на улицу.

Выйдя, взглянул, моргнул и разинул рот так, что туда без труда могла бы влететь ворона.

Напротив его театра перед большой новой полотняной палаткой стояла толпа, не обращая внимания на сырой ветер с моря.

Над входом в палатку на помосте стоял длинноносый человечек в колпачке, трубил в хрипучую трубу и что-то кричал.

Публика смеялась, хлопала в ладоши, и многие заходили внутрь палатки.

К Карабасу Барабасу подошел Дуремар; от него, как никогда, пахло тиной.

- Э-хе-хе, - сказал он, собирая все лицо в кислые морщины, - никуда дела с лечебными пиявками. Вот хочу пойти к ним, - Дуремар указал на новую палатку, - хочу попроситься у них свечи зажигать или мести пол.

- Чей этот проклятый театр? Откуда он взялся? - прорычал Карабас Барабас.

- Это сами куклы открыли кукольный театр "Молния", они сами пишут пьесы в стихах, сами играют.

Карабас Барабас заскрипел зубами, рванул себя за бороду и зашагал к новой полотняной палатке. Над входом в нее Буратино выкрикивал:

- Первое представление занимательной, увлекательной комедии из жизни деревянных человечков. Истинное происшествие о том, как мы победили всех своих врагов при помощи остроумия, смелости и присутствия духа...

У входа в кукольный театр в стеклянной будочке сидела Мальвина с красивым бантом в голубых волосах и не попевала раздавать билеты желающим посмотреть веселую комедию из кукольной жизни.

Папа Карло в новой бархатной куртке вертел шарманку и весело подмигивал почтеннейшей публике.

Артемон тащил за хвост из палатки лису Алису, которая прошла без билета. Кот Базилио, тоже безбилетный, успел удрать и сидел под дождем на дереве, глядя вниз злыми глазами.

Буратино, надув щеки, затрубил в хрипучую трубу:

- Представление начинается.

И сбежал по лесенке, чтобы играть первую сцену комедии, в которой изображалось, как бедный папа Карло выстреливает из полена деревянного человечка, не предполагая, что это принесет ему счастье.

Последней приползла в театр черепаха Тортила, держа во рту почетный билет на пергаментной бумаге с золотыми уголками.

Представление началось. Карабас Барабас мрачно вернулся в свой пустой театр. Взял плетку в семь хвостов. Отпер дверь в кладовую.

- Я вас, паршивцы, отучу лениться! - свирепо зарычал он.

- Я вас научу заманивать ко мне публику!

Он щелкнул плеткой. Но никто не ответил. Кладовая была пуста. Только на гвоздях висели обрывки веревочек.

Все куклы - и Арлекин, и девочки в черных масках, и колдуны в остроконечных шапках со звездами, и горбуны с носами как огурец, и арапы, и собачки, - все, все, все куклы удрали от Карабаса Барабаса.

Со страшным воем он выскочил из театра на улицу. Он увидел, как последние из его актеров удирали через лужи в новый театр, где весело играла музыка, раздавался хохот, хлопанье в ладоши.

Карабас Барабас успел только схватить бумазейную собачку с пуговицами вместо глаз. Но на него, откуда ни возмись, налетел Артемон, повалил, выхватил собачку и умчался с ней в палатку, где за кулисами для голодных актеров была приготовлена горячая баранья похлебка с чесноком.

Карабас Барабас так и остался сидеть в луже под дождем.

29. Свинопас (Урок 38)

<https://deti-online.com/skazki/skazki-andersena/svinopas/>

Жил-был бедный принц. Королевство у него было маленькое-премаленькое, но жениться всё-таки было можно, а жениться-то принцу хотелось.

Разумеется, с его стороны было несколько смело спросить дочь императора: «Пойдёшь за меня?» Впрочем, он носил славное имя и знал, что сотни принцесс с благодарностью ответили бы на его предложение согласием. Да вот, ждите-ка этого от императорской дочки! Послушаем же, как было дело.

На могиле у отца принца вырос розовый куст несказанной красоты; цвёл он только раз в пять лет, и распускалась на нём всего одна-единственная роза. Зато она разливала такой сладкий аромат, что, впивая его, можно было забыть все свои горести и заботы.

Ещё был у принца соловей, который пел так дивно, словно у него в горлышке были собраны все чудеснейшие мелодии, какие только есть на свете. И роза и соловей предназначены были в дар принцессе; их положили в большие серебряные ларцы и отослали к ней.

Император велел принести ларцы прямо в большую залу, где принцесса играла со своими фрейлинами в гости; других занятий у неё не было. Увидав большие ларцы с подарками, принцесса захлопала от радости в ладоши.

— Ах, если бы тут была маленькая киска! — сказала она.

Но появилась прелестная роза.

— Ах, как это мило сделано! — сказали все фрейлины.

— Больше чем мило! — сказал император, — Это прямо недурно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая!

— Фи! — повторили все придворные. — Настоящая!

— Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! — возразил император.

И вот из ларца появился соловей и запел так чудесно, что нельзя было сейчас же найти какого-нибудь недостатка.

— Superbe! Charmant! — сказали фрейлины; все они болтали по-французски, одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает мне органчик покойной императрицы! — сказал один старый придворный. — Да, тот же тон, та же манера давать звук!

— Да! — сказал император и заплакал, как ребёнок.

— Надеюсь, что птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили ей доставившие подарки послы.

— Как можно! — сказала фрейлина.

— Но это superbe! — сказала принцесса, проходя мимо. — Вот так попури! Лучше этого я ничего не слыхала! Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто принцессиных поцелуев! — дoloжила фрейлина, побывав у свинопаса.

— Да что он, в уме? — сказала принцесса и пошла своею дорогой, но сделала два шага и остановилась.

— Надо поощрять искусство! — сказала она. — Я ведь императорская дочь! Скажите ему, что я дам ему по-вчерашнему десять поцелуев, а остальные пусть дополучит с моих фрейлин!

— Ну, нам это вовсе не по вкусу! — сказали фрейлины.

— Пустяки! — сказала принцесса. — Уж если я могу целовать его, то вы и подавно!

Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

И фрейлине пришлось ещё раз отправиться к свинопасу.

— Сто принцессиных поцелуев! — повторил он. — А нет — каждый останется при своём.

— Становитесь вокруг! — скомандовала принцесса, и фрейлины обступили её, а свинопас принялся её целовать.

— Что это за сборище у свинных закуток? — спросил, выйдя на балкон, император, протёр глаза и надел очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задники своих домашних туфель. Туфлями служили ему стоптанные башмаки. Эх ты, ну, как он быстро зашлёпал в них!

Придя на задний двор, он потихоньку подкрался к фрейлинам, а те все были ужасно заняты счётом поцелуев, — надо же было следить за тем, чтобы расплата была честной и свинопас не получил ни больше, ни меньше, чем ему следовало. Никто поэтому не заметил императора, а он привстал на цыпочки.

— Это ещё что за штуки! — сказал он, увидав целующихся, и швырнул в них туфель как раз в ту минуту, когда свинопас получал от принцессы восемьдесят шестой поцелуй. — Вон! — закричал рассерженный император и выгнал из своего государства и принцессу и свинопаса.

Вот вызвался вскоре один королевич взяться за это отважное дело. Его хорошо приняли и вечером отвели в комнату, что находилась рядом с залой-опочивальней. Ему приготовили постель, и он должен был наблюдать, куда королевны уходят и где танцуют; а чтоб ничего они не смогли сделать тайком или уйти куда-нибудь в другое место, то двери в залу были

оставлены открытыми. Но вдруг веки у королевича налились точно свинцом, и он уснул, а когда наутро он проснулся, оказалось, что все двенадцать королевен ходили куда-то танцевать, — туфельки их стояли в зале, но у всех на подошвах были протерты дыры. И на второй, и на третий вечер случилось то же самое: и вот отрубили королевичу без всякой жалости голову. Приходило потом еще много других, которые брались за это отважное дело, но всем им пришлось поплатиться жизнью.

И вот случилось, что один бедный солдат, который был ранен и служить больше не мог, направился в тот самый город, где жил король. Повстречалась ему на пути старуха, она спросила его, куда он идет.

— Да я и сам точно не знаю, — ответил солдат и в шутку добавил: — Есть у меня охота дознаться, где это и в самом деле королевны свои туфли во время танцев стаптывают, — вот, может, я и королем сделаюсь.

— Да это не так-то и трудно, — сказала старуха. — Ты не пей вина, что поднесут тебе вечером, и притворись, будто крепко спишь.

Затем дала она ему небольшой плащ и сказала:

— Если ты наденешь его, то станешь невидимкой и сможешь тогда пробраться вслед за двенадцатью королевнами.

Солдат, получив добрый совет, решил приняться за это дело: набрался он смелости и к королю женихом объявился. Был он принят так же хорошо, как и другие, и на него тоже надели королевские одежды. Вечером, как пришло время спать ложиться, отвели его в комнату рядом с опочивальней; и когда он собирался ложиться спать, пришла старшая королевна и поднесла ему кубок вина; но он привязал к подбородку губку, — вино все и впиталось, и он и капли не выпил. Затем лег он в постель, полежал немного и начал храпеть, будто спит самым глубоким сном. Услыхали то двенадцать королевен, засмеялись, а старшая и говорит:

— И этому бы тоже не мешало жизнь свою поберечь.

Затем они встали, открыли шкафы, ларцы и шкатулки и достали роскошные платья; стали перед зеркалами наряжаться и прыгать на радостях, что вскоре смогут они опять танцевать. Но одна из них, младшая, и говорит:

— Я не знаю, вы вот радуетесь, а у меня на душе как-то тяжело: должно быть, с нами случится какое-нибудь несчастье.

— Эх ты, пуганая ворона, — сказала ей старшая, — всего ты вечно боишься! Разве ты забыла, сколько уже королевичей здесь понапрасну побывало?

Солдату я даже и не стала бы сонного зелья подносить, этот олух и так не проснется.

Вот королевны были уже готовы и глянули на солдата, а он глаза закрыл, не двинется, не шелохнется, и подумали они, что теперь уже бояться им нечего. Подошла старшая к своей кровати и постучала в нее; и опустилась тотчас кровать в подземелье, и сошли они одна за другой вниз через подземный ход, а впереди всех шла старшая. Солдат, видя все это, долго не мешкал, он набросил на себя свой плащ и спустился вниз вслед за младшей. Посреди лестницы он наступил ей слегка на платье, она испугалась и крикнула:

— Что это? Кто это схватил меня за платье?

— Да ты не выдумывай, — молвила старшая, — это ты, видно, за крючок зацепилась.

Вот сошли они все вниз и очутились в чудесной аллее, и были все листья на деревьях серебряные, и они все сияли и сверкали. Солдат подумал: «Возьму-ка я что-нибудь в знак доказательства», — и он отломил с дерева ветку; вдруг послышался страшный треск. Младшая вскрикнула:

— Тут что-то неладное, вы слышали треск?

Но старшая сказала:

— Это салютуют на радостях, что мы скоро освободим от чар наших принцев.

И они пошли затем по другой аллее, где листья на деревьях были все золотые, и, наконец, по третьей, где были листья все из чистых алмазов; и он отломил с обоих деревьев по ветке, и всякий раз дерево трещало, и младшая дрожала от страха, но старшая настаивала на том, что это салютуют в знак радости. Пошли они дальше, и вот подошли, наконец, к большой реке; стояло у берега двенадцать лодок, и в каждой лодке сидело по прекрасному принцу, и они ждали своих двенадцать королевен, и каждый посадил королевну к себе в лодку, солдат же сел вместе с младшей. А принц и говорит:

— Отчего это лодка вдруг стала сегодня тяжелее? Приходится мне грести изо всех сил.

— Это, пожалуй, — молвила младшая, — от жаркой погоды, и меня нынче что-то томит.

И стоял на другом берегу красивый, ярко освещенный замок, доносилась оттуда веселая музыка, трубы и литавры. Переплыли принцы через реку, вошли в замок, и каждый из них стал танцевать со своей милой. Солдат тоже танцевал вместе с ними, никем не видимый, и когда одна из королевен держала кубок с вином, то он весь его выпивал до дна, только она подносила его ко рту; и страшно было от того младшей, но старшая все заставляла ее молчать. Так протанцевали они там до трех часов утра, и вот все туфельки истоптались от танцев, и пришлось им оставить свои пляски. Перевезли принцы их опять через реку, а солдат на этот раз сел на переднюю лодку, к старшей. На берегу они попрощались со своими принцами и пообещали им прийти снова на следующую ночь. Когда они всходили по лестнице, солдат забежал вперед и лег в свою постель; и когда двенадцать королевен медленно подымались, утомленные, по лестнице, он уже храпел, да так громко, что все слышали; и они сказали: «Уж этого человека опасаться нам нечего». Сняли они свои красивые платья, спрятали их, стоптанные во время танцев туфельки поставили под кровать, а сами легли спать.

На другое утро солдат решил ничего не рассказывать, а еще раз поглядеть на это диво, — и вот ходил он и вторую и третью ночь с ними вместе. И все было так же, как и в первый раз, — они плясали до тех пор, пока туфельки не стаптывали. Но на третий раз взял он с собой в доказательство кубок. Вот наступило время ему отвечать, и взял он с собой и спрятал три ветки и кубок и пошел к королю, а двенадцать королевен стояли за дверью и слушали, что он скажет. Когда король стал спрашивать:

— Ну, сказывай, где мои двенадцать дочерей ночью все свои туфельки в плясках истоптали? — то солдат ответил:

— Вместе с двенадцатью принцами в подземном замке.

И рассказал он королю все, как было, и принес ему знаки доказательства.

Велел тогда король позвать своих дочерей и спросил их, правду ли говорит солдат? Видя, что все обнаружилось, и если отпираться, то все равно ничего не поможет, они сознались во всем. Тогда король и говорит:

— Какую же ты хочешь взять себе в жены?

Он ответил:

— Я-то уж не молод, так отдайте мне старшую.

В тот же день и свадьбу сыграли, и было ему обещано после смерти короля и все государство.

И принцы были снова заколдованы на столько дней, сколько ночей проплясали они вместе с двенадцатью королевнами.

31. Кот в сапогах (Урок 41)

<http://hobbitaniya.ru/perro/perro4.php>

Жил-был старый мельник, и было у него три сына. Когда мельник умер, он оставил сыновьям в наследство все свое небогатое имущество: мельницу, осла и кота. Старшему досталась мельница, среднему – осел, ну а младшему пришлось взять себе кота.

– Это добро в самый раз для тебя, – смеялись старшие братья, которые никогда не упускали случая подразнить младшего.

– Не слушай их, хозяин, – мяукнул кот. – Я, конечно, не мельница и не осел, но и не какой-то там обыкновенный кот. Я не могу молотить зерно, таскать тяжести, как осел, но зато ловкости и проворства мне не занимать. Купи мне только пару сапог да дай мешок и, вот увидишь, вскоре ты заживешь так, как раньше и не мечтал. – Его хозяин удивился, но просьбу кота выполнил.

Кот тут же натянул на задние лапы сапоги, насыпал в мешок овса, закинул его за плечи и отправился на охоту. В лесу он раскрыл мешок, бросил его на землю, а сам скрылся в зарослях.

Долго ждать ему не пришлось. К мешку прискакал любопытный заяц, принялся и, в конце концов, вошел в него, чтобы полакомиться овсом. А кот только того и ждал. Он выскочил из зарослей, затянул мешок и, взвалив его на плечи, отправился в королевский замок.

Надо сказать, что король той страны был большой любитель вкусно поесть. А еще он очень любил деньги. Ради чего-нибудь вкусного и ради блестящей монеты он мог забыть обо всем на свете. Кот отвесил ему глубокий поклон:

– Ваше величество, мой благородный хозяин в знак почтения прислал вам этого зайца. Соболаговолите принять...

– Принимаю, принимаю. А как же зовут твоего господина?

– Маркиз де Карабас, ваше величество.

– Скажи маркизу, что он доставил мне большую радость.

Кот раскланялся, как настоящий дворянин, и отправился в обратный путь.

– Вернулся, бездельник, – с упреком сказал ему сын мельника, вздохнул и снова лег на травку греться на солнышке.

Кот ни словом не обмолвился хозяину о своих подвигах.

На следующий день он снова отправился с мешком на охоту. На этот раз ему удалось поймать двух жирных куропаток.

Король просиял, увидев очередной и такой приятный подарок. Глотая слюнки, он сказал:

– Ах, какой же достойный человек твой хозяин!

– Истинно так, ваше величество, – подтвердил кот. – Достойный и очень богатый.

Несколько недель подряд кот продолжал носить королю то куропаток, то зайцев. Но своему голодному и исхудавшему хозяину, который все так же лежал и грелся на солнышке, он ничего об этом не говорил.

Однажды кот встретил во дворце принцессу, писаную красавицу.

– Ах! – воскликнула прекрасная принцесса и захлопала в ладоши от восторга. – Кот в сапогах! Какие удивительные существа есть на белом свете. Как бы я хотела познакомиться с хозяином такого чуда!

Кот взглянул на принцессу и смекнул: “Прекрасная жена для моего хозяина!”

– Что может быть проще, ваше высочество, – сказал он громко. – Вы найдете его завтра на прогулке там, где мельницы. Он ходит туда каждый день и считает, что нет лучшего места для раздумий.

– Отец, давайте навестим маркиза де Карабаса! – стала умолять принцесса.

Король кивнул в знак согласия, радуясь, что наконец-то сможет познакомиться с маркизом. А кот побежал во весь дух к мельнице.

– Ну, что там опять? – спросил, просыпаясь, сын мельника.

– Завтра, хозяин, твоя жизнь изменится. Всё, что от тебя требуется, – это только искупаться в реке.

– Не видел я еще, чтобы купание в реке как-то меняло жизнь. Ну, вообще-то, я не прочь искупаться.

На следующее утро сын мельника в сопровождении кота отправился на речку купаться. Только он влез в воду, как кот схватил его одежду и спрятал в кустах.

В этот момент на дороге появилась королевская карета. Кот выскочил на дорогу и закричал во все горло:

– Спасите! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Услыхав его вопли, король приказал остановиться.

– Скорее, отец, мы должны помочь! – выглянув из кареты, воскликнула принцесса.

– Эй, гвардейцы! – позвал король. – Вытащите маркиза из воды!

Гвардейцы поспешили за котом к берегу реки.

Сын мельника не на шутку испугался, когда двое верзил стали силой тащить его из реки, где он нежился в теплой воде.

Слуги короля обшарили все кусты на берегу, но так и не нашли одежду юноши. Король приказал принести ему свой шелковый камзол. Сын мельника сначала было отказывался, но расшитая золотом одежда так ему понравилась, что он с удовольствием облачился в королевский наряд.

– Прошу вас, маркиз, – сказал король, приглашая его в карету, где сидела прекрасная принцесса.

Сын мельника остоленел, но без лишних слов сел в карету. Через минуту карета, громыхая, покатила дальше по полям и лугам, принадлежавшим великану-людоеду, который жил в замке, окруженном крепостной стеной.

Кот не терял времени и что было духу помчался впереди кареты в сторону луга, где в поте лица трудились жнецы.

– Уважаемые жнецы, – вежливо обратился к ним кот, – сейчас здесь будет проезжать король, и если вы не скажете, что эти луга принадлежат маркизу де Карабасу, то ваш хозяин, злой людоед, велит отрубить вам головы.

Прежде чем удивленные жнецы успели ответить, подъехала королевская карета.

– Скажите, – спросил король, – чьи это луга вы косите?

– Маркиза де Карабаса! – дружным хором ответили жнецы. Король одобрительно воскликнул:

– Какие прекрасные уголья у вас, маркиз!

А остолбеневший сын мельника, которому все больше нравилась роль богатого маркиза, только и смог сказать:

– Ну, да!

Тем временем кот отправился прямо в замок людоеда. С кошачьей ловкостью он перепрыгнул через каменную стену и пробрался в замок.

Людоед сидел за большим столом, уставленным разными яствами. Увидев кота в сапогах, он чуть не выронил бокал вина.

– Ты кто такой? – удивленно спросил он.

– Вы никогда не видели кота в сапогах? – дерзко спросил кот.

– Как ты смеешь, негодник! Я еще не такие чудеса видывал!

– А сами-то вы можете превратиться в кого-нибудь?

– Ха-ха-ха! Я могу превратиться в кого угодно и во что угодно.

– Говорят, что вы не можете превратиться в зверя, который больше вас, например в льва.

Не успел кот произнести эти слова, как людоед превратился в огромного льва с лохматой гривой. У кота от страха душа ушла в сапоги, но он преодолел его и сказал:

– А вот другие уверяют, что вы не можете превратиться во что-нибудь маленькое, например в мышь.

Страшный лев исчез, а на его месте появилась маленькая мышка. А коту только это и было нужно – в мгновение ока он догнал мышь, поймал ее и съел.

В то самое время во двор замка въехала королевская карета. Кот поспешил навстречу высоким гостям. Распахнув дверцы кареты, он учтиво поклонился.

– Приветствую вас, ваше величество, в замке маркиза де Карабаса!

Трудно сказать, кто больше онемел от изумления при этих словах: король или сын мельника, который уже вообще ничего не понимал.

– Какой великолепный замок! – воскликнул восхищенный король. – Я очень рад, что нашел в вашем лице верного друга, маркиз.

– Ну, да, – только и смог ответить сын мельника.

– Позвольте пригласить вас на ужин, – заявил тут кот в сапогах. И он отвел гостей к столу, заставленному яствами.

В конце ужина король, наевшись до отвала и осушив изрядное число бокалов с вином, сказал:

– Ну, дорогой маркиз, я вижу, что вы и в самом деле достойный человек. Я с радостью отдам вам свою дочь в жены.

Принцесса захлопала в ладоши от счастья – молодой, красивый, да к тому же богатый маркиз ей очень нравился. А кот зажмурил глаза и замурлыкал от удовольствия.

Вскоре они и свадьбу сыграли. Так сын мельника женился на принцессе и сделался принцем. Все они жили долго и счастливо, особенно кот, который стал придворным министром и гордо расхаживал по дворцу в высоких сапогах.

А когда сына мельника иногда спрашивали, как он достиг таких богатств и почестей, он отвечал только:

– Ну-у... – и прибавлял: – Спросите у моего кота.

32. Румпельштильцхен (Урок 42)

[http://онлайн-
читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-
%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D0%BB%D1%8C%
D1%88%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%86%D1%85%D0
%B5%D0%BD/](http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%88%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D1%86%D1%85%D0%B5%D0%BD/)

Жил когда-то на свете мельник. Был он беден, но была у него красавица-дочь. Случилось ему однажды вести с королем беседу; и вот, чтоб вызвать к себе уважение, говорит он королю:

— Есть у меня дочка, такая, что умеет пряхть из соломы золотую пряжу.

Говорит король мельнику:

— Это дело мне очень нравится. Если дочь у тебя такая искусница, как ты говоришь, то приведи ее завтра ко мне в замок, я посмотрю, как она это умеет делать.

Привел мельник девушку к королю, отвел ее король в комнату, полную соломы, дал ей прялку, веретено и сказал:

— А теперь принимайся за работу; но если ты за ночь к раннему утру не перепрядешь эту солому в золотую пряжу, то не миновать тебе смерти. — Затем он сам запер ее на ключ, и осталась она там одна.

Вот сидит бедная Мельникова дочка, не знает, что ей придумать, как свою жизнь спасти, — не умела она из соломы прясть золотой пряжи; и стало ей так страшно, что она, наконец, заплакала. Вдруг открывается дверь, и входит к ней в комнату маленький человечек и говорит:

— Здравствуй, молодая мельничиха! Чего ты так горько плачешь?

— Ах, — ответила девушка, — я должна перепрясть солому в золотую пряжу, а я не знаю, как это сделать.

А человечек и говорит:

— Что ты мне дашь за то, если я тебе ее перепряду?

— Свое ожерелье, — ответила девушка.

Взял человечек у нее ожерелье, подсел к прялке, и — турр-турр-турр — три раза обернется веретено — вот и намотано полное мотовило золотой пряжи. Вставил он другое, и — турр-турр-турр — три раза обернется веретено — вот и второе мотовило полно золотой пряжи; и так работал он до самого утра и перепрял всю солому, и все мотовила были полны золотой пряжи.

Только начало солнце всходить, а король уже явился; как увидел он золотую пряжу, так диву и дался, обрадовался, но стало его сердце еще более жадным к золоту. И он велел отвести Мельникову дочку во вторую комнату, а была она побольше первой и тоже полна соломы, и приказал ей, если жизнь ей дорога, перепрясть всю солому за ночь.

Не знала девушка, как ей быть, как тут горю помочь; но снова открылась дверь, явился маленький человечек и спросил:

— Что ты дашь мне за то, если я перепряду тебе солому в золото?

— Дам тебе с пальца колечко, — ответила девушка.

Взял человечек кольцо, начал снова жужжать веретеном и к утру перепрял всю солому в блестящую золотую пряжу. Король, увидя целые вороха золотой пряжи, обрадовался, но ему и этого золота показалось мало, и он велел отвести мельникову дочку в комнату еще побольше, а было в ней полным-полно соломы, и сказал:

— Ты должна перепрясть все это за ночь. Если тебе это удастся, станешь моею женой. «Хоть она и дочь мельника, — подумал он, — но богаче жены, однако ж, не найти мне во всем свете».

Вот осталась девушка одна, и явился в третий раз маленький человечек и спрашивает:

— Что ты дашь мне за то, если я и на этот раз перепряду за тебя солому?

— У меня больше нет ничего, что я могла бы дать тебе.

— Тогда пообещай мне своего первенца, когда станешь королевой.

«Кто знает, как оно там еще будет!» — подумала Мельникова дочка. Да и как тут было горю помочь? Пришлось посулить человечку то, что он попросил; и за это человечек перепрял ей еще раз солому в золотую пряжу.

Приходит утром король, видит — все сделано, как он хотел. Устроил он тогда свадьбу, и красавица, дочь мельника, стала королевой.

Родила она спустя год прекрасное дитя, а о том человечке и думать позабыла. Как вдруг входит он к ней в комнату и говорит:

— А теперь отдай мне то, что пообещала.

Испугалась королева и стала ему предлагать богатства всего королевства, чтобы он только согласился оставить ей дитя. Но человечек сказал:

— Нет, мне живое милей всех сокровищ на свете.

Запечалилась королева, заплакала, и сжалился над ней человечек:

— Даю тебе три дня сроку, — сказал он, — если за это время ты узнаешь мое имя, то пускай дитя останется у тебя.

Всю ночь королева вспоминала разные имена, которые когда-либо слышала, и отправила гонца по всей стране разведать, какие существуют еще имена. На другое утро явился маленький человечек, и она начала перечислять

имена, начиная с Каспара, Мельхиора, Бальцера, и назвала все по порядку, какие только знала, но на каждое имя человечек отвечал:

— Нет, меня зовут не так.

На другой день королева велела разузнать по соседям, как их зовут, и стала называть человечку необычные и редкие имена:

— А может, тебя зовут Риппенбист, или Гаммельсваде, или Шнюрбейн?

Но он всё отвечал:

— Нет, меня зовут не так.

На третий день вернулся гонец и сказал:

— Ни одного нового имени найти я не мог, а вот когда подошел я к высокой горе, покрытой густым лесом, где живут одни только лисы да зайцы, увидел я маленькую избушку, пылал перед нею костер, и скакал через него очень смешной, забавный человечек; он прыгал на одной ножке и кричал:

Нынче пеку, завтра пиво варю,

У королевы дитя отберу;

Ах, хорошо, что никто не знает,

Что Румпельштильцхен меня называют!

Можете себе представить, как обрадовалась королева, услышав это имя! И вот, когда к ней в комнату вскоре явился человечек и спросил:

— Ну, госпожа королева, как же меня зовут? — она сначала спросила:

— Может быть, Кунц?

— Нет.

— А может быть, Гейнц?

— Нет.

— Так, пожалуй, ты Румпельштильцхен!

— Это тебе сам черт подсказал, сам черт подсказал! — завопил человечек и так сильно топнул в гнев правой ногой, что провалился в землю по самый

пояс. А потом схватил в ярости обеими руками левую ногу и сам разорвал себя пополам.

33. Спящая красавица (Урок 44)

[http://онлайн-
читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-
%D1%81%D0%BF%D1%8F%D1%89%D0%B0%D1%8F-
%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0/](http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D1%81%D0%BF%D1%8F%D1%89%D0%B0%D1%8F-%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B0/)

Жили-были король с королевой, и каждый день они говорили: Ах, если бы у нас родился ребёнок! А детей у них не было. Но вот однажды, когда королева сидела в купальне, вылезла из воды на берег лягушка и говорит ей:

— Твоё желание исполнится. Не пройдёт и года, как ты родишь на свет дочь.

Как лягушка сказала, так и случилось — родила королева девочку.

И была эта девочка такая прекрасная, что король на радостях устроил большой пир. И созвал он на этот пир не только своих родных, друзей и знакомых, но и ворожей, чтобы они были к ребёнку доброжелательны и милостивы. Но ворожей было в королевстве равным счётом тринадцать, а золотых тарелок, на которых они должны были есть, было у короля всего лишь двенадцать. Поэтому одной из ворожей пришлось остаться дома.

Пир устроили на славу, а когда праздник кончился, ворожеи одарили ребёнка чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством. Так они одарили его всем, что только можно пожелать на свете.

Когда одиннадцать произнесли свои пожелания, явилась вдруг тринадцатая. Ей хотелось отомстить за то, что её не пригласили на пир. Ни с кем не здороваясь, она воскликнула громким голосом:

— Когда королевне исполнится пятнадцать лет, она уколется о веретено и тут же упадёт замертво!

И, сказав это, повернулась и вышла из зала. Всех охватил ужас.

Но тогда выступила двенадцатая ворожея — она не высказала ещё своего пожелания. Отменить роковое предсказание она уже не могла, но смягчила его, сказав:

— Но то будет не смерть, а глубокий сон, в который королева погрузится на сто лет.

Король хотел уберечь свою любимую дочь от несчастья и приказал сжечь все веретена во всём королевстве. А девочка росла, и исполнились все пожелания ворожей: она была так красива, скромна, приветлива и умна, что всякий, кто её раз увидел, должен был ее полюбить.

В тот день, когда ей исполнилось пятнадцать лет, короля и королевы не было дома, и девушка осталась в замке одна. Пошла она бродить по замку, заглядывала в комнаты и каморки, куда только ей вздумалось.

Наконец она подошла к старой башне, поднялась по узкой витой лестнице и очутилась у небольшой двери. В замке торчал ржавый ключ. Девушка повернула его — и дверь распахнулась. Видит королева — перед ней маленькая светёлка, а в светёлке сидит у веретена старушка и прилежно прядёт пряжу.

— Здравствуй, бабушка! — сказала королева. — Что ты тут делаешь?

— Пряжу пряду, — ответила старуха и кивнула ей головой.

— А что это у тебя тут так весело вертится? — спросила девушка, взяла веретено и хотела было тоже взяться за пряжу. Но не успела она прикоснуться к веретену, как сбылось роковое предсказание: она уколола веретеном палец.

И в тот же миг, когда она почувствовала укол, она упала на постель, стоявшую в светёлке, и погрузилась в глубокий сон. И сон напал на всех, кто был в замке: король с королевой, которые только что вернулись домой и вошли в зал, мгновенно уснули, а с ними уснули все придворные. Уснули кони в конюшнях и собаки на дворе, голуби на крыше, мухи на стенах. Даже огонь, весело пылавший в печи, затих и потух, и жаркое перестало шипеть и поджариваться. А повар хотел было вытаскать за волосы поварёнка, за то, что тот что-то напортил, но вдруг отпустил его и уснул. И ветер утих, и на деревьях около замка не шелохнулся ни один листочек.

А вокруг замка вырос колючий шиповник и с каждым годом поднимался всё выше и выше. Вскоре он окружил и закрыл собою весь замок, и не было видно даже флага на башне.

Но по стране пошла молва о Спящей красавице — так прозвали королеву — и время от времени наезжали туда разные королевичи и пытались пробраться через густой шиповник к замку. Но это было невозможно: колючие шипы крепко сплелись между собой, словно держась за руки.

Юноши запутывались в них, не в силах были вырваться и погибали мучительной смертью.

После долгих, долгих лет в страну опять явился королевич и услышал от одного старика про колючий шиповник, за которым будто стоит замок, а в замке вот уже сто лет спит прекрасная королева — Спящая красавица.

И спят с ней король, и королева, и все придворные. Старик слышал ещё от своего деда, что приходило уже немало королевичей, и все пытались пробраться сквозь шиповник, но они повисли на шипах и погибли жалкой смертью. И сказал тогда юноша:

— Я этого не боюсь. Я хочу туда отправиться и увидеть Спящую красавицу!

Напрасно добрый старик старался отговорить его. Королевич не послушался его совета.

А к тому времени как раз минуло сто лет, и настал день, когда Спящей красавице суждено было снова проснуться. Подошёл королевич к шиповнику и видит: весь он усеян прекрасными, большими цветами. А кусты сами расступались перед ним и пропускали его целого и невредимого дальше, а потом снова смыкались за ним. На дворе замка королевич увидел коней и пятнистых гончих собак, и все они лежали и спали.

На крыше сидели голуби, спрятав головки под крыло. Вошёл королевич в замок, видит: на стене спят мухи, а повар на кухне всё ещё держит руку в воздухе, чтобы схватить за волосы поварёнка, а повариха сидит перед чёрной курицей, которую она собиралась ощипать. Пошёл королевич дальше и видит: в зале лежат и спят все придворные, а наверху, возле трона, лежат король с королевой. Шёл королевич всё дальше и дальше, и всюду было так тихо, что он слышал даже собственное дыхание. Подошёл он наконец к башне, отворил дверь маленькой светёлки, в которой увидел Спящую красавицу.

Она лежала там и была так прекрасна, что королевич не мог оторвать от неё глаз, наклонился над ней и поцеловал её.

Тут красавица проснулась, открыла глаза и приветливо взглянула на него.

Потом они вместе сошли вниз.

И вот проснулись и король с королевой, и все придворные и посмотрели удивлённо друг на друга. А на дворе поднялись кони и стали отряхиваться, вскочили гончие собаки и замахали хвостами; голуби на крыше высунули из-под крыльев свои головки, осмотрелись вокруг и полетели в поле; а мухи

стали ползать по стене, огонь на кухне вновь запылал, загорелся, стал варить еду, и жаркое опять жарилось и шипело. А повар дал поварёнку такую пощёчину, что тот завизжал, а повариха стала скорей ошипывать курицу.

А королевич с прекрасной королевной отпраздновали пышную свадьбу и жили счастливо до самой смерти.

34. Прыгуны (Уроки 49 и 50)

<http://hobbitaniya.ru/andersen/andersen101.php>

Блоха, кузнечик и гусек-скакунок вздумали раз посмотреть, кто из них выше прыгнет, и пригласили прийти полюбоваться на такое диво весь свет — всех, кто захочет. И вот три изрядных прыгуна сошлись вместе в одной комнате.

— Я выдам свою дочку за того, кто прыгнет выше всех! — сказал король.
— Обидно было бы таким молодцам прыгать задаром!

Сначала вышла блоха. Она держалась в высшей степени мило и раскланялась на все стороны: в жилах ее текла голубая кровь, и она вообще привыкла иметь дело только с людьми, а ведь это что-нибудь да значит!

Потом вышел кузнечик. Он был, конечно, потяжелее весом, но тоже очень приличен на вид и одет в зеленый мундир — он и родился в мундире. Кузнечик говорил, что происходит из очень древнего рода, из Египта, а потому в большой чести в здешних местах; его взяли прямо с поля и посадили в трехэтажный карточный домик, который был сделан из одних фигурных карт, обращенных лицом вовнутрь. А окна и двери в нем были прорезаны в туловище червонной дамы.

— Я пою, — сказал кузнечик, — да так, что шестнадцать здешних сверчков, которые трещат с самого рожденья и все-таки не удостоились карточного домика, послушали меня да и похудели с досады!

Таким образом, и блоха и кузнечик полагали, что достаточно зарекомендовали себя в качестве приличной партии для принцессы.

Гусек-скакунок не сказал ничего, но о нем шел слух, что зато он много думает. Придворный пес, как только обнюхал его, сказал, что он из очень хорошего семейства. А старый придворный советник, который получил три ордена за умение молчать, уверял, что гусек-скакунок наделен пророческим

даром: по его спине можно узнать, мягкая или суровая будет зима, а этого нельзя узнать даже по спине самого составителя календарей.

— Я пока ничего не скажу! — сказал старый король. — Но у меня есть свои соображения!

Теперь оставалось прыгать.

Блоха прыгнула, да так высоко, что никто и не уследил, и потому все стали говорить, что она вовсе и не прыгала. Только это было нечестно.

Кузнечик прыгнул вдвое ниже и угодил королю прямо в лицо, и тот сказал, что это очень скверно.

Гусек-скакунок долго стоял и думал, и в конце концов все решили, что он вовсе не умеет прыгать.

— Только бы ему не сделалось дурно! — сказал придворный пес и снова принялся обнюхивать его.

Прыг! И гусек-скакунок маленьким прыжком наискосок очутился прямо на коленях у принцессы, которая сидела на низенькой золотой скамейке.

И тогда король сказал:

— Выше всего — допрыгнуть до моей дочери, вот в чем суть. Но чтобы додуматься до этого, нужна голова, и гусек-скакунок доказал, что она у него есть. И притом с мозгами!

И принцесса досталась гуську-скакунку.

— А все-таки я прыгнула выше всех! — сказала блоха. — Но все равно, пусть остается при своем дурацком гуське с палочкой и смолой! Я прыгнула выше всех, но на этом свете надо иметь фигуру, только тогда тебя заметят!

И блоха поступила добровольцем в чужеземное войско и, говорят, нашла там свою смерть.

Кузнечик возвратился в канаву и стал думать о том, как устроен свет. Он тоже сказал:

— Фигуру, фигуру надо иметь!

И он затянул песенку о своей печальной доле. Из его песни мы и взяли эту историю. Впрочем, она, наверно, выдумана, хоть и напечатана.

35. Бременские музыканты (Уроки 51 и 55)

[http://онлайн-
читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-
%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%81%
D0%BA%D0%B8%D0%B5-
%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BD%
D1%82%D1%8B/](http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BC%D1%83%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8B/)

Много лет тому назад жил на свете мельник.

И был у мельника осёл — хороший осёл, умный и сильный. Долго работал осёл на мельнице, таскал на спине кули с мукой и вот наконец состарился.

Видит хозяин: ослабел осёл, не годится больше для работы, — и выгнал его из дому.

Испугался осёл: «Куда я пойду, куда денусь! Стар я стал и слаб».

А потом подумал: «Пойду-ка я в немецкий город Бремен и стану там уличным музыкантом».

Так и сделал. Пошёл в немецкий город Бремен.

Идёт осёл по дороге и кричит по-ослиному. И вдруг видит: лежит на дороге охотничья собака, язык высунула и тяжело дышит.

— Отчего ты так запыхалась, собака? — спрашивает осёл. — Что с тобой?

— Устала, — говорит собака. — Бежала долго, вот и запыхалась.

— Что ж ты так бежала, собака? — спрашивает осёл.

— Ах, осёл, — говорит собака, — пожалей меня! Жила я у охотника, долго жила, по полям и болотам за дичью бегала. А теперь стара стала, и задумал мой хозяин убить меня. Вот я и убежала от него, а что дальше делать — не знаю.

— Пойдём со мной в город Бремен, — отвечает ей осёл, — сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко, голос у тебя хороший. Ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит собака, — пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт — кричит по-ослиному, собака идёт — лает по-собачьи.

Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге кот — печальный сидит, невесёлый.

— Что ты такой печальный? — спрашивает его осёл.

— Что ты такой невесёлый? — спрашивает собака.

— Ах, — говорит кот, — пожалейте вы меня, осёл и собака! Жил я у своей хозяйки, долго жил — ловил крыс и мышей. А теперь стар стал и зубы у меня притупились. Видит хозяйка, не могу я больше мышей ловить, и задумала меня утопить в речке. Я и убежал из дому. А что дальше делать, как прокормиться — не знаю.

Осёл ему отвечает:

— Пойдём с нами, кот, в город Бремен, станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я — петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит кот, — пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт — кричит по-ослиному, собака идёт — лает по-собачьи, кот идёт — мяукает по-кошачьи.

Шли они, шли, проходят мимо одного двора и видят — сидит на воротах петух. Сидит и кричит во всё горло: «Ку-ка-ре-ку!»

— Ты что, петушок, кричишь? — спрашивает его осёл.

— Что с тобой случилось? — спрашивает его собака.

— Может, тебя кто обидел? — спрашивает кот.

— Ах, — говорит петух, — пожалейте вы меня, осёл, собака и кот! Завтра к моим хозяевам гости приедут — вот и собираются хозяева зарезать меня и сварить из меня суп. Что мне делать?

Отвечает ему осёл:

— Пойдём, петушок, с нами в город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на балалайке играть,

кот будет петь и на скрипке играть, собака — петь и в барабан бить, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит петух, — пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт — кричит по-ослиному, собака идёт — лает по-собачьи, кот идёт — мяукает по-кошачьи, петух идёт — кукарекает.

Шли они, шли, и вот настала ночь. Осёл и собака легли под большим дубом, кот сел на ветку, а петух взлетел на самую верхушку дерева и стал оттуда смотреть по сторонам.

Смотрел, смотрел и увидел — светится невдалеке огонёк.

— Огонёк светится! — кричит петух. Осёл говорит:

— Надо узнать, что это за огонёк. Может быть, поблизости дом стоит. Собака говорит:

— Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

— Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

— Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали они и пошли на огонёк.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нём светится.

Осёл подошёл к дому и заглянул в окошко.

— Что ты там видишь, осёл? — спрашивает его петух.

— Вижу я, — отвечает осёл, — сидят за столом разбойники, едят и пьют.

— Ох, как хочется есть! — сказала собака.

— Ох, как хочется пить! — сказал кот.

— Как бы нам разбойников из дома выгнать? — сказал петух.

Думали они, думали и придумали.

Осёл тихонько поставил передние ноги на подоконник, собака взобралась на спину ослу, кот вскочил на спину собаке, а петух взлетел на голову коту.

И тут они все разом закричали:

осёл	—	по-ослиному,
собака	—	по-собачьи,
кот	—	по-кошачьи,

а петух закукарекал.

Закричали они и ввалились через окно в комнату. Испугались разбойники и убежали в лес.

А осёл, собака, кот и петух сели вокруг стола и принялись за еду.

Ели-ели, пили-пили — наелись, напились и спать легли.

Осёл растянулся во дворе на сене, собака улеглась перед дверью, кот свернулся клубком на тёплой печи, а петух взлетел на ворота.

Потушили они огонь в доме и заснули.

А разбойники сидят в лесу и смотрят из лесной чащи на свой дом.

Видят — огонь в окошке погас, темно стало. И послали они одного разбойника посмотреть, что в доме делается. Может, зря они так испугались.

Подошёл разбойник к дому, отворил дверь, зашёл на кухню. Глядь, а на печи два огонька горят.

«Наверно, это угли, — подумал разбойник. — Вот я сейчас лучинку разожгу».

Ткнул он в огонёк лучинкой, а это был кошачий глаз. Рассердился кот, вскочил, зафыркал, да как цапнет разбойника лапой, да как зашипит.

Разбойник — в дверь. А тут его собака за ногу схватила.

Разбойник — во двор. А тут его осёл копытом лягнул.

Разбойник — в ворота. А с ворот петух как закричит:

— Кукареку!

Кинулся разбойник со всех ног в лес. Прибежал к своим товарищам и говорит:

— Беда! В нашем доме страшные великаны поселились. Один мне своими длинными пальцами в лицо вцепился, другой мне ножом ногу порезал, третий меня по спине дубиной стукнул, а четвёртый закричал мне вслед: «Держи вора!»

— Ох, — сказали разбойники, — надо нам отсюда поскорее уходить!

И ушли разбойники из этого леса навсегда. А бременские музыканты — осёл, собака, кот и петух — остались жить у них в доме да поживать.

36. О рыбаке и его жене (Урок 52)

https://www.grimmstories.com/ru/grimm_skazki/o_rybake_i_ego_zene

Рыбак с женою жили в дрянной лачужке у самого моря. Рыбак ходил каждый день на море и удил рыбу. Так и сидел он однажды за ужиением, и все смотрел на блестящие волны - сидел да посиживал.

Вдруг удочка его погрузилась на дно глубоко-глубоко, и когда он ее стал вытаскивать, то выволок вместе с нею и большую камбалу.

И сказала ему рыбина: "Слышь-ка, рыбак, прошу тебя, отпусти меня на волю: я не настоящая камбала, я - замороженный принц. Ну, что тебе в том, что ты меня съешь? Я тебе не по вкусу придусь; лучше брось меня опять в воду, отпусти меня на простор." - "Ну, - сказал рыбак, - напрасно ты и столько слов потратила; я бы и без того, конечно, отпустил на свободу такую рыбину, которая по-нашему говорить может." И с этими словами он отпустил рыбину в воду, и пошла камбала на дно, оставляя следом по себе в воде кровавую струйку. Посмотрел рыбак, да и поплелся к жене в свою лачужку.

"Что же, муженек, - сказала жена, - или ты сегодня ничего не поймал?" - "Нет, - сказал рыбак, - я сегодня изловил камбалу, и она мне сказала, что она не камбала, а замороженный принц; ну, я и отпустил ее опять в море." - "Так разве же ты себе у нее ничего не выпросил?" - сказала жена. "Нет, да и чего же мне у ней просить?" - "Ах, - сказала жена, - да ведь нам же так скверно живется в этой лачужке, и вони, и грязи у нас вдоволь; выпросил бы нам у нее избушку получше. Ступай-ка да вызови ее из моря: скажи ей, что нам нужна изба понаряднее, и она наверно даст нам ее." - "Ах, - сказал рыбак, - ну что я там еще пойду шлаться!" - "Да ведь ты же ее изловил и опять на

волю выпустил - она для тебя наверно все сделает."

Не хотелось рыбаку идти, но не хотелось и жене перечить - и поплелся он к морю.

Когда пришел он на море, море потемнело, и волны уже не так блестели, как утром. Подошел он и сказал:

Рыба,		рыбка,		рыбинка,
Ты,		морская		камбала!
С	просьбою	к	тебе	жена
Против	воли	шлет		меня!

Приплыла к нему камбала и сказала: "Ну, что ж тебе надобно?" - "Да вот, - сказал рыбак, - я-то тебя сегодня изловил, так жена-то моя говорит, будто я должен у тебя что-нибудь себе выпросить. Не хочет, вишь, она больше жить в лачужке, в избу хочет на житье перейти." - "Ну, ступай, - сказала камбала, - все тебе будет."

Пошел рыбак домой и видит - жена-то его уж не в лачужке, а на месте лачужки стоит нарядная изба, и его жена сидит перед избою на скамье.

И взяла его жена за руку, и сказала ему: "Войди-ка сюда да посмотри - теперь нам жить-то будет гораздо лучше."

И вошли они в избу: в избе просторные сени и большая комната, и покойчик, в котором их кровать стоит, и чулан с кладовою, и везде-то полки, и на полках-то всякого добра наставлено, и оловянной, и медной посуды - все необходимое. А позади дома небольшой дворик с курами и утками и маленький садик с зеленью и овощами. "Посмотри-ка, - сказала жена, - разве это не хорошо?" - "Да, - сказал рыбак, - мы теперь заживем припеваючи." - "А вот посмотрим," - сказала жена. После этого они поужинали и пошли спать.

Так прошло недели с две, и сказала жена: "Слышь-ка, муженек, изба-то нам уж очень тесна, а двор и сад слишком малы; твоя камбала могла бы нам и побольше дом подарить. Я бы хотела жить в большом каменном замке; ступай-ка к камбале, проси, чтобы подарила нам каменный замок." - "Ах, жена, жена! - сказал рыбак. - Нам и в избе хорошо. Ну, как мы будем жить в замке?" - "Ах, что ты понимаешь? Ступай к камбале: она все это может сделать." - "Нет, жена! - сказал рыбак. - Камбала только что дала нам избу; не могу я к ней сейчас же опять идти: ведь она, пожалуй, может и разгневаться." - "Да ступай же! - сказала жена. - Она все это может сделать и охотно. Ступай!"

У рыбака куда как тяжело было на сердце, он и идти не хотел; он сказал самому себе: "Этак делать не следует!" - и под конец все же пошел.

Когда он пришел к морю, море изрядно потемнело и стало иссиня-серым и не было уже таким светлым и зеленоватым, как прежде, однако же еще не волновалось. Тогда он подошел и сказал:

Рыба,		рыбка,		рыбинка,
Ты,		морская		камбала!
С	просьбою	к	тебе	жена
Против	воли	шлет		меня!

"Ну, чего еще она хочет?" - спросила камбала. "Да вот, - сказал рыбак не без смущения, - она хочет жить в большом каменном замке." - "Ступай к ней, вон она стоит перед дверьми," - сказала камбала. Повернул рыбак к дому, стал подходить - и видит перед собою большой каменный дворец, а жена его стоит на крыльце и собирается войти во дворец; и взяла его за руку и сказала: "Войдем со мною вместе."

Вошли и видят, что полы все в замке выстланы мраморными плитами и везде множество слуг, которые отворяли перед ними двери настежь; и стены-то все блестели, обитые прекрасными обоями, а в покоях везде и стулья, и столы золоченые, и хрустальные люстры спускаются с потолка, и всюду ковры разостланы; всюду столы ломятся от яств и самых лучших вин. А позади замка большой двор с конюшнею и коровником; и экипажи в сараях стоят самые лучшие. Был там сверх того большой и прекрасный сад с красивейшими цветами и плодовыми деревьями, и парк тянулся, по крайней мере, на полмили от замка, полный оленей, диких коз и зайцев, и всего, чего душа пожелает.

"Ну-ка, - сказала довольная жена, - разве все это не прекрасно?" - "О да! - сказал рыбак. - На этом мы и остановимся, и станем жить в этом чудесном замке; теперь у нас всего вдоволь." - "А вот посмотрим да подумаем," - сказала жена. С этим они и спать легли.

На другое утро жена проснулась первая, когда уж совсем рассвело, и из своей постели стала осматривать благодатную страну, которая простиралась кругом замка.

Муж все еще спал и не шевелился, и она, толкнув его локтем в бок, сказала: "Муженек, вставай да глянь-ка в окошко. Надумалось мне - отчего бы нам не быть королем да королевой над всею этою страной? Сходи ты к рыбине, скажи, что хотим быть королями." - "Ах, матушка, - сказал рыбак, - ну, как

это мы будем король да королева? Я никак не могу королем быть!" - "Ну, коли ты не можешь быть королем, так я могу быть королевой. Ступай к рыбине, скажи, что хочу быть королевой." - "Ах, жена! Ну, где ж тебе быть королевой? Я этого ей и сказать не посмею!" - "А почему бы не сказать? - крикнула жена. - Сейчас же ступай - я должна быть королевой!"

Пошел рыбак от жены и был очень смущен тем, что его жена задумала попасть в королевы. "Не следовало бы так-то, не следовало бы!" - думал он про себя. И не хотел идти к морю, однако пошел-таки. И когда пришел к морю, море было свинцово-серое и волновалось, и воды его были мутны. Стал он на берегу и сказал:

Рыба,		рыбка,		рыбинка,
Ты,		морская		камбала!
С	просьбою	к	тебе	жена
Против	воли		шлет	меня!

"Ну, чего там еще хотите?" - спросила камбала. "Ах, - сказал рыбак, - да ведь жена-то хочет королевой быть!" - "Ступай домой, будет по воле ее," - сказала камбала.

Пошел рыбак домой - и видит, что замок разросся и стал гораздо обширнее, и ворота у замка большие, красивые; а у входных дверей стоит стража, и везде кругом много солдат с барабанами и трубами. Вошел во дворец, видит - везде мрамор да позолота, и бархат, и большие сундуки с золотом. Открылись перед ним настежь и двери залы, где весь двор был в сборе, и увидел он жену свою на высоком золотом троне с алмазами, в большой золотой короне, а в руках у нее скипетр из чистого золота с драгоценными камнями, а по обе стороны ее по шести девиц в ряд, одна другой красивее.

Стал он перед женою и сказал: "Ну, вот, женушка, ты теперь и королевой стала!" - "Да, - сказала она, - я теперь королева!"

Постоял он против нее, помялся, поглазел на нее и сказал: "А что, женушка, небось хорошо в королевах-то быть? Чай, теперь уж ничего не пожелаешь!" - "Нет, муженек, - сказала жена с тревогою, - соскучилась я быть королевой и не хочу больше. Поди, скажи рыбине, что я вот теперь королева, а хочу быть кайзером." - "Ах, женушка! Ну, на что тебе быть кайзером!" - "Муж! Ступай к рыбине: хочу быть кайзером!" - "Ах, да нет же! - отвечал рыбак. - Кайзером она не может тебя сделать, и я ей об этом и слова замолвить не посмею; ведь королей-то много, а кайзер-то один! Наверно знаю, что не может она тебя кайзером сделать - и не может, и не может!" - "Что такое? Я королева, а ты мой муж - и смеешь мне перечить? Сейчас пошел туда! Могла меня рыбина королевой сделать, сможет сделать и кайзером! Слышишь,

хочу быть кайзером! Сейчас пошел к рыбине!"

Вот и должен он был пойти. И идучи к морю, он крепко тревожился и все думал про себя: "К плохому дело идет! Кайзером быть захотела - уж это совсем бессовестно! Надоест она своей дурью рыбинке!"

В этих думах подошел он к морю; а море-то совсем почернело и вздулось, и ходили по нему пенистые волны, и ветер свистал так, что рыбаку было страшно. Стал он на берегу и сказал:

Рыба,		рыбка,		рыбинка,
Ты,		морская		камбала!
С	просьбою	к	тебе	жена
Против	воли		шлет	меня!

"Ну, чего она еще хочет?" - сказала камбала. "Ах, камбала-матушка! Жена-то теперь кайзером быть хочет!" - "Ступай к ней, - сказала рыбка, - будет по ее воле."

Пошел рыбак домой - и видит перед собой громадный замок, весь из полированного мрамора, с алебастровыми статуями и золочеными украшениями. Перед входом в замок маршируют солдаты, в трубы трубят и бьют в барабаны; а внутри замка бароны и графы, и герцоги расхаживают вместо прислуги: они перед ним и двери отперли (и двери-то из чистого золота!). И когда он вошел в залу, то увидел жену свою на троне высоком-превысоком, из литого золота; на голове у нее золотая корона в три локтя вышиной, вся усыпанная брильянтами и яхонтами; в одной руке у нее скипетр, а в другой - держава; и по обе стороны трона стоят в два ряда стражники, один красивее другого, и выстроены по росту - от самого громадного верзилы до самого маленького карлика, с мизинчик.

А перед троном стоят князья и герцоги.

Стал перед женой муж и сказал: "Ну, женушка, ты теперь кайзер?" - "Да, я теперь кайзер!" Посмотрел он на нее, полюбовался и сказал: "Небось, женушка, хорошо быть кайзером?" - "Ну, чего ты там стал? - сказала жена. - Я теперь кайзер, а хочу быть папой. Ступай, проси рыбину." - "Ах, женушка! Чего ты еще захотела? Папой ты быть не можешь: папа один на весь крещеный мир! Этого и рыбинка не может сделать." - "Муж! - сказала она. - Я хочу быть папой! Сейчас ступай к морю! Сегодня же хочу быть папой!" - "Нет, женушка, этого не смею я сказать рыбине! Это и нехорошо, да и слишком уж дерзко: папой не может тебя камбала сделать!" - "Коли могла кайзером сделать, сможет и папой! - сказала жена. - Сейчас пошел к морю! Я кайзер, а ты - мой муж! Пойдешь или нет?" Перепугался он и

пошел, и совсем упал духом; дрожал, как в лихорадке, и колени у него сами подгибались.

Когда подошел он к морю, сильный ветер дул с моря, погоняя облака на небе, и было сумрачно на западе: листья срывало с деревьев, а море плескалось и шумело, ударяясь о берег, и видны были на нем вдали корабли, которые раскачивались и колыхались на волнах. Но все же на небе еще был заметен клочок лазури, хоть и явно было, что с юга надвигается буря. Вышел он на берег, совсем перепуганный, и сказал:

Рыба,		рыбка,		рыбинка,
Ты,		морская		камбала!
С	просьбою	к	тебе	жена
Против	воли		шлет	меня!

"Ну, чего она еще хочет?" - сказала камбала. "Ох, - проговорил рыбак, - хочет она папою быть!" - "Ступай к ней; будет по ее воле," - сказала камбала.

Пошел он обратно и, когда пришел, то увидел перед собою громадную кирху, кругом обстроенную дворцами. Едва пробился он сквозь толпу народа.

А внутри кирхи все было освещено тысячами и тысячами свечей, и жена его в одежде из чистого золота сидела на высочайшем троне, а на голове у ней были три большие золотые короны. Кругом ее толпилось много всякого духовенства, а по обе стороны трона стояли в два ряда свечи - от самой большой, толщиной с доброе бревно, до самой маленькой, грошовой свечурочки. А кайзеры и короли стояли перед ней на коленях и целовали ее туфлю.

"Женушка, - сказал рыбак, посмотревши на жену, - да ты, видно, папа?" -
"Да, я теперь папа!"

Смотрел он, смотрел на нее, и казалось ему, что он смотрит на солнышко красное. Немного спустя и говорит он ей: "Ах, женушка, небось хорошо тебе папой быть?" А она сидела перед ним прямо и неподвижно, словно деревянная, и не двигалась, не трогалась с места. И сказал он: "Женушка! Ну, теперь, чай, довольна? Теперь ты папа и уж ничем больше не можешь быть?" - "А вот еще подумаю," - сказала жена.

И затем они отправились спать; но она все еще не была довольна, и ее алчность не давала ей уснуть, и все-то она думала, чем бы ей еще можно быть.

Муж, набегавшись за день, спал отлично и крепко, а жена, напротив того, совсем не могла заснуть и все ворочалась с боку на бок, и все придумывала, чего бы ей еще пожелать, и ничего придумать не могла.

А между тем дело шло к восходу солнца, и когда она увидела зарю, то пододвинулась к самому краю кровати и стала глядеть из окна на восходящее солнце...

"А, - подумала она, - да разве же я не могу тоже повелевать и солнцу, и луне, чтобы они восходили?"

"Муж, а муж! - сказала она и толкнула его локтем под ребра. - Проснись! Ступай опять к рыбине и скажи, что я хочу быть самым Богом!"

Муж еще не совсем очнулся от сна, однако же так перепугался этих слов, что с кровати свалился. Ему показалось, что он ослышался; он стал протирать себе глаза и сказал: "Ах, женушка, что это ты такое сказала?" - "Муженек, - сказала она, - я не могу повелеть ни солнцу, ни месяцу, чтобы они восходили, да и видеть того не могу, как солнце и месяц восходят, и покойна ни на час не буду, пока не дано мне будет самой повелевать и солнцем, и месяцем!"

И так на него посмотрела, что его мороз по коже продрал. "Сейчас же ступай туда! Я хочу быть самым Богом!" - "Ах, женушка! - воскликнул рыбак и пал перед нею на колени. - Да ведь этого камбала не может сделать! Кайзером и папой она еще могла тебя сделать; так вот и прошу я тебя, образумься, останься папой!"

Тут она пришла в ярость, волосы у ней взъерошились на голове, и она крикнула во все горло: "Не смей со мною так говорить! Не смей! Сейчас проваливай!"

Тогда он мигом собрался и побежал к морю, словно помешанный. А на море бушевала буря, да такая, что он еле на ногах держался: дома и деревья падали, и горы тряслись, и осколки скал, обрываясь, скатывались в море, и небо было черным-черно, и гром гремел, и молния блистала, и волны ходили по морю, похожие на горы, увенчанные белой пеною. Выйдя на берег, он закричал во весь голос, и все же не мог слышать даже собственных слов:

Рыба,		рыбка,		рыбинка,
Ты,		морская		камбала!
С	просьбою	к	тебе	жена
Против	воли		шлет	меня!

"Ну, чего же еще она хочет?" - спросила камбала. "Ах, - пролепетал он, - она хочет быть самым Господом Богом." - "Ступай же к ней - она опять сидит в своей лачуге."

Там они еще и по сегодня сидят да посиживают, на море синее поглядывают.

37. Йоринда и Йорингель (Урок 54)

[http://онлайн-
читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-
%D0%B9%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B0-
%D0%B8-
%D0%B9%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B5%
D0%BB%D1%8C/](http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D0%B9%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B0-%D0%B8-%D0%B9%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B5%D0%BB%D1%8C/)

Стоял когда-то в большом и густом лесу старый замок, и жила в том замке только одна старуха, и была она самая большая колдунья. Днем превращалась она в кошку или ночную сову, а вечером принимала опять свой прежний человеческий вид. Она умела приманивать всяких зверей и птиц, убивала их, варила и жарила себе на еду. Если кто подходил на сто шагов к этому замку, тот останавливался как вкопанный и не мог сдвинуться с места, пока она не снимала с него заклятья; а если входила в тот заколдованный круг невинная девушка, колдунья обращала ее в птицу, запирала в клетку и уносила в одну из комнат замка. Так собрала она в замке целых семь тысяч клеток с разными диковинными птицами.

А жила-была в ту пору девушка, звали ее Йориндой, и была она прекрасней всех остальных девушек на свете. Посватался за нее такой же прекрасный юноша, звали его Йорингель, и это были предбрачные дни, — и весело, радостно было им вместе.

И вот, чтобы поговорить наедине, пошли они раз погулять в лес.

— Только смотри, — говорит ей Йорингель, — к замку близко не подходи.

А вечер был хороший, ярко светило солнце сквозь деревья в темную лесную зелень, и жалобно пела горlinkа над старыми буками.

Йоринда несколько раз принималась плакать, потом села она на солнышке и пригорюнилась. Йорингелю тоже стало грустно. И были они так печальны, будто предстояла им близкая смерть. Они оглянулись — видят, что заблудились, не знают, как найти им теперь дорогу домой. А солнце еще не зашло за горы, но скрылось уже наполовину за вершинами.

Глянул Йорингель сквозь заросль лесную, видит — стоят перед ним уже близко-близко старые стены замка. Испугался он, и стало ему до смерти страшно. А Йоринда запела:

Как птичка красногрудая все жалобно поет,

Про гибель неминучую все голубку поет,

Так жалобно, все жалобно,

Тю-вить, тю-вить, тех-тех!

Посмотрел Йорингель на Йоринду и видит — обернулась она соловьем, который пел свое «тю-вить, тю-вить».

Ночная сова с горящими глазами трижды облетела вокруг соловья и трижды ухнула: «угу-угу-угу». И не мог Йорингель сдвинуться с места, стоял точно вкопанный — ни плакать, ни слова молвить, ни рукою пошевелить, ни ногой двинуть. Вот закатилось и солнце. Улетела сова в лесную чащу, и вышла тотчас оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глазища, нос крючком до самого подбородка. Проворчала она что-то себе под нос, поймала соловья и унесла с собой на руке. И слова вымолвить не мог Йорингель, и с места не сойти ему было: пропал соловей. Вернулась, наконец, старуха и говорит глухим голосом:

— Прощай, Захиэль! Как глянет месяц в клеточку, ты развяжись — и прощай.

Освободился от чар Йорингель. Упал он перед старухой на колени, взмолился, чтобы вернула она ему назад Йоринду.

Но старуха ответила:

— Никогда тебе больше не видать Йоринды, — и ушла.

Он кричал, горько плакал и горевал, но все было понапрасну. «Ах, что же мне делать теперь?» — И ушел Йорингель оттуда и попал, наконец, в какую-то чужую деревню; там долгое время он пас овец. Он часто бродил вокруг замка, но близко к нему никогда не подходил. И вот приснился ему ночью сон, будто нашел он алый цветок, а в середине его большую, прекрасную жемчужину. Цветок он сорвал и пошел с ним к замку, и к чему он ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар; и приснилось ему еще, что и Йоринду он нашел благодаря тому же цветку.

Проснулся он утром и стал искать по полям и горам, не найдется ли где такой цветок. Он все искал, и на девятый день нашел на рассвете алый цветок. И лежала внутри цветка большая росинка — такая большая, словно жемчужина. Пошел он с этим цветком, и он шел целый день и целую ночь в сторону замка. Он подошел к нему на сто шагов, и никто его не остановил, и вот подошел он к самым воротам. Сильно обрадовался Йорингель, прикоснулся цветком к воротам — и распахнулись они перед ним. Вошел он, идет через двор, прислушивается, не слышать ли где птичьего пенья; и услышал он вдруг птичьи голоса. Он отправился дальше и нашел зал, а в нем колдунью, и увидел, что она кормит птиц в своих семи тысячах клеток. Как увидела она Йорингеля, рассердилась, сильно разгневалась, стала браниться, плевать на него ядом и желчью, ну, а подступиться к нему и на два шага была не в силах. А он на нее и не смотрит, идет себе по залу, осматривает клетки с птицами; и видит он много сотен соловьев в клетках, но как найти ему свою Йоринду?

Присматривается он и замечает, что старуха тайком достает одну клеточку с птицей и несет ее к двери. Мигом прыгнул он за нею, дотронулся цветком до клеточки и до старухи-колдунии, — тут потеряла она свою колдовскую силу, и вот явилась перед ним Йоринда; она бросилась к нему на шею, и была она такая же красивая, как и прежде. И он обратил тогда и всех остальных птиц в девушек и воротился домой со своей Йориндой, и жили они счастливо долгие-долгие годы.

38. Новый наряд короля (Урок 56)

<http://hobbitaniya.ru/andersen/andersen79.php>

Давно-давно жил-был на свете король; он так любил наряжаться, что тратил на наряды все свои деньги, и смотры войск, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог тогда показаться в новом наряде. На каждый час дня у него был особый наряд, и как про других королей часто говорят: «Король в совете» — так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице короля жилось очень весело, каждый день почти приезжали иностранные гости, и вот раз явились двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей, которые умеют изготавливать такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и красок она отличалась еще чудным свойством делаться невидимой для всякого человека, который был «не на своем месте» или непроходимо глуп.

«Да, вот это так платье будет! — подумал король. — Тогда ведь я могу узнать, кто из моих сановников не на своем месте и кто умен, кто глуп. Пусть поскорее изготовят для меня такую ткань».

И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело.

Те поставили два ткацких станка и стали делать вид, что усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шелку и самого лучшего золота, все это припрятывали в свои карманы и продолжали сидеть за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» — думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... все-таки пусть бы сначала пошел кто-нибудь другой! А молва о диковинной ткани облетела между тем весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости и негодности ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старика министра, — подумал король, — уж он-то рассмотрит ткань: он умен и с честью занимает свое место».

И вот старик министр вошел в покой, где сидели за пустыми станками обманщики.

«Господи помилуй! — думал министр, тараща глаза. — Я ведь ничего не вижу!»

Только он не сказал этого вслух.

Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему рисунок и краски. При этом они указывали на пустые станки, а бедный министр, как ни таращил глаза, все-таки ничего не видел. Да и нечего было видеть.

«Ах ты Господи! — думал он. — Неужели же я глуп? Вот уж чего никогда-то не думал! Спаси Боже, если кто-нибудь узнает!.. Или, может быть, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаться, что я не вижу ткани!»

— Что ж вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это премило! — ответил старик министр, глядя сквозь очки. — Какой рисунок, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут узор и сочетание красок. Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить все это королю. Так он и сделал.

Теперь обманщики стали требовать еще больше шелку и золота, но они только набивали свои карманы, а на работу не пошло ни одной ниточки.

Потом король послал к ткачам другого сановника. С ним было то же, что и с первым. Уж он смотрел-смотрел, а все ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

— Ну, как вам нравится? — спросили его обманщики, показывая ткань и объясняя узоры, которых не было.

«Я не глуп, — думал сановник, — значит, я не на своем месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подать!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, восхищаясь чудесным рисунком и сочетанием красок.

— Премило, премило! — доложил он королю. Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.

Наконец король сам пожелал полюбоваться диковинкой, пока она еще не снята со станка. С целою свитой избранных царедворцев и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к обманщикам, ткавшим изо всех сил на пустых станках.

— Magnifique! (Чудесно! (фр.)) Не правда ли? — заговорили первые два сановника. — Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок... краски!

И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные-то видят ткань.

«Что, что такое?! — подумал король. — Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп, что ли, я? Или не гожесть в короли? Это было бы хуже всего!»

— О, да, очень, очень мило! — сказал наконец король. — Вполне заслуживает моего одобрения!

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки: он не хотел признаться, что ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза,

но видела не больше его самого; тем не менее все повторяли в один голос: «Очень, очень мило!» — и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

— Magnifique! Чудесно! Excellent! (Превосходно! (фр.)) — только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге!

Король наградил каждого обманщика орденом и пожаловал их в придворные ткачи.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей — так они старались кончить к сроку новый наряд для короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят ее большими ножницами и потом шьют иглками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Король в сопровождении свиты сам пришел к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, приговаривая:

— Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Легок, как паутина, и не почувствуешь его на теле! Но в этом-то вся и прелесть!

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видали: нечего ведь было и видеть.

— Соблаговолите теперь раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! — сказали королю обманщики. — Мы нарядим вас!

Король разделся, и обманщики принялись «наряжать» его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и, наконец, прикрепляют что-то на плечах и на талии: это они «надевали» на него королевскую мантию! А король в это время поворачивался перед зеркалом во все стороны.

— Боже, как идет! Как чудно сидит! — шептали в свите. — Какой рисунок, какие краски! Роскошный наряд!

— Балдахин ждет! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит платье?

И он еще раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с полу, и пошли за королем, вытягивая перед собой руки — они не смели и виду подать, что ничего не видят.

И вот король шествовал по улицам под роскошным балдахином, а в народе говорили:

— Ах, какой наряд! Какая роскошная мантия! Как чудно сидит! Ни единый человек не сознался, что ничего не видит: никто не хотел выдать себя за глупца или никуда не годного человека. Да, ни один наряд короля не вызывал еще таких восторгов.

— Да ведь он же совсем голый! — закричал вдруг один маленький мальчик.

— Ах, послушайте-ка, что говорит невинный младенец! — сказал его отец, и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

— Да ведь он совсем голый! — закричал наконец, весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал под своим балдахином еще величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая шлейф, которого не было.

39. Столик-накройся, золотой осел и дубинка из мешка (Урок 57)

<http://онлайн-читать.рф/%D0%B3%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BC-%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BA-%D0%BD%D0%B0%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%B9%D1%81%D1%8F-%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B9-%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BB-%D0%B8-%D0%B4%D1%83%D0%B1%D0%B8%D0%BD%D0%BA%D0%B0-%D0%B8%D0%B7-%D0%BC%D0%B5%D1%88%D0%BA%D0%B0/>

Давно тому назад жил на свете портной. Было у него три сына и одна единственная коза; она их всех молоком кормила, и потому приходилось за ней ухаживать как следует и каждый день гонять ее на пастбище.

Сыновья пасли козу каждый по очереди. Погнал ее раз старший сын пастись на кладбище, а трава росла там высокая да сочная, — вот коза щипала траву и прыгала. Вечером, когда надо было уже домой возвращаться, он у нее и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

Ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съест мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик. Взял ее за веревочку, привел в стойло и крепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но захотелось отцу самому в этом убедиться, и он пошел в стойло, погладил любимую свою козочку и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И ответила ему коза:

С чего же быть мне сытою?
Скакала я через могилочку
И съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Что я слышу! — воскликнул портной, выскочил из стойла и говорит сыну:

— Эх ты, лгунишка, что же ты говоришь, что коза наша сыта, а она-то совсем голодная! — и, разгневавшись, он взял со стены свой аршин, побил сына и прогнал его со двора.

На другой день настал черед пасти козу среднему сыну. Вот нашел он в саду возле забора местечко, где трава была хорошая, и коза всю ее поела. Вечером он собрался домой и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

А коза отвечает:

Я уж так сыта,
Что не съестъ мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Тогда ступай домой, — сказал мальчик, повел ее и крепко привязал к стойлу.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа.

Но портной решил сам в этом убедиться. Он пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза моя?

И отговорила коза:

Да как же мне быть сытою?
Скакала я через могилочку
Да съела лишь былиночку.
Ме-ме!

— Ах ты, этакий злодей! — крикнул портной. — Таковую смирную козу да еще заставлять голодать! — И он выбежал из стойла, схватил аршин, отчесал им сына и прогнал его со двора.

Пришел черед младшему сыну козу пасти, и порешил он дело поставить лучше: нашел заросль с густой листвой и стал пасти там козу. Вечером, когда подошло время домой возвращаться, спрашивает он козу:

— Сыта ли нынче, коза моя?

И ответила коза:

Я уж так сыта,
Что не съестъ мне больше ни листа.
Ме-ме!

— Ну, так ступай домой, — сказал мальчик, повел ее в стойло и крепко-накрепко привязал.

— Ну, — спросил старик-портной, — наелась ли коза наша досыта?

— О, — ответил сын, — она уж так сыта, что не хочет больше ни листа. — Но портной тому не поверил, пошел в стойло и спрашивает:

— Сыта ли ты, коза наша, нынче?

И ответила злая коза:

С	чего	же	быть	мне	сытою?
Скакала		я	через		могилочку
И	съела		лишь		былиночку.
Ме-ме!					

— Ах ты, лживая тварь! — воскликнул портной. — Все вы тут лентяи да негодяи! Ну, теперь уж в дураках меня не оставите! — и, разгневанный, он выскочил из стойла да так отчесал по спине бедного мальчика, что тот еле из дому выскочил.

И остался старик-портной один со своею козой. На другое утро зашел он в стойло, начал ласкать и гладить козу и говорит:

— Иди, моя милая козочка, я уж сам тебя поведу на пастбище. — Взял он ее за веревку и завел в зеленые кусты, где росла трава-деревей и другие растения, которые так любят щипать козы.

— Тут уж ты хоть раз, а вдосталь наешься, — сказал он и оставил ее пастись до самого вечера. А потом спрашивает ее:

— Сыта ли ты, коза моя?

И она ответила:

Я		уж		так		сыта,
Что	не	съесть	мне	больше	ни	листа.
Ме-ме!						

— Ну, так ступай тогда домой, — сказал портной, отвел ее в стойло и привязал крепко-накрепко. Он ушел, а потом вернулся опять и спрашивает:

— Ну, что, а теперь-то ты сыта?

Но коза ответила то же, что и сыновьям:

С	чего	же	быть	мне	сытою?
Скакала		я	через		могилочку
И	съела		лишь		былиночку.
Ме-ме!					

Услыхал это портной да так и остолбенел; он понял, что понапрасну выгнал своих трех сыновей из дому.

— Погоди уж, — закричал он, — неблагодарная ты тварь! Тебя мало со двора прогнать, я тебе еще такую отметину сделаю, что ты честным портным и на глаза не покажешься!

Выскочил он из хлева, принес свою бритву, нагнул козе голову и выбрил ее наголо. Потом взял плетку и так отчесал козу, что пустилась она бежать от него со всех ног.

И остался портной один-одинешенек в своем доме. Стало ему очень грустно и захотелось теперь вернуть своих сыновей, да никто не знал, куда они девались.

Старший из них поступил в обучение к одному столяру и учился у него прилежно и старательно, и когда срок ему вышел и пришло время идти странствовать и работу искать, подарил ему мастер столик, с виду совсем неказистый, и сделан он был из простого дерева; но было у него одно свойство — если поставить его и сказать: «Столик, накройся!» — то добрый столик тотчас накрывался чистой маленькой скатертью, и стояли на нем тарелки, а рядом нож и вилка, и столько вареного и жареного, сколько места хватало, да еще большой стакан красного вина искрился так, что сердце прямо радовалось.

Вот молодой подмастерье и подумал: «Ну, этого-то мне, пожалуй, на целую жизнь хватит!» — и, довольный и веселый, отправился странствовать по свету; и его мало огорчало, хороша ли, плоха ли гостиница и можно ли там найти что поесть. Иногда он в нее и вовсе не заходил, а ставил свой столик перед собой, где ему было любо, будь то в поле, в лесу или на лугу, и говорил: «Столик, накройся!», и тотчас являлось все, что его душе было угодно.

Наконец подумал он, что пора бы ему и домой к отцу воротиться, — гнев у него, пожалуй, уже поостыл, а с таким столиком старик примет его назад охотно. Но случилось так, что по пути домой забрел он под вечер в гостиницу, а гостей там было полным-полно. Они поздоровались с ним и пригласили его присесть с ними вместе за стол и поужинать, а то трудно-де будет ему здесь что-нибудь получить.

— Нет, — ответил молодой столяр, — зачем я буду вас еще объедать, уж лучше вы будьте моими гостями.

Посмеялись они и подумали, что он над ними шутит. Но он поставил свой деревянный столик посреди комнаты и сказал: «Столик, накройся!» И вмиг появились на нем кушанья, да такие вкусные, что подобных и сам хозяин гостиницы не мог бы им предложить, и запах пищи приятно щекотал нос гостям.

— Ну, давайте начнем, дорогие друзья, — сказал столяр.

И гости поняли его как должно и не заставили себя долго упрашивать, подсели к столу, достали свои ножи и смело принялись за еду. И что удивило их больше всего — это то, что когда они съедали одно кушанье, то вмиг появлялось само собой на его место другое. А хозяин стоял в сторонке и все это видел; он не знал, что ему и сказать, и подумал: «Да, такого повара и мне в хозяйстве неплохо бы иметь».

Столяр и его гости веселились до самой поздней ночи и наконец улеглись спать, а с ними и молодой подмастерье, а столик свой волшебный он поставил к стене. Но хозяину гостиницы мысли о нем не давали покоя; он вспомнил, что у него в кладовой стоит старый столик, точь-в-точь похожий на этот, и он его принес и тихонько подменил волшебный столик своим.

На другое утро столяр уплатил деньги за ночлег, взял столик, не подозревая, что его подменили, и отправился своим путем-дорогой дальше. К полудню пришел он к отцу, и тот встретил его с большой радостью.

— Ну, дорогой сынок, чему же ты научился? — спросил он его.

— Стал я, батюшка, столяром.

— Что ж, это хорошее ремесло, — ответил старик, — а что ты принес домой, что заработал во время странствий?

— Батюшка, самое дорогое, что я принес с собой, — это вот этот столик.

Осмотрел его портной со всех сторон и говорит:

— Что ж, сделан-то он неважно, столик старый и плохой.

— Но ведь это «столик-накройся», — ответил сын, — если поставить его да сказать, чтоб он накрылся, то появятся на нем тотчас самые прекрасные блюда, да еще и вино, чтоб сердцу было веселей. Вы вот пригласите всех родных и друзей, пусть попируют и попьют, — столик их всех накормит.

Вот собрались гости. Взял он свой столик, поставил его посредине комнаты и говорит: «Столик, накройся!» Но столик даже и не пошевелился и остался таким же пустым, как и всякий другой, который слов не понимает. Понял тогда бедный подмастерье, что столик-то ему подменили, и стыдно стало ему, что оказался он перед гостями луноном.

Посмеялись над ним родственники, и пришлось им не солоно хлебавши домой возвращаться. Достал портной опять свое тряпье и принялся снова за шитье, а сын поступил к мастеру на работу.

Средний сын попал к мельнику и поступил к нему в обучение. Когда ему вышел срок, мастер сказал:

— Ты работал хорошо, и вот за это дарю я тебе осла не простого, а особенного, — в упряжку он не годится и мешков тоже таскать не станет.

— Да на что же он мне тогда нужен? — спрашивает молодой подмастерье.

— Он золото выплевывает, — ответил мельник, — ежели поставить его на платок и сказать: «Бриклебрит!», то доброе животное станет выплевывать золотые и сзади и спереди.

— Дело это хорошее, — сказал подмастерье, поблагодарил мастера и отправился странствовать по свету. Когда он нуждался в деньгах, то стоило ему только сказать своему ослу: «Бриклебрит!», и тотчас сыпался дождь золотых, и одна была лишь работа — подымать их с земли.

И куда ни приходил молодой мельник, подавали ему самое что ни на есть лучшее и самое дорогое, ведь денег-то у него был полон кошелек.

Насмотрелся он всего на свете и подумал: «Что ж, надо бы, пожалуй, теперь и отца проведать, если явиться к нему с золотым ослом, то он, наверно, и гнев свой позабудет и встретит меня хорошо». И случилось так, что попал он в ту же самую гостиницу, в которой его брату подменили столик. Он вел своего осла под уздцы, и хозяин хотел было взять у него осла и привязать его к стойлу, но молодой подмастерье сказал:

— Вы, пожалуйста, не трудитесь, своего серого я уж сам отведу в стойло и сам привяжу, я должен знать, где он будет находиться.

Хозяину это показалось странным; он подумал, что у того, кто должен сам ухаживать за своим ослом, денег-то, пожалуй, не очень густо; но когда незнакомец сунул руку в карман и достал оттуда два золотых и велел дать ему поесть чего получше, то хозяин от удивления глаза вытаращил, побежал и достал самое лучшее, что у него было.

После обеда гость спросил, сколько он должен заплатить; ну, тут уж хозяин мелу не пожалел, подсчитал вдвое больше, чем следует, и сказал, что надо доложить еще два золотых. Сунул подмастерье руку в карман, а золота в нем больше не оказалось.

— Хозяин, вы подождите маленько, — сказал он, — я пойду и принесу вам золотые, — и взял с собою скатерть.

Хозяин не знал, что бы это должно значить; стало ему любопытно, и он пробрался следом за гостем, и когда тот закрыл двери конюшни на засов, стал он подглядывать в щелку. Гость разостлал под ослом платок, крикнул: «Бриклебрит!» — и вмиг посыпалось золото из осла и сзади и спереди, и нападало его на землю немало.

— Вот она чертовщина какая! — сказал хозяин. — Да ведь это всё новенькие дукаты! Таких и целый кошелек бы неплохо!

Гость оплатил свой трактирный счет и улегся спать. А хозяин пробрался ночью на конюшню, вывел оттуда монетных дел мастера, а на его место привязал другого осла.

На другое утро, только стало светать, отправился подмастерье дальше со своим ослом, думая, что это и есть его золотой осел. К полудню явился он к своему отцу; тот очень ему обрадовался и принял его ласково.

— Ну, скажи, сынок, что ж из тебя вышло? — спросил старик.

— Стал я мельником, милый батюшка, — ответил он.

— А что же принес ты домой из своих странствий?

— Да вот одного лишь осла.

— Ослов-то и здесь достаточно, — заметил отец, — лучше бы ты привел хорошую козу.

— Так-то оно так, — ответил сын, — но ведь это осел не простой, а золотой, — скажу я ему: «Бриклебрит!», и навалит он вам на платок целую кучу золота. Вот созовите родных, я всех их сделаю богачами.

— Это дело подходящее, — сказал портной, — теперь незачем мне будет с иглой мучиться, — и побежал тотчас сам и созвал всех родичей в гости. Собрались гости, и вот просит мельник очистить место, расстилает свой платок и приводит осла в комнату.

— Теперь смотрите, — сказал он и крикнул: «Бриклебрит!», но было то не золото, что на пол упало; и стало всем ясно, что этот осел искусству такому не обучен; да оно и верно, что не всякий осел на это способен бывает.

У бедного мельника лицо так и вытянулось; он понял, что его обманули; и стал он просить у родных прощенья, что придется им домой возвращаться

такими же бедными, как и раньше. И ничего больше не оставалось, как взяться старику опять за свою иглу, а подмастерью поступить на работу к мельнику.

Младший брат попал в обучение к одному токарю, а ремесло это тонкое, вот и пришлось ему дольше всех учиться. Но братья написали ему письмо и сообщили, какая беда с ними приключилась и как в самый последний вечер хозяин гостиницы украл у них их волшебные вещи.

Вот обучился токарь своему ремеслу, и настала пора ему странствовать, работу искать, и подарил ему мастер за хорошее поведение мешок и сказал:

— А лежит в этом мешке дубинка.

— Ну, мешок-то я могу положить себе на плечи, он может мне, пожалуй, и пригодиться, но дубинка на что? От нее только тяжесть одна.

— А вот я тебе объясню, — ответил мастер: — ежели тебя кто обидит, то стоит тебе только сказать: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выскочит она и бросится на людей и станет так весело по их спинам отплясывать, что целую неделю им нельзя будет ни двинуться, ни пошевелиться; и не остановится она до тех пор, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»

Поблагодарил подмастерье своего хозяина, повесил мешок за плечи, и если кто-либо подходил к нему близко, собираясь на него напасть, то он говорил: «Дубинка, из мешка!» — и мигом дубинка выскакивала и начинала у одного за другим кафтан или куртку на спине выколачивать, да не ожидая, пока ее тот снимет; и так она это делала проворно, что не успеет один и оглянуться, как тут черед и другому подходит.

Пришел молодой токарь под вечер в ту самую гостиницу, где братьев его обманули. Положил свой мешок на стол и стал рассказывать про всякие диковины, которые ему пришлось повидать на свете.

— Да, — сказал он, — бывают этакie столики-самобранки, а бывают еще и ослы золотые и всякая всячина; вещи-то они хорошие, что и говорить, смеяться над этим не приходится, но все это ничего не стоит перед богатством, что удалось мне добыть, а лежит оно у меня в мешке.

Тут хозяин и наострил уши: «Что же оно может быть такое? — подумал он. — Должно быть, мешок полон драгоценных камней. Неплохо бы мне и его заполучить, ведь хорошее-то случается всегда трижды».

Вот подошло время ложиться спать, и завалился гость на скамью и положил себе под голову свой мешок вместо подушки. Хозяин, решив, что гость спит

глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и ну его тащить тайком да поосторожней, чтоб подменить его другим.

А токарь только этого и ждал; только хозяин хотел было мешок вытащить, токарь крикнул: «Дубинка, из мешка!» И как выскочит дубинка, да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да еще в такт, колотила дубинка его по спине, пока, наконец, не упал он без чувств наземь.

И сказал тогда токарь:

— Если ты не вернешь «столика-накройся» и золотого осла, то дубинка начнет плясать снова.

— Ой, нет! — застонал еле слышно хозяин. — Я все охотно верну назад, скажи только своему домовому, чтобы он убрался опять в мешок.

И ответил ему подмастерье:

— Ладно, я тебя помилую, но смотри, берегись!

Он крикнул: «Дубинка, в мешок!» — и дубинка оставила хозяина в покое.

На другое утро отправился токарь со «столиком-накройся» и золотым ослом домой к своему отцу. Обрадовался портной, увидев снова своего сына, и спросил его тоже, чему он в чужих краях научился.

— Дорогой батюшка, — ответил тот, — я токарем сделался.

— Это тонкое ремесло, — сказал отец, — ну, а что же принес ты с собой из странствий?

— Дорогую вещицу, милый батюшка, — ответил сын, — дубинку в мешке.

— Что? — закричал отец. — Дубинку? Стоило еще трудиться! Да ведь ее же можно из каждого дерева вытесать.

— Да, но, пожалуй, не такую, милый батюшка; стоит мне только сказать ей: «Дубинка, из мешка!», и вмиг выскочит она и заставит того, кто плохо со мной обращается, так заплясать, что на земле лежать будет да просить о пощаде. Вот видите, благодаря этой дубинке я вернул назад и столик и золотого осла, который отнял вороватый хозяин гостиницы у моих братьев. Теперь позовите их обоих и пригласите всех родных, я всех досыта и угощу, и напою, и полные карманы им золотом набью.

Старик-портной не поверил было тому, однако ж созвал всю родню. Вот разостлал токарь в комнате платок, привел золотого осла и сказал своему брату:

— Ну, милый братец, поговори-ка с ним.

И сказал мельник: «Бриклебрит!» — и тотчас стали падать на платок дождем червонцы; и осел делал это до тех пор, пока у всех золота стало столько, что его еле можно было дотащить.

(А по тебе видать, что и ты не прочь был бы там побывать!)

Потом токарь принес столик и сказал:

— Ну, братец, поговори-ка ты с ним.

И только столяр вымолвил: «Столик, накройся!», — он уже и скатертью был покрыт, и весь богато уставлен самыми прекрасными блюдами.

Тут начался пир, — и не было за всю жизнь у портного в доме такого обеда, и вся родня засиделась до самой поздней ночи, и все были веселы и довольны.

И запер портной в свой шкаф иглу и нитки, аршин и утюг и стал жить да поживать вместе со своими сыновьями в радости и в богатстве.

— Ну, а куда же девалась коза, что была причиной тому, что прогнал портной из дому своих сыновей?

— Это я тебе сейчас расскажу. Стыдно ей стало, что бритая у нее голова, вот и забежала она в лисью нору да там и спряталась. Вернулась лиса домой, видит — поблескивают в темноте ей навстречу два больших глаза, — испугалась она и убежала. Встретился ей по дороге медведь, видит, что лиса в большом смущенье, и спрашивает у нее:

— Что это с тобой, лисичка-сестричка, чего это у тебя такой испуганный вид?

— Ох, — отвечает рыжая, — страшный зверь засел у меня в норе и таращит на меня огненные глазища.

— Да мы его враз выгоним, — говорит медведь, и пошел с ней к норе и заглянул туда; но как увидел огненные глазища, тут страх на него и напал: что тут со страшным зверем поделаешь? И давай медведь из норы ходу.

Тут повстречалась ему пчела; заметила она, что медведю как-то не по себе, и спрашивает:

— Медведь, чего это у тебя вид такой мрачный, куда девалась твоя веселость?

— Тебе-то хорошо рассуждать, — ответил медведь, — а вот у лисы в доме засел страшный зверь, глаза выпучил, и выгнать его мы никак не в силах.

И сказала пчела:

— Жаль мне тебя, медведь; хоть я существо слабое и бедное и вы на меня и глядеть не хотите, но я все-таки могу вам помочь.

И она влетела в лисью нору, села козе на бритую голову и так больно ее ужалила, что та так и подпрыгнула, да как закричит: «Ме-ме!» и как угорелая выскочила оттуда. И никто до сих пор так и не знает, куда она забежала.

40. Гадкий утенок (Урок 58)

<http://hobbitaniya.ru/andersen/andersen21.php>

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — он выучился этому языку от матери. За полями и лугами шли большие леса с глубокими озерами в чаще. Да, хорошо было за городом! Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от самого строения вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В самой чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сидение — ее мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать с нею. Наконец яичные скорлупки затрещали.

— Пи! Пи! — послышалось из них, яичные желтки ожили и повысунули из скорлупок носики.

— Живо! Живо! — закрикала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озиаться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им — зеленый свет полезен для глаз.

— Как мир велик! — сказали утята.

Еще бы! Теперь у них было куда больше места, чем тогда, когда они лежали в яйцах.

— А вы думаете, что тут и весь мир? — сказала мать. — Нет! Он идет далеко-далеко, туда, за сад, в поле священника, но там я отроду не бывала!.. Ну, все, что ли, вы тут? — И она встала. — Ах, нет, не все! Самое большое яйцо целехонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

— Ну, как дела? — заглянула к ней старая утка.

— Да вот еще одно яйцо остается! — сказала молодая утка. — Сижу, сижу, а все толку нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

— Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка. — Может статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они страсть как боятся воды; уж я и крикала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и конец! Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай, учи других плавать!

— Посижу уж еще! — сказала молодая утка. — Сидела столько, что можно посидеть и еще немножко.

— Как угодно! — сказала старая утка и ушла. Наконец затрещала скорлупка и самого большого яйца.

— Пи! Пи! — и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

— Ужасно велик! — сказала она. — И совсем не похож на остальных! Неужели это индюшонок? Ну да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух весь был залит солнцем. Утка со всею своею семьей отправилась к канаве. Бултых! — и утка очутилась в воде.

— За мной! Живо! — позвала она утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо. Лапки у них так и работали; некрасивый серый утенок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Ишь как славно гребет лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын! Да он вовсе и не дурен, как посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество: мы отправимся на птичий двор. Но держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум и гам! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, и в конце концов она досталась кошке.

— Вот как идут дела на белом свете! — сказала утка и облизнула язычком клюв: ей тоже хотелось отведать угриной головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — сказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех! Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток? Как красиво! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Люди дают этим понять, что не желают потерять ее; по этому лоскутку ее узнают и люди, и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен держать лапки врозь и выворачивать их наружу, как папаша с мамашей! Вот так! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Они так и сделали, но другие утки оглядывали их и громко говорили:

— Ну, вот еще целая орава! Точно нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы не потеряем!

И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

— Оставьте его! — сказала утка-мать. — Он вам ведь ничего не сделал!

— Положим, но он такой большой и странный! — отвечала забияка. — Ему и надо задать хорошенько!

— Славные у тебя детки! — сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

— Никак нельзя, ваша милость! — ответила утка-мать. — Он некрасив, но у него доброе сердце, и плавает он не хуже, смею даже сказать, лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет или станет со временем поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не совсем удался. — И она провела

носом по перышкам большого утенка. — Кроме того, он селезень, а ему красота не так нужна. Я думаю, что он возмужает и пробьет себе дорогу!

— Остальные утята очень-очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте же как дома, а найдете утриную головку, можете принести ее мне.

Вот они и стали вести себя, как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки, и куры.

— Он больно велик! — говорили все, а индюк, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утенку, поглядел на него и пресердито залопотал; гребешок у него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным посмешищем для всего птичьего двора!

Так прошел первый день, затем пошло еще хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!» — а мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видали!» Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утенок, перебежал двор и — через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

«Они испугались меня — такой я безобразный!» — подумал утенок и пустился с закрытыми глазами дальше, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный он просидел тут всю ночь.

Утром утки вылетели из гнезд и увидали нового товарища.

— Ты кто такой? — спросили они, а утенок вертелся, раскланиваясь на все стороны, как умел.

— Ты пребезобразный! — сказали дикие утки. — Но нам до этого нет дела, только не вздумай породниться с нами!

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провел он в болоте, на третий явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали с большим форсом.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, в другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить «рап, рап!» Ты такой урод, что — чего доброго — будешь иметь у них большой успех!

«Пиф! паф!» — раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми: вода окрасилась кровью. «Пиф! паф!» — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон; некоторые из них сидели в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки; камыш качался из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха и только хотел спрятать голову под крыло, как глядь — перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утенку свою пасть, оскалила острые зубы и — шлеп, шлеп — побежала дальше.

— Слава Богу! — перевел дух утенок. — Слава Богу! Я так безобразен, что даже собаке не хочется укусить меня!

И он притаился в камышах; над головою его то и дело летали дробинки, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться. Прошло еще несколько часов, пока он осмелился встать, оглядеться и пуститься бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка так уже обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, оттого и держалась. Ветер так и подхватывал утенка — приходилось упираться в землю хвостом!

Ветер, однако, все крепчал; что было делать утенку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит совсем криво: можно было свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старушка с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спинку, мурлыкать и даже испускать искры, если его гладили против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, ее и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром пришельца заметили: кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

— Что там? — спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала старушка. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание, но прошло недели три, а яиц все не было. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и свет!» Они считали самих себя половиной всего света, притом — лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утенка.

— Нет!

— Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

— Нет!

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись. Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Да что с тобой?! — спросила она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь — дурь-то и пройдет!

— Ах, плавать по воде так приятно! — сказал утенок. — А что за наслаждение нырять в самую глубь с головой!

— Хорошо наслаждение! — сказала курица. — Ты совсем рехнулся! Спроси у кота — он умнее всех, кого я знаю, — нравится ли ему плавать или нырять! О себе самой я уж не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи: умнее ее нет никого в свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять с головой?

— Вы меня не понимаете! — сказал утенок.

— Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а благодари-ка

лучше Создателя за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты — пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит! Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя: по этому всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утенок.

— И с Богом! — отвечала курица.

И утенок ушел, плавал и нырял с головой, но все животные по-прежнему презирали его за безобразие.

Настала осень; листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху; наверху, в небе, стало так холодно, что тяжелые облака сеяли градом и снегом, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утенку.

Раз вечером, когда солнышко еще так славно сияло на небе, из-за кустов поднялась целая стая чудных больших птиц; утенок сроду не видал таких красавцев: все они были белы как снег, с длинными, гибкими шеями! То были лебеди. Они испустили какой-то странный крик, взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватило какое-то странное волнение. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудные птицы не шли у него из головы, и, когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул опять и был словно вне себя. Утенок не знал, как зовут этих птиц, куда они летели, но полюбил их, как не любил до сих пор никого. Он не завидовал их красоте: ему и в голову не могло прийти пожелать походить на них; он рад бы был и тому, чтоб хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безобразный утенок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать по воде без отдыха, чтобы не дать ей замерзнуть совсем, но с каждою ночью свободное ото льда пространство становилось все меньше и меньше. Морозило так, что ледяная кора трещала. Утенок без усталости работал лапками, но под конец обессилел, приостановился и весь обмерз.

Рано утром мимо проходил крестьянин, увидел примерзшего утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и принес птицу домой к жене. Утенка отогрели.

Но вот дети вздумали поиграть с ним, а он вообразил, что они хотят обидеть его, и шарахнулся со страха прямо в подойник с молоком — молоко все расплескалось. Женщина вскрикнула и всплеснула руками; утенок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда — в бочонок с мукой. Батюшки, на что он был похож! Женщина вопила и гонялась за ним с угольными щипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь стояла отворенной: утенок выбежал, кинулся в кусты прямо на свежавывающий снег и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы чересчур печально описывать все злоключения утенка во время суровой зимы. Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки, пришла весна-красна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел; теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего. Не успел он опомниться, как уже очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весною! Вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал красивых птиц, и его охватила какая-то странная грусть.

«Полечу-ка я к этим царственным птицам; они, наверное, убьют меня за мою дерзость, за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, но пусть! Лучше быть убитым ими, чем сносить щипки уток и кур, толчки птичницы да терпеть холод и голод зимою!»

И он слетел в воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, которые, завидя его, тоже устремились к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти, но что же увидал он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное отражение, но он был уже не безобразною темно-серою птицей, а — лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если вылупился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенес столько горя и бедствий: он лучше мог теперь оценить свое счастье и все окружавшее его великолепие. Большие лебеди плавали вокруг него и ласкали его, глядя клювами по перышкам.

В сад прибежали маленькие дети; они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый маленький из них закричал:

— Новый, новый!

И все остальные подхватили:

— Да, новый, новый! — хлопали в ладоши и приплясывали от радости; потом побежали за отцом с матерью, и опять бросали в воду крошки хлеба и пирожного.

Все говорили, что новый красивее всех. Такой молоденький, прелестный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и спрятал голову под крыло, сам не зная зачем. Он был чересчур счастлив, но нисколько не гордился: доброе сердце не знает гордости, помня то время, когда все его презирали и гнали. А теперь все говорят, что он прекраснейший между прекрасными птицами! Сирень склоняла к нему в воду свои душистые ветви; солнышко светило так славно... И вот крылья его зашумели, стройная шея выпрямилась, а из груди вырвался ликующий крик:

— Нет, о таком счастье я и не мечтал, когда был еще безобразным утенком!

41. Пастушка и трубочист (Урок 59)

<http://hobbítaniya.ru/andersen/andersen87.php>

Видали вы когда-нибудь старинный-старинный шкаф, почерневший от времени и украшенный резными завитушками и листьями? Такой вот шкаф — прабабушкино наследство — стоял в гостиной. Он был весь покрыт резьбой — розами, тюльпанами и самыми затейливыми завитушками. Между ними выглядывали оленьи головки с ветвистыми рогами, а на самой середке был вырезан во весь рост человек. На него нельзя было глядеть без смеха, да и сам он ухмылялся от уха до уха — улыбкой такую гримасу никак не назовешь. У него были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода. Дети звали его обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног, потому что выговорить такое имя трудно и дается такой титул не многим. Зато и вырезать такую фигуру не легко, ну да все-таки вырезали. Человек все время смотрел на подзеркальный столик, где стояла хорошенькая фарфоровая пастушка. Позолоченные башмаки, юбочка, грациозно подколотая пунцовой розой, позолоченная шляпа на головке и пастуший посох в руке — ну разве не красота! Рядом с нею стоял маленький трубочист, черный, как уголь, но тоже из фарфора и такой же чистенький и

милый, как все иные прочие. Он ведь только изображал трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать его принцем — все равно!

Он стоял грациозно, с лестницей в руках, и лицо у него было бело-розовое, словно у девочки, и это было немножко неправильно, он мог бы быть и почумазей. Стоял он совсем рядом с пастушкой — как их поставили, так они и стояли. А раз так, они взяли да обручились. Парочка вышла хоть куда: оба молоды, оба из одного и того же фарфора и оба одинаково хрупкие.

Тут же рядом стояла еще одна кукла, втрое больше их ростом, — старый китаец, умевший кивать головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, вот только доказательств у него не хватало. Он утверждал, что она должна его слушаться, и потому кивал головою обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Хороший у тебя будет муж! — сказал старый китаец. — Похоже, даже из красного дерева. С ним ты будешь оберунтер-генерал-кригскомиссар-сержантшей. У него целый шкаф серебра, не говоря уж о том, что лежит в потайных ящиках.

— Не хочу в темный шкаф! — отвечала пастушка. — Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жен!

— Ну так будешь двенадцатой! — сказал китаец. — Ночью, как только старый шкаф закрепит, сыграем вашу свадьбу, иначе не быть мне китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

А пастушка расплакалась и, глядя на своего милого — фарфорового трубочиста, сказала:

— Прошу тебя, убежим со мной куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться.

— Ради тебя я готов на все! — отвечал трубочист. — Уйдем сейчас же! Уж наверное я сумею прокормить тебя своим ремеслом.

— Только бы спуститься со столика! — сказала она. — Я не вздохну свободно, пока мы не будем далеко-далеко!

Трубочист успокаивал ее и показывал, куда ей лучше ступать своей фарфоровой ножкой, на какой выступ или золоченую завитушку. Его лестница также сослужила им добрую службу, и в конце концов они

благополучно спустились на пол. Но, взглянув на старый шкаф, они увидели там страшный переполох. Резные олени вытянули вперед головы, выставили рога и вертели ими во все стороны, а обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног высоко подпрыгнул и крикнул старому китайцу:

— Они убегают! Убегают!

Пастушка и трубочист испугались и шмыгнули в подоконный ящик.

Тут лежали разрозненные колоды карт, был кое-как установлен кукольный театр. На сцене шло представление.

Все дамы — бубновые и червонные, трефовые и пиковые — сидели в первом ряду и обмахивались тюльпанами, а за ними стояли валеты и старались показать, что и они о двух головах, как все фигуры в картах. В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали, и пастушка заплакала: это так напомнило ее собственную судьбу.

— Сил моих больше нет! — сказала она трубочисту. — Уйдем отсюда!

Но когда они очутились на полу и взглянули на свой столик, они увидели, что старый китаец проснулся и раскачивается всем телом — ведь внутри него перекачивался свинцовый шарик.

— Ай, старый китаец гонится за нами! — вскрикнула пастушка и в отчаянии упала на свои фарфоровые колени.

— Стой! Придумал! — сказал трубочист. — Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушеными душистыми травами и цветами? Спрячемся в нее! Ляжем там на розовые и лавандовые лепестки, и если китаец доберется до нас, засыплем ему глаза солью.

— Ничего из этого не выйдет! — сказала пастушка. — Я знаю, китаец и ваза были когда-то помолвлены, а от старой дружбы всегда что-нибудь да остается. Нет, нам одна дорога — пуститься по белу свету!

— А у тебя хватит на это духу? — спросил трубочист. — Ты подумала о том, как велик свет? О том, что нам уж никогда не вернуться назад?

— Да, да! — отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на нее и сказал:

— Мой путь ведет через дымовую трубу! Хватит ли у тебя мужества залезть со мной в печку, а потом в дымовую трубу? Там-то уж я знаю, что делать!

Мы поднимемся так высоко, что до нас и не доберутся. Там, на самом верху, есть дыра, через нее можно выбраться на белый свет!

И он повел ее к печке.

— Как тут темно! — сказала она, но все-таки полезла за ним и в печку, и в дымоход, где было темно, хоть глаз выколи.

— Ну вот мы и в трубе! — сказал трубочист. — Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звездочка!

На небе и в самом деле сияла звезда, словно указывая им путь. А они лезли, карабкались ужасной дорогой все выше и выше. Но трубочист поддерживал пастушку и подсказывал, куда ей удобнее ставить свои фарфоровые ножки. Наконец они добрались до самого верха и присели отдохнуть на край трубы — они очень устали, и не мудрено.

Над ними было усеянное звездами небо, под ними все крыши города, а кругом на все стороны, и вширь и вдаль, распахнулся вольный мир. Бедная пастушка никак не думала, что свет так велик. Она склонилась головкой к плечу трубочиста и заплакала так сильно, что слезы смыли всю позолоту с ее пояса.

— Это для меня слишком! — сказала пастушка. — Этого мне не вынести! Свет слишком велик! Ах, как мне хочется обратно на подзеркальный столик! Не будет у меня ни минуты спокойной, пока я туда не вернусь! Я ведь пошла за тобой на край света, а теперь ты проводи меня обратно домой, если любишь меня!

Трубочист стал ее вразумлять, напоминал о старом китайце и обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержанте Козлоного, но она только рыдала безутешно да целовала своего трубочиста. Делать нечего, пришлось уступить ей, хоть это и было неразумно.

И вот они спустились обратно вниз по трубе. Не легко это было! Оказавшись опять в темной печи, они сначала постояли у дверцы, прислушиваясь к тому, что делается в комнате. Все было тихо, и они выглянули из печи. Ах, старый китаец валялся на полу: погнавшись за ними, он свалился со столика и разбился на три части. Спина отлетела начисто, голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-кригскомиссарсержант стоял, как всегда, на своем месте и раздумывал.

— Какой ужас! — воскликнула пастушка. — Старый дедушка разбился, и виною этому мы! Ах, я этого не переживу!

И она заломила свои крошечные ручки.

— Его еще можно починить! — сказал трубочист. — Его отлично можно починить! Только не волнуйся! Ему приклеят спину, а в затылок вгонят хорошую заклепку, и он опять будет совсем как новый и сможет наговорить нам кучу неприятных вещей!

— Ты думаешь? — сказала пастушка.

И они снова вскарабкались на свой столик.

— Далеко же мы с тобою ушли! — сказал трубочист. — Не стоило и трудов!

— Только бы дедушку починили! — сказала пастушка. — Или это очень дорого обойдется?..

Дедушку починили: приклеили ему спину и вогнали в затылок хорошую заклепку. Он стал как новый, только головой кивать перестал.

— Вы что-то загордились с тех пор, как разбились! — сказал ему обер-унтер-генерал-кригскомиссар-сержант Козлоног. — Только с чего бы это? Ну так как, отдадите за меня внучку?

Трубочист и пастушка с мольбой взглянули на старого китайца: они так боялись, что он кивнет. Но кивать он уже больше не мог, а объяснять посторонним, что у тебя в затылке заклепка, тоже радости мало. Так и осталась фарфоровая парочка неразлучна. Пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклепку и любили друг друга, пока не разбились.